федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»

На правах рукописи

ЛЕСОВАЯ ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

КОНКРЕТИЗАЦИЯ ПРАВА И ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРАВА КАК ПАРНЫЕ ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ

Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
академик РАЕН
Ершов Валентин Валентинович

Москва – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение …….. 3

Глава I. Общенаучные категории «абстрактное» и «конкретное», «неопределенность» и «определенность»

§ 1. Понятие и виды общенаучных категорий……..……15

§ 2. Общенаучные категории «абстрактное» и «конкретное»……....28

§ 3. Общенаучные категории «неопределенность» и «определенность» 33

Глава II. Правовые категории «конкретизация права» и «определенность права»

§ 1. Становление и развитие правовых категорий «конкретизация права» и «определенность права» в XX-XXI веках …….……45

§ 2. Правовая категория «конкретизация права» ……71

§ 3. Правовая категория «определенность права» …….131

§ 4. «Конкретизация права» и «определенность права» как парные правовые категории ……..…….....……148

Заключение ..…….164

Библиографический список ……...……..167

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. В настоящее время отмечается необходимость выработки новых подходов при рассмотрении уже существующих, а также возникающих теоретических и практических вопросов, объективно требующих иного осмысления с целью дальнейшего развития, как российской юридической науки, так и правотворческой, правореализационной деятельности в государстве. При этом не могут остаться без внимания отдельные аспекты теоретико-правовой мысли, изложенные в специальных работах дореволюционного, советского и современного периодов, с учетом которых могут быть выработаны пути решения различных проблем, в том числе связанных с объективной и непрерывной необходимостью развития права посредством его конкретизации в направлении от меньшей степени определенности к большей степени определенности.

Представляется, что тип правопонимания – это важнейший вопрос, возникающий у каждого исследователя при проведении научного изыскания, проводящегося с целью анализа правовых явлений или процессов. Безусловно, он относится к числу издавна привлекавших внимание научных работников. Плюрализм мнений относительно типов правопонимания можно отметить не только в прошлом, но и на современном этапе развития юридической мысли. При этом в настоящее время в учебной и научной литературе правопонимание развивается на основе классических монистических подходов, в частности естественно-правового, позитивистского, философского и др., а также в рамках формирования интегративного (синтетического) правопонимания. Например, В.Д. Зорькин в рамках своего выступления на IX Петербургском международном юридическом форуме предложил метамодернистический подход, в рамках которого синтезируются различные типы правопонимания, развивающиеся «в рамках модерна, постмодерна и даже премодерна как особых парадигм

мышления»[1]. Как представляется, «научно обоснованная концепция интегративного правопонимания»[2] позволяет рассматривать право в его единстве и многообразии, как сложный социальный феномен.

Правовые категории «конкретизация права» и «определенность права» в юридической литературе в основном рассматриваются с точки зрения юридического позитивизма, а также тех концепций интегративного правопонимания, в которых право синтезируется с другими неправовыми явлениями («научно дискуссионных и разнообразных концепций интегративного правопонимания»[3]). Представляется, что именно это обстоятельство находится в основе дискуссионных позиций научных работников, предлагающих, например, рассматривать конкретизацию права не только во взаимосвязи с правотворческой деятельностью, но и с процессами правоприменения, толкования (интерпретации).

В диссертационном исследовании вышеназванные правовые категории анализируются с точки зрения «научно обоснованной концепции интегративного правопонимания», в рамках которой право рассматривается как многосторонний и развивающийся феномен социальной действительности, взаимодействующий и взаимообусловленный различными факторами, в том числе с позиции многообразия его форм.

Таким образом, актуальность темы диссертационного исследования в теоретическом аспекте определяется следующим. Несмотря на то, что в юридической литературе косвенно затрагивался вопрос о взаимосвязи конкретизации права и определенности права, все же самостоятельных исследований, посвященных рассмотрению правовых категорий, выражающих такие правовые процесс и явления как парных, нет. Необходимость сохранения и увеличения прежде всего таких свойств права, как устойчивость, продолжительность действия, изменчивость в меньшей степени, обуславливают

---

[1]Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы //[Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=86.

[2] См. более подробно: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. С. 54 – 82.

[3] См. более подробно: Ершов В.В. Указ. соч. С. 503 – 506.

актуальность темы также и в практическом аспекте, поскольку такая проблема непосредственно связана с объективным и непрерывным развитием права от абстрактного, меньшей степени его определенности к конкретному, большей степени его определенности, достигаемого посредством конкретизации принципов и норм права, содержащихся в формах национального и (или) международного права. Кроме этого, такой подход к рассмотрению данных правовых категорий имеет практическое значение для осуществления правотворческой и правоприменительной деятельности.

Степень научной разработанности темы исследования.

В целях установления парности правовых категорий рассматриваются логико-философские подходы, сложившиеся в научной и учебной литературе, относительно общенаучных понятий «категория» и «парные категории». Среди научных работников, занимавшихся анализом указанных вопросов, отмечаются: Л.Ф. Гончар, В.С. Готт, М.С. Каган, С.В. Корнакова, С.Б. Крымский, Г.Д. Левин, И.Я. Лойфман, И.Б. Новик, Д.В. Пивоваров, М.М. Розенталь, М.Н. Руткевич, Э.П. Семенюк, О.С. Сергеева, Ж.Т. Туленов, А.Д. Урсул, А.П. Шептулин и другие.

Отдельные вопросы, связанные с общенаучными категориями «абстрактное» и «конкретное», «неопределенность и определенность», затрагивались еще такими философами, как Фалес, Анаксимандр, Платон, Аристотель, Г.В.Ф. Гегель, И. Кант и другими учеными. В отечественной философской литературе фундаментальные основы исследования данных категорий заложены К. Марксом, Ф. Энгельсом, Э.В. Ильенковым, В.С. Готом, В.С. Веселковой, П.И. Визиром, А.Д. Урсулом, В.Г. Черником, В.А. Гречановой, А.С. Борщовым и другими научными работниками. В научных исследованиях указанных и многих других ученых, например, «абстрактное» и «конкретное» изучаются в процессе познания с точки зрения их диалектического единства. Кроме этого, отмечается взаимосвязь данных категорий с общенаучными категориями «неопределенность» и «определенность». Последние в свою очередь также анализировались в диалектическом единстве в процессе познавательной деятельности человека, во

взаимосвязи с природными свойствами и объектами. Кроме этого, раскрывалась взаимосвязь последних с иными общенаучными и специальными (частнонаучными) категориями. Данные работы легли в основу анализа указанных категорий и юридическими науками.

Определенный вклад в основу формирования и развития знаний о правовой категории «конкретизация права» внесли исследования таких ученых, как Н.А. Гредескул, который в дореволюционный период впервые в научной отечественной литературе обратил внимание на указанную проблему; советского периода – А.К. Безиной, С.Н. Братуся, А.Б. Венгерова, Н.Н. Вопленко, В.В. Лазарева, А.В. Мицкевича, А.Ф. Ноздрачева, С.Г. Ткачевой, А.Ф. Черданцева, Г.Г. Шмелевой и других научных работников; современного периода – в рамках теории права: А.В. Аверина, В.М. Баранова, Н.А. Власенко, Ю.А. Гавриловой, М.Ш. Гамидова, В.В. Ершова, М.В. Залоило, В.Н. Карташова, А.В. Корнева, В.В. Лазарева, И.А. Минникеса, Л.А. Морозовой, И.Н. Сенякина, В.А. Толстика и других ученых, в рамках отраслевых наук: И.А. Глотовой, В.И. Крусса, В.А. Кряжкова, С.Г. Пишиной и других научных работников.

В свою очередь, в отношении правовой категории «определенность права» отмечается, что в дореволюционной литературе отдельные аспекты данной проблемы затрагивались в рамках толкования «неясных», «темных», «неполных» норм закона такими учеными, как: Н.А. Гредескул, Е.В. Васьковский, И.А. Покровский. В советский и современный период в теории права определенность права чаще всего рассматривается как важнейшее свойство или признак права, тождественный понятию «формальная определенность». Такие позиции содержатся в научных исследованиях: советского периода – С.С. Алексеева, П.Е. Недбайло, А.С. Шабурова и других ученых, а также современного периода – С.В. Бошно, Н.А. Власенко, О.Э. Лейста, Т.Н. Назаренко, А.Ф. Черданцева и других научных работников. В отраслевых науках сформировалась тенденция к анализу данной категории как «принципа правовой определенности». Такой подход отмечен в работах Т.М. Алексеевой, Н.С. Бондаря,

Е.А. Борисовой, М.Ю. Козловой, Р. Масаладжиу, Т.Н. Нешатаевой, А.А. Рукавишниковой (Плашевской) и других ученых.

В целях обоснования парности правовых категорий «конкретизация права» и «определенность права» проанализированы подходы, сложившиеся в юридической литературе, относительно понятий «правовые категории» и «парные правовые категории», в частности труды следующих ученых: А.М. Васильева, А.Б. Венгерова, А.В. Малько, М.Н. Марченко, В.В. Ныркова, Н.И. Панова, В.Ю. Панченко, А.А. Рудакова, В.М. Сырых и других научных работников.

Позиции названных ученых свидетельствует об определенном уровне научной разработанности правовых категорий «конкретизация права» и «определенность права». Отечественными научными работниками вопросы, связанные с совместным рассмотрением указанных правовых категорий, затрагивались лишь косвенно в рамках изучения других фундаментальных проблем, а существующие немногочисленные самостоятельные научные исследования посвящены рассмотрению отдельно взятых правовых категорий. В этой связи, подчеркивая фундаментальность анализируемых правовых категорий, важность их рассмотрения в рамках категориального аппарата, прежде всего теории государства и права, а также отраслевых наук, представляется необходимым выработать системный подход при их изучении, который в современной юридической литературе, к сожалению, отсутствует.

Целью диссертационного исследования является: с учетом знаний об общенаучных категориях «абстрактное», «конкретное», «определенность», «неопределенность», правовых категорий «конкретизация права», «определенность права», анализа форм национального и (или) международного права, реализуемых в государстве, судебной практики исследование природы конкретизации права и определенности права, на основе объективного «общего» выявление прежде всего их взаимосвязи и взаимозависимости, существующих в большей степени.

Для достижения поставленной цели потребовалось обозначить и решить **следующие задачи:**

- с помощью рассмотрения логико-философских подходов, сложившихся в научной и учебной литературе, относительно общенаучных понятий «категория» и «парные категории» выявить основные признаки (основные черты) категорий и парных категорий;

- исследовать общенаучные категории «абстрактное» и «конкретное» с учетом их диалектического единства, а также установить взаимосвязь с общенаучными категориями «неопределенность» и «определенность»;

- проанализировать общенаучные категории «неопределенность» и «определенность», находящиеся в диалектическом единстве, а также выявить взаимосвязь с общенаучными категориями «абстрактное» и «конкретное»;

- рассмотреть становление и развитие правовых категорий «конкретизация права» и «определенность права» в отечественной юридической литературе XX-XXI веков;

- исследовать природу конкретизации права, обосновать рассмотрение «конкретизации права» как самостоятельной правовой категории;

- установить природу определенности права, аргументировать категориальный статус «определенности права»;

- обосновать рассмотрение «конкретизации права» и «определенности права» в качестве парных правовых категорий.

Объектом диссертационного исследования выступают общенаучные категории «конкретное» и «определенность» как самостоятельные, но в то же время взаимосвязанные; а также общенаучные концепции, выработанные в процессе их исследования.

Предметом диссертационного исследования являются правовые категории «конкретизация права», «определенность права», а также «конкретизация права» и «определенность права» как парные правовые категории.

Методологическую основу диссертационного исследования образуют общефилософский диалектико-материалистический метод познания, общенаучные методы: исторический, логический (в рамках которого были использованы такие приемы, как анализ, синтез, индукция, дедукция), системный, функциональный, а также частнонаучные методы: историко-правовой, формально-юридический (догматический), сравнительно-правовой, структурно-функциональный.

Теоретической основой исследования выступают научные труды А.В. Аверина, С.С. Алексеева, Т.М. Алексеевой, В.М. Баранова, А.К. Безиной, Н.С. Бондаря, Е.А. Борисовой, С.В. Бошно, С.Н. Братуся, А.Б. Венгерова, П.И. Визира, Н.А. Власенко, Н.Н. Вопленко, Ю.А. Гавриловой, М.Ш. Гамидова, И.А. Глотовой, В.В. Ершова, М.В. Залоило, Э.В. Ильенкова, В.Н. Карташова, М.Ю. Козловой, А.В. Корнева, В.Н. Корнева, В.И. Крусса, В.А. Кряжкова, В.В. Лазарева, О.Э. Лейста, А.В. Малько, М.Н. Марченко, И.А. Минникеса, А.В. Мицкевича, Л.А, Морозовой, Т.Н. Назаренко, Т.Н. Нешатаевой, А.Ф. Ноздрачева, В.В. Ныркова, П.Е. Недбайло, С.Г. Пишиной, П.М. Рабиновича, А.А. Рудакова, И.Н. Сенякина, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомирова, В.А. Толстика, С.Г. Ткачевой, А.Д. Урсула, А.Ф. Черданцева, Г.Г. Шмелевой и других ученых.

В диссертационном исследовании также используются научные работы ученых-правоведов дореволюционного периода: Е.В. Васьковского, Н.А. Гредескула, И.А. Покровского.

Правовую базу исследования составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы (в том числе Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»), федеральные законы (например, Федеральный закон от 15.07.1995 №101-ФЗ «О международных договорах», Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», в том числе

кодифицированные, например, Трудовой кодекс Российской Федерации и др.), законы субъектов Российской Федерации и др.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составляют судебные акты Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в обосновании парности правовых категорий «конкретизация права» и «определенность права». При этом с точки зрения «научно обоснованной концепции интегративного правопонимания» определяется их категориальный статус в рамках прежде всего теории государства и права и формулируются их понятия.

Проведенное исследование позволило сформулировать и обосновать **положения и выводы, выносимые на защиту и содержащие элементы научной новизны**, наиболее существенными из которых представляются следующие.

1. Выявлено, что категория представляет собой результат сознательной и волевой деятельности человека, выражающий с высокой степенью абстрактности и общности существенные свойства предметов, явлений или процессов, их взаимосвязи, взаимозависимости в разной степени или иные отношения, их изменчивость и развитие, в совокупности с другими элементами системы научного знания, способствующие познанию единства и наиболее общих законов развития всего материального мира.

2. Установлено, что дифференциация категорий на парные и непарные характерна для любой области научного знания, в том числе и для юридических наук. В парных категориях выражаются прежде всего взаимосвязь и взаимозависимость в той или иной степени между предметами, явлениями или процессами; в свою очередь, в непарных категориях – изолированность (раздельность) между предметами, явлениями или процессами. Для парных категорий характерны следующие основные признаки (основные черты):

- существование между выражаемыми в таких категориях предметами, явлениями или процессами объективного «общего», на основании которого происходит их познание;

- выражение взаимосвязи и взаимозависимости в той или иной степени между предметами, явлениями или процессами;

- отражение «конкретных противоположностей» между предметами, явлениями или процессами.

3. Доказано, что категория «абстрактное» – исходный пункт процесса развития теоретического знания и результат эмпирического восхождения; категория «конкретное» – исходный пункт эмпирического восхождения и результат развития теоретического знания. При таком общенаучном подходе категории «абстрактное» и «конкретное» находятся в диалектическом единстве и признаются парными. Данные категории также находятся во взаимосвязи, в том числе и с общенаучными категориями «неопределенность» и «определенность».

4. Выявлено, что общенаучные категории «неопределенность» и «определенность» находятся в диалектическом единстве и исследованы во взаимосвязи не только между собой, но и с иными общенаучными категориями, в том числе: «абстрактное», «конкретное», «взаимосвязь», «движение», «качество», «количество», «сущность», «явление», «необходимость», «случайность», «возможность», «действительность» и др. «Качество» рассматривается как «первая» общенаучная категория, характеризующая «определенность» социального явления или процесса с помощью установления их существенных свойств. Качество изменчиво в большей или меньшей степени. В свою очередь, существенным свойствам присущи продолжительность и устойчивость. На основе последних возможно установление определенности социального явления или процесса (переход от неопределенности к определенности), а изменение продолжительности и устойчивости приводит к ее нарушению и возникновению неопределенности (переход от определенности к неопределенности). Процессы

перехода от неопределенности к определенности и от определенности к неопределенности происходят непрерывно и бесконечно.

5. Необходимость сохранения и увеличения прежде всего таких свойств права, как устойчивость, продолжительность действия и меньшая степень изменчивости приводит к непрерывному и объективному развитию права от абстрактного, в меньшей степени определенного к конкретному, в большей степени определенному. И наоборот: уменьшение устойчивости, продолжительности действия, увеличение степени изменчивости возвращает право к меньшей степени определенности. Процессы перехода права от меньшей степени его определенности к большей степени его определенности и возвращение к меньшей степени его определенности происходят непрерывно и бесконечно.

6. Определено, что конкретизация права – объективно обусловленная и непрерывная деятельность (процесс) управомоченных правотворческих органов и должностных лиц, в пределах установленной за ними компетенции, направленная на уточнение и детализацию существующих, исходных, абстрактных, обладающих меньшей степенью определенности принципов и норм права (без их изменения и (или) дополнения) с помощью выработки (установления, принятия и др.) более конкретных, обладающих большей степенью определенности принципов и норм права, содержащихся в формах национального и (или) международного права, обладающих прежде всего меньшей юридической силой и реализующихся в государстве.

7. Выявлено, что определенность права прежде всего характеризует его качество. С позиции «научно обоснованной концепции интегративного правопонимания» определенность права достигается в результате объективного и непрерывного развития его качества, восхождения (в определенных границах) от абстрактного, в меньшей степени определенного права к конкретному, в большей степени определенному праву. Такой процесс прежде всего выражается в конкретизации принципов и норм права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, в

результате выработки (установления, принятия и др.) соответствующих принципов и норм права, содержащихся в формах национального и (или) международного права, имеющих прежде всего меньшую юридическую силу.

8. Выделены следующие основные признаки (основные черты) парных правовых категорий «конкретизация права» и «определенность права»:

- сохранение и увеличение прежде всего таких его свойств, как устойчивость, продолжительность действия и меньшая степень изменчивости;

- взаимосвязь и взаимозависимость в большей степени конкретизации права и определенности права;

- конкретизация права выступает «конкретной противоположностью» определенности права, и наоборот.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования состоит в обосновании актуальности исследования природы конкретизации права в первую очередь во взаимосвязи и взаимозависимости в большей степени с определенностью права. Выводы, сделанные в результате такого анализа, позволяют дополнить и развить положения «научно обоснованной концепции интегративного правопонимания», в рамках которой право рассматривается как многосторонний и развивающийся феномен социальной действительности, взаимодействующий и взаимообусловленный различными факторами, ограниченный прежде всего принципами и нормами права, содержащимися в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализующихся в государстве.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования обусловлена тем, что содержащиеся в нем теоретико-правовые выводы могут быть применены прежде всего при осуществлении объективного и непрерывного развития права от меньшей степени определенности к большей степени определенности посредством его конкретизации управомоченными правотворческими органами и должностными лицами, в пределах установленной за ними компетенции. Кроме этого, они могут быть использованы в

правотворческой и правоприменительной деятельности; в процессе толкования права судебными органами; научно-исследовательской деятельности и при преподавании дисциплин «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права» студентам и аспирантам в первую очередь юридических вузов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертационная работа выполнена и обсуждена на кафедре теории права, государства и судебной власти Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия». Теоретические и практические результаты диссертационного исследования апробированы в образовательной и научной деятельности ФГБОУВО «РГУП» и используются при проведении лекционных и семинарских занятий по дисциплинам «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права», «Современные проблемы реализации права», а также в практической деятельности префектуры Троицкого и Новомосковского округов города Москвы, что подтверждается актами о внедрении результатов диссертационного исследования. Промежуточные результаты научных изысканий отражены в докладах на заседаниях кафедры теории права, государства и судебной власти, Ученого совета ФГБОУВО «РГУП», научно-практических конференциях, а также в опубликованных научных статьях, в том числе в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, утвержденный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Структура диссертационной работы соответствует целям и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения и библиографического списка.

Глава I. Общенаучные категории «абстрактное» и «конкретное», «неопределенность» и «определенность»

§ 1. Понятие и виды общенаучных категорий

Задача данного диссертационного исследования в целом состоит в изучении отдельных общенаучных и специальных (частнонаучных) категорий, а также в установлении парности правовых категорий «конкретизация права» и «определенность права», в связи с чем в первой главе не могут остаться без анализа как логико-философские, так и иные подходы, содержащиеся в учебной и научной литературе, к определению и видам категорий и понятий. Исследование сущности предметов, явлений и процессов, а также присущих им свойств, закономерностей и др. невозможно осуществлять без данных теоретических средств научного познания. На их основе с помощью различных методов субъект познания может получить дополнительные специальные знания, развить и углубить их.

В Большой советской энциклопедии понятие рассматривается как ***форма мышления, которая отражает существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений в их противоречии и развитии, мысль или система мыслей, которая обобщает, выделяет предметы некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам*** (выделено мной. – Т.Л.)[1]. В свою очередь, «категория» определяется в следующих значениях: 1. в философском – это ***понятие, отражающее наиболее общие свойства и связи*** (выделено мной. – Т.Л.) явлений материального мира; 2. в научной терминологии – ***родовое понятие, обозначающее разряд предметов или наиболее общий их признак // понятия, отражающие характерные свойства восприятия действительности*** (выделено мной. – Т.Л.) в той или иной среде[2]. В Философском энциклопедическом словаре под категорией понимаются

[1] Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1969-1978. Т. 14. С. 434.
[2] Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2001. С. 422.

«***предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания*** (выделено мной. – Т.Л.). Будучи формами и устойчивыми организующими принципами процесса мышления, … воспроизводят свойства и отношения бытия и познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме»[1].

Как видно из приведенных выше дефиниций, «категория» определяется через «понятие», которое характеризуется тем, что является «родовым», «предельно общим», «фундаментальным» и пр. Подобные подходы можно найти в учебной и иной общенаучной и специальной литературе[2]. В этой связи один и тот же термин может применяться в одних научных исследованиях как понятие, а в других – как категория, что зачастую основано на мировоззренческом усмотрении научных работников.

В то же время, например, А.А. Рудаков, справедливо отмечая тесную взаимосвязь понятий и категорий, пишет, что их не следует отождествлять. Последняя, по мнению автора, представляет собой самостоятельную форму движения мысли, «развитую форму абстрактного мышления человека», характеризующуюся следующими существенными чертами: является результатом сознательной и волевой мыслительной деятельности человека; отражает, описывает, формулирует существенные свойства и закономерности объективной среды; их обобщает; является предельной в рамках определенной системы знаний; является фундаментальной.[3]

Представляется, что некоторые из названных автором существенных черт категорий также могут быть характерны и для понятий. Например, это касается

---

[1] Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. С. 251.

[2] См., например: Логика для юристов: Учеб. пособие / С.В. Корнакова, О.С. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 21; Батурин В.К. Логика: Учеб. пособие. М: КУРС; ИНФРА-М, 2012. С. 28; Логика для юристов: Учебное пособие / Е.И. Бесхлебный. М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. С. 57; Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания: Опыт логико-гносеологического исследования. М.: Наука, 1973. С. 90 – 92; Готт В.С., Урсул А.Д., Семенюк Э.П. О единстве научного знания (Общенаучные теоретические средства познания). М.: «Знание», 1977. С. 50 – 62; Возможность и действительность в российской правовой системе / Матузов Н.И., Ушанова Н.В. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2010. С. 13, 14.

[3] Рудаков А.А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей: Монография. М.: Проспект, 2015. С. 16, 20, 21.

того, что: категория является результатом сознательной и волевой мыслительной деятельности человека; отражает, описывает, формулирует существенные свойства и закономерности объективной среды; их обобщает.

А.П. Шептулин в целом справедливо отмечает: «То, что характерно для исследования понятий вообще, естественно, относится к исследованию категорий – понятий, отражающих всеобщие формы бытия, всеобщие стороны и связи объективной действительности»[1]. При этом считаем необходимым выделять и отличительные черты, которые в своей совокупности позволяют применить в процессе познания к тому или иному предмету, явлению или процессу термин «категория».

В этой связи в данном диссертационном исследовании категория рассматривается как результат сознательной и волевой мыслительной деятельности человека, который наряду с общими чертами, характерными и для понятия, обладает и отличительными. К первым относится отсутствие различий в логико-гносеологической природе процесса их формирования. Так, понятия и категории не существуют в самой действительности, не даны априорно в сознании, а формулируются человеком в процессе познания различных предметов, явлений или процессов, а именно являются результатом единого и неразрывного процесса абстрагирования и обобщения их существенных свойств, закономерностей, связей, отношений и пр. Подтверждение объективности их содержания устанавливается практикой. Понятия и категории – это субъективные образы объективного мира, сформировавшиеся в сознании человека и нашедшие свое закрепление, например, в научных исследованиях.

В качестве отличительных черт прежде всего можно рассмотреть следующие. Во-первых, категории обладают более высокой степенью абстрактности и общности по сравнению с понятиями. Абстрагирующая деятельность позволяет обнаружить и отделить существенные свойства, закономерности и пр. от несущественных, необходимые от случайных и др. С помощью обобщения

[1] Шептулин А.П. Категории диалектики. М.: Высшая школа, 1971. С. 4.

раскрывается единство существенных свойств, закономерностей, связей, отношений и пр. однородных предметов, явлений и процессов. Как было отмечено выше, данные процессы характерны для любой формы абстрактного мышления (понятия и категории). В то же время следует поддержать вывод А.А. Рудакова, что «в научной категории описываются такие свойства предмета и таким образом, что невозможно более абстрактное формулирование этих свойств в рамках данной системы знаний»[1], «дальнейшее обобщение признаков объекта в границах приведенных систем знания»[2].

Во-вторых, необходимость выражения в категориях взаимосвязей, взаимозависимостей, существующих в разной степени, или других отношений предметов, явлений или процессов, их изменчивости и развития. Так, М.С. Каган справедливо отмечает: «…некое понятие вообще может получить категориальный статус только тогда, когда оно берется не изолированно, а вводится в систему научных понятий и соотносится тем или иным образом с другими».[3] Подобную позицию можно отметить и в специальной юридической литературе. Например, основываясь на различиях в их функциях, А.С. Автономов пишет, что понятие описывает некоторое содержание, которое раскрывает не только внешние особенности объекта, но и внутренние закономерности его существования, в свою очередь категория «выявляет законы существования обширной области действительности через раскрытие сущности объекта в его движении и, что обязательно, во взаимодействии с другими явлениями, составляющими некую целостность».[4] Таким образом понятие условно – «самодостаточно», а категория всегда является частью системы.[5]

---

[1] Рудаков А.А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей: Монография. М.: Проспект, 2015. С. 19.
[2] Рудаков А.А. Указ. соч. С. 21.
[3] Каган М.С. Теоретические проблемы философии. Избранные труды. В 2 ч. Часть 1 / М.С. Каган. М.: Издательство Юрайт, 2018. (Серия: Антология мысли). С. 24.
[4] Автономов А.С. Системность категорий конституционного права: Автореф. дис. …докт. юрид. наук: 12.00.02. М., 1999. С. 17, 18.
[5] Автономов А.С. Указ. соч. С. 18.

В.И. Ленин писал: «человеческие ***понятия*** не неподвижны, а вечно движутся, ***переходят друг в друга*** (выделено мной. – Т.Л.), переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать с ними» (Энгельс) требует всегда изучения движения понятий, их связи, их взаимопереходов».[1] Разделяя отмеченную позицию, отдельные авторы также считают, что категории взаимосвязаны и взаимозависимы, подвижны, при определенных условиях переходят друг в друга и в свою противоположность, поскольку только таким образом они способны выразить взаимосвязь, изменчивость, развитие и переходы и др., свойственные всем явлениям и процессам действительности.[2]

Однако представляется важным обратить внимание на то, что поскольку в категориях нет внутренних, имманентных связей, которые могли бы их развивать и способствовать переходу в другие категории, постольку здесь речь идет об изменении их содержания и объема в силу развития знаний о них, а также о изменении и развитии самих предметов, явлений или процессов. Иначе это приводило бы к выводу, что сами категории развиваются изнутри их побуждающими противоречиями. Исходя из этого категории с возникновением новых фактов, открытий выражают новые свойства, закономерности и пр. реальной действительности и познания. В этой связи представляется более точным не переход категорий друг в друга, а то, что категории выражают взаимосвязи, взаимозависимости, существующие в разной степени, или другие отношения предметов, явлений или процессов, изменчивость и развитие.

Кроме этого, с одной стороны, знания о категориях достаточно устойчивы, а с другой – они изменяются и развиваются с течением времени. В этой связи, например, В.С. Готт, Э.П. Семенюк и А.Д. Урсул в целом справедливо отмечают, что история науки доказывает постепенное и внешне незаметное, иногда на протяжении целых эпох перерастание категорий одного типа в другой, а также

---

[1] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 29. М.: Изд-во Политической литературы, 1969. С. 206, 207.

[2] См., например: Шептулин А.П. Категории диалектики. М.: Высшая школа, 1971. С. 3; Рудаков А.А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей: Монография. М.: Проспект, 2015. С. 27.

«изменение содержания объема категорий в пределах одного и того же типа, приобретение категориального статуса новыми понятиями или, наоборот, утрата его отдельными категориями, теряющими былое значение» в рамках категориального аппарата науки.[1] Так, в качестве примера можно привести общенаучные категории «определенность» и «неопределенность», знания о которых зародились и вначале развивались в античной натурфилософии, а затем стали использоваться и дополнились новыми в квантовой физике и в других специальных (частных) науках.[2]

В этой связи положения о взаимосвязях, взаимозависимостях в разной степени или о других отношениях категорий, их изменение и развитие используется под условием в целях проведения дальнейшего исследования.

В процесс познания вовлекается не одна, а множество взаимосвязанных и взаимозависимых в разной степени или находящихся в иных отношениях категорий, то есть последние находятся в системе, выступают ее элементами. Подчеркивая важность данного вопроса, в том числе и при анализе специальных (частнонаучных) категорий и понятий, следует отметить, что, как в философской, так и в специальной литературе до настоящего времени отсутствуют устоявшиеся или признаваемые большинством ученых единые подходы к тому, что представляют собой такие системы, какие принципы лежат в основе их построения, что выступает их основанием и какие категории в них должны рассматриваться. Так, например, несмотря на то, что изначально термин «категория» использовался в философии и применялся к наиболее общим родам понятий (Аристотель), суждениям (И. Кант), абсолютному умозаключению (Г.В.Ф. Гегель)[3], отмеченными и многими другими учеными разработаны собственные системы категорий, которые и в настоящее время не потеряли своей актуальности и

---

[1] Готт В.С., Семенюк А.П., Урсул Д.А. Категории современной науки. Становление и развитие. М.: Мысль, 1984. С. 232, 233.

[2] Бочкарев А.В. Научный язык и общенаучные категории // Науковедение: фундаментальные и прикладные проблемы. Сб. науч. трудов Сибирского института науковедения / Под ред. В.П. Каширина. Вып.2: Теория научного знания. Хрестоматия. Красноярск: НИИ СУВПТ, 2003. С. 46.

[3] См. более подробно: Крымский С.Б. Системы знания и проблема их категориальной определенности // Логико-философский анализ понятийного аппарата науки. Киев: Наукова думка, 1977. С. 197.

используются при проведении научных исследований в различных областях, в том числе теорией государства и права.

В работе «Категории диалектики» А.П. Шептулин отмечает, что, например, Е.С. Кузьмин в качестве высшего родового понятия рассматривает – «сущее», И. Цвекл пишет о таких исходных, основных категориях, как «субстанция», «свойство», «отношение» и «движение», И.В. Митюрев – о категории «материя» и подчиненных к ней категории «природа» и «бытие», В.С. Библер – о категории «мир».[1] Сам же автор, поддерживая позицию об исходности категории «материя», дополняет ее категорией «сознание», которая, по его мнению, «органически связана с решением основного вопроса философии и без которой нельзя раскрыть содержание категории материи»[2].

В этой связи следует согласиться с выводами отдельных авторов[3] о том, что разработать логически непротиворечивую систему категорий скорее всего невозможно, хотя это и способствовало бы проведению исследований в различных областях науки. Несовпадение присущих авторам мировоззрений, а также в целом изменение и развитие самих явлений и процессов так или иначе будут отражаться на выработанных категориях. В этой связи представляется, что такие системы должны быть открытыми и развивающимися с течением времени, а границы деления категориального аппарата различных областей научного знания – достаточно условными.

Исходя из вышеизложенного, категория рассматривается, как результат сознательной и волевой деятельности человека, выражающий с высокой степенью абстрактности и общности существенные свойства предметов, явлений или процессов, их взаимосвязи, взаимозависимости в разной степени или иные отношения, изменчивость и развитие, в совокупности с другими элементами

---

[1] Шептулин А.П. Указ. соч. С. 13 – 49.
[2] Шептулин А.П. Указ. соч. С. 35.
[3] См., например: Пивоваров Д.В. Операциональный аспект категории развития // Сб. «Категории диалектики. Диалектика прогрессивного развития». Свердловск: Типография издательства «Уральский рабочий», 1976. С. 21, 22; Туленов Ж.Т. Взаимосвязь категорий диалектики: Монография. М.: Высшая школа, 1986. С. 25.

системы научного знания, способствующие познанию единства и наиболее общих законов развития всего материального мира.

В процессе исторического эволюционирования категориальной формы мышления с учетом дифференциации и интеграции научных знаний можно выделить следующие виды категорий. Так, М.М. Розенталь справедливо отмечает, что «всякое, а не только философское, познание формулирует понятия, категории, в которых раскрываются внутренние, существенные стороны и отношения исследуемых предметов»[1]. В.С. Готт и Ф.М. Землянский пишут: «интеграция современного научного знания, движение от абстрактного знания к знанию конкретному, всестороннему, целостному, приводит к возникновению общенаучных понятий, то есть к возникновению трихотомии: философские категории – общенаучные понятия – частнонаучные понятия»[2]. В этой связи в диссертационном исследовании в целом разделяется подход тех ученых, которые признают возможность существования категорий не только в философии, но и в специальных (частных) науках.[3] Философские категории тесно связаны с ее основным вопросом, «отображают свойства бытия и сознания, выступая важнейшим условием научного поиска»[4]. Выражая всеобщие связи и закономерности объективного мира, данные категории, по замечанию М.М. Розенталя, одновременно выступают и логическими, мышление без которых невозможно.[5]

Необходимость рассмотрения в качестве самостоятельного вида общенаучных категорий обосновывается в философской литературе как советского, так и современного периодов. Так, Э.П. Семенюк пишет, что они возникли в эпоху научно-технической революции и представляют собой

---

[1] Розенталь М.М. О характере развития философских категорий // Коммунист. 1972. № 13. С. 103.
[2] Готт В.С., Землянский Ф.М. Диалектическое развитие понятийной формы мышления: (Анализ становления различных понятийных форм). М.: Высшая школа, 1981. С. 303.
[3] См., например: Готт В.С., Семенюк Э.П., Урсул А.Д. Категории современной науки (становление и развитие). М.: Мысль, 1984. С. 87; Бочкарев А.В. Научный язык и общенаучные категории // Науковедение: фундаментальные и прикладные проблемы. Сб. науч. трудов Сибирского института науковедения / Под ред. В.П. Каширина. Вып.2: Теория научного знания. Хрестоматия. Красноярск: НИИ СУВПТ, 2003. С. 45.
[4] Готт В.С., Урсул А.Д. Общенаучные понятия и их роль в познании. – М.: Знание, 1975. С. 41.
[5] Розенталь М.М. Указ. соч. С. 104.

важнейшие, фундаментальные понятия науки принципиально нового типа, сочетающие в себе свойства частнонаучных и философских категорий, в связи с чем, образующие своеобразный промежуточный, переходный вид научных категорий[1]. Они применяются во всех областях научного знания[2]. По мнению В.И. Сырова, как и философские, общенаучные категории «характеризуются предельной общностью (универсальностью), широким объемом, высоким уровнем абстрактности»[3], «выражают не структуры отдельных предметов, а общие связи и отношения между предметами»[4]. Автором отмечается, что в отличие от частнонаучных, все общенаучные категории представляют собой пары противоположностей и в этом также прослеживается их сходство с философскими категориями.[5] В то же время им не присуща логико-гносеологическая универсальность, которая свойственна философским категориям.[6]

Категории частных наук используются в познании определенных областей действительности.[7] В отличие от философских категорий они обозначают сравнительно узкие, конкретные, качественно определенные явления, процессы действительности и используются в рамках тех наук, где они выступают непосредственными объектами исследования.[8]

Вышеназванная классификация категорий в целом разделяется в данном диссертационном исследовании. В любой науке существуют категории, которые по своей степени абстрактности и общности, специфики обозначаемых ими существенных свойств, закономерностей, взаимосвязей, взаимозависимостей и пр. предметов, явлений или процессов, роли в познании действительности неравнозначны с иными результатами сознательной и волевой мыслительной

---

[1] Семенюк Э.П. Общенаучные категории и подходы к познанию (Философский анализ). Львов: Вища школа, 1978. С. 32, 33.
[2] Бочкарев А.В. Указ. соч. С. 45.
[3] Сыров В.И. Линейное и нелинейное как общенаучные категории: Дис. …канд. философ. наук: 09.00.08. Н. Новгород, 2002. С. 17.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 17, 18.
[6] Готт В.С., Семенюк Э.П., Урсул А.Д. Указ. соч. С. 122; Бочкарев А.В. Указ. соч. С. 46.
[7] Готт В.С., Урсул А.Д. Указ. соч. С. 41.
[8] Семенюк Э.П. Указ соч. С. 15.

деятельности человека – понятиями. Также, как было отмечено выше, знания о тех или иных категориях изменяются и развиваются с течением времени. В этой связи представляется, что проводить классификацию категорий можно по различным основаниям, например, по сфере распространения и значению в целом можно дифференцировать: общенаучные категории, применяемые в различных областях научного знания, и специальные (частнонаучные) категории, применяемые в определенных, отдельных областях научного знания.

Кроме этого, по виду отношений между категориями можно выделить парные и непарные категории. Например, Л.Г. Воронин пишет, что «все категории материалистической диалектики вступают во взаимодействие между собой прежде всего как взаимопроникающие и взаимоисключающие друг друга противоположности»[1]. В замечании автора следует поддержать важность рассмотрения парных категорий. Однако, как было отмечено выше, в категориях выражаются взаимосвязи, взаимозависимости в разной степени и другие отношения между предметами, явлениями или процессами. Так, в философской литературе существует подход, при котором связь выступает лишь одной диалектической стороной отношения, которой противостоит изолированность (раздельность). Последняя представляет собой «такое отношение между явлениями или сторонами одного и того же явления, когда изменения одних из них не сопровождается какими-либо изменениями других»[2]. В этой связи обоснованным представляется и вывод о том, что в тех или иных условиях не все стороны, части, свойства и пр. объекта «попарно друг с другом актуально взаимодействуют, отрицая друг друга», являются в данных условиях диалектическими противоположностями.[3] Таким образом можно выделять и другие категории, которые выражают не взаимосвязи и взаимозависимости в разной степени, а иные

---

[1] Воронин Л.Г. Некоторые формы логической взаимосвязи категорий материалистической диалектики // Ученые записки Шахтинского государственного педагогического института. Т. 3, вып. 1. Шахты: Изд-во газ. «Ленинское знамя», 1959. С. 19.

[2] См., например: Шептулин А.П. Указ. соч. С. 154, 155.

[3] Материалистическая диалектика как общая теория развития: Философские основы теории развития / Под общ. ред. Л.Ф. Ильичева. М.: Наука, 1982. С. 252.

отношения, например, изолированность (раздельность) между предметами, явлениями или процессами, т.е. непарные категории. Например, Д.В. Пивоваров относит к последним «вероятность», «закон», «мера» и др. и отмечает, что они представляют собой «интервалы, в которых применим один тип дихотомического оперирования с реальностью, а по выходе из них вступают в силу уже иные способы анализа»[1]. Такие категории, по мнению автора, не имеют своих антиподов.[2]

В целом анализ научной литературы показал, что деление категорий на парные и непарные характерно для различных областей научного знания. При этом можно отметить, что большее внимание уделяется парным категориям. Так, в философской литературе рассмотрение последних непосредственно связывается с диалектикой, в первую очередь с ее основным законом – законом единства и борьбы противоположностей, согласно которому любому явлению, предмету, процессу свойственны внутренние противоположности, находящиеся в единстве и взаимодействии, в борьбе между собой. Данный закон находит прямое выражение в категориях, которые называются «полярными», «категориальными парами», «соотносительными», «парными».[3] К таковым можно отнести, например, сущность и явление, содержание и форму, целое и часть, качество и количество, причину и следствие, возможность и действительность и др.

М.Н. Руткевич отмечает, что в первую очередь для установления содержания парных категорий следует раскрыть их взаимосвязь, а поскольку взаимное определение парных категорий друг через друга представляется недостаточным, постольку каждая пара таковых должна быть рассмотрена в связи со всеми другими категориями, которые, прежде всего, выступают ближайшими к ней по

---

[1] Пивоваров Д.В. Операциональный аспект категории развития // Сб. «Категории диалектики. Диалектика прогрессивного развития». Свердловск: Типография издательства «Уральский рабочий», 1976. С. 21.
[2] Там же.
[3] См., например: Лойфман И.Я. Единство и взаимодействие категорий диалектики // Взаимосвязь категорий. Сборник статей. Свердловск: Типография издательства «Уральский рабочий», 1970. С. 6 – 10; Туркин Л.П. Сущность, явление, взаимодействие // Там же. С. 19 – 26 и др.

содержанию.[1] В этой связи, по мнению автора, для того, чтобы проанализировать полярные категории, необходимо выяснить их единство и противоположность, взаимоотношение, взаимопроникновение; их связи с близкими по содержанию категориями; их связи с основными категориями данной области.[2] И.Б. Новик также пишет, что сущность того или иного фундаментального понятия раскрывается не только при характеристике «его изнутри самого себя», но и с помощью дополнения «его до пары» – соотносимым понятием-антиподом, что позволяет охарактеризовать и природу последнего. При этом важно учитывать «многоплановость самой парности категорий», поскольку ***парными в различных ситуациях по отношению к исходному могут выступать различные понятия*** (выделено мной. – Т.Л.).[3] Из этого следует, что может быть выделено большее количество пар категорий, которые выражают прежде всего взаимосвязи и взаимозависимости в той или иной степени.

Исходя из вышеизложенного, согласно диалектике в парных категориях выражаются противоречия, которые присущи предметам, явлениям или процессам, противоположные стороны, выделенные на основе объективного «общего». Так, одна из парных категорий является выражением, фиксирующим какой-то отдельный момент движения, одну сторону предмета, явления или процесса[4]. В свою очередь установление других взаимосвязанных и взаимозависимых в большей степени или меньшей степени моментов движения, сторон и пр., в конечном итоге представляющих собой систему, составляют природу изучаемого предмета, явления или процесса.

Таким образом существование одной стороны противоположности обуславливает существование другой. При этом устанавливаются «конкретные противоположности» между предметами, явлениями или процессами, т.е. один

---

[1] Руткевич М.Н. О содержании категорий качество и количество // Взаимосвязь категорий. Сборник статей. Свердловск: Типография издательства «Уральский рабочий», 1970. С. 48.
[2] Руткевич М.Н. Марксистское понятие практики в его связи с другими философскими категориями // Там же. С. 90.
[3] Новик И.Б. Вопросы стиля мышления в естествознании. М.: Политиздат, 1975. С.23.
[4] Гончар Л.Ф. Философия: Учебное пособие. Ч.2. 2-е изд., стереотип. М.: МГИУ, 2005. С. 215.

предмет, явление или процесс «противостоит» другому предмету, явлению или процессу «в качестве условия, без которого …не может быть»[1] таковым. Только в таком отношении можно получить более конкретные знания о каждой категории и познать природу предметов, явлений или процессов с большей степенью определенности. Вне подобных видов отношений степень определенности уменьшается, и каждая категория может утратить свой смысл и значение.

На основании этого считаем, что к основным признакам (основным чертам) парных категорий относятся следующие:

- существование между выражаемыми в таких категориях предметами, явлениями или процессами объективного «общего», на основании которого происходит их познание;

- выражение взаимосвязи и взаимозависимости в той или иной степени между предметами, явлениями или процессами;

- отражение «конкретных противоположностей» между предметами, явлениями или процессами.

Как было отмечено ранее, анализ отдельных категорий как парных представляется справедливым в рамках любых областей научного знания, а не только отдельно философского. В этой связи выделенные основные признаки (основные черты) парных категорий послужат основой для рассмотрения «конкретизации права» и «определенности права» как парных правовых категорий во второй главе диссертационной работы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Первый: под категорией понимается результат сознательной и волевой деятельности человека, выражающий с высокой степенью абстрактности и общности существенные свойства предметов, явлений или процессов, их взаимосвязи, взаимозависимости в разной степени или иные отношения, их изменчивость и развитие, в совокупности с другими элементами системы научного

[1] Ильенков Э.В. Абстрактное и конкретное: Собр. соч. Т. 1. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. С. 135.

знания, способствующие познанию единства и наиболее общих законов развития всего материального мира.

Второй: классификация категорий может производиться по разным основаниям. Так, по сфере распространения и значения в целом выделены общенаучные категории, применяемые в различных областях научного знания, и специальные (частнонаучные) категории, применяемые в определенных, отдельных областях научного знания. По виду отношений между категориями дифференцированы парные и непарные категории. В парных категориях выражаются прежде всего взаимосвязь и взаимозависимость в той или иной степени между предметами, явлениями или процессами; в свою очередь, в непарных категориях – изолированность (раздельность) между предметами, явлениями или процессами. Для парных категорий характерны следующие основные признаки (основные черты):

- существование между выражаемыми в таких категориях предметами, явлениями или процессами объективного «общего», на основании которого происходит их познание;

- выражение взаимосвязи и взаимозависимости в той или иной степени между предметами, явлениями или процессами;

- отражение «конкретных противоположностей» между предметами, явлениями или процессами.

§ 2. Общенаучные категории «абстрактное» и «конкретное»

В целях дальнейшего рассмотрения такого правового процесса, как конкретизация права, необходимо проанализировать зародившийся и сформировавший в общенаучной литературе, производный от конкретизации термин «конкретное», который находится в диалектической взаимосвязи с термином «абстрактное». Кроме этого, представляется важным рассмотреть отдельные вопросы, связанные с методами восхождения от конкретного к

абстрактному и от абстрактного к конкретному и их использованием в научном познании.

Абстрактное (лат. «abstractio» – отвлечение) – это часть целого, простое, одностороннее. Конкретное (лат. «concretus» – сгущенный, уплотненный, сросшийся) – целостное, сложное, многостороннее. Неоднократно в научной литературе отмечается, что термин «конкретное» был воспринят философами от средневековой схоластики[1], свое дальнейшее развитие получил в трудах многих ученых, например, Г.В.Ф. Гегеля, И. Канта, К. Маркса, Ф. Энгельса, Э.В. Ильенкова и др., каждый из которых сопоставлял его с термином «абстрактное».

В диалектике «абстрактное» и «конкретное» рассматриваются «как взаимно предполагающие противоположности, каждая из которых может быть понята только через свое «другое»[2], в связи с чем их можно отнести к парным категориям.

В целом в энциклопедической и научной литературе современного периода авторами обязательно отмечается необходимость рассмотрения «абстрактного» и «конкретного» в нескольких значениях. Так, например, Л.Н. Сухорукова пишет, что «абстрактное» можно определить: во-первых, в качестве результата эмпирического восхождения, мысленного отвлечения от ряда свойств предметов и отношений между ними и выделения, вычленения какого-либо свойства или отношения; во-вторых, – как исходный пункт процесса развертывания теоретического знания – идея, простейшая «клеточка», выражающая сущность явления, но только в неразвитом виде.[3] «Конкретное» же, по мнению автора, в первом случае – это изучаемый предмет, исходный пункт исследования, выступающее как «чувственно-конкретное», то, что дано в начале процесса познания, а во втором – это «завершение, итог исследования, научное понятие об объекте»[4]. В специальной литературе прослеживается такой же подход. Например,

---

[1] См., например: Ильенков Э.В. Указ. соч. С. 32; Ткачева С.Г. Конкретизация закона и его судебное толкование: Дис.…канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 1973. С. 46.
[2] Ильенков Э.В. Указ. соч. С. 23, 24.
[3] Сухорукова Л.Н. Восхождение от абстрактного к конкретному в научном и учебном познании // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 3. С. 20, 21.
[4] Сухорукова Л.Н. Указ. соч. С. 20.

Д.А. Керимов пишет, что под категорией «конкретное» следует понимать, во-первых, «сами правовые явления и процессы во всем их бесконечном многообразии, со всеми специфическими чертами, признаками и свойствами каждого из них», во-вторых, – «результат постижения мышлением правовых явлений и процессов в единстве их многообразия, в системной целостности с многочисленными определениями, в синтезе этих определений»[1].

В целях нашего исследования интерес представляет позиция Э.В. Ильенкова о том, что предмет и цель процесса мыслительной деятельности с помощью понятий состоит не в «абстрактном единстве», а в «конкретном единстве», которое является «синонимом реальной связи, реального взаимодействия вещей, предметов, явлений»[2]. Исходя из этого абстрактное и конкретное «единство» взаимно исключают друг друга». Как и К. Маркс, автор считает, что «между двумя совершенно тождественными вещами вообще и не может установиться никакой прочной, внутренней связи, а лишь связь чисто внешняя, механическая. Взаимодействия, то есть такого отношения, внутри которого одно единичное предполагает другое единичное в качестве необходимого условия самого себя, установиться здесь не может… ***Взаимодействие предполагает, что один предмет осуществляет свою специфическую природу только через свое взаимодействие с другим, а вне этого отношения вообще не может существовать как таковой, как этот специфически определяемый предмет*** (выделено мной. – Т.Л.)»[3]. Сущность связи внутри конкретного взаимоотношения основана на полном, абсолютном отсутствии «абстрактного общего, «абстрактного одинакового» и тому и другому определения. «Общее» в них – это как раз их взаимосвязь, внутри которой каждая сторона взаимодействия предполагает другую именно потому, что в ней как таковой нет тех определений, которыми обладает другая. И наоборот, ***через отношение к своей конкретной противоположности***

---

[1] Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 4-е изд. М.: Изд-во СГУ, 2008. С. 143.
[2] Ильенков Э.В. Указ. соч. С. 131, 132.
[3] Там же. С 133.

каждая из них обретет такую определенность, которая выражает сущность их взаимной связи (выделено мной. – Т.Л.)»[1]. Представляется, что в последнем из приведенных замечаний автора можно отметить взаимосвязь общенаучных категорий «конкретное» и «определенность». Кроме этого, указанные характеристики «конкретного единства» послужат основой для определения категорий «конкретизации права» и «определенность права», а также установления их парности.

В процессе восхождения категории «абстрактное» и «конкретное» также анализируются с учетом их диалектического единства. Так, способ восхождения от абстрактного к конкретному в процессе развития научного знания впервые был сформулирован Г.В.Ф. Гегелем, а позже применен К. Марксом в политической экономии.

Г.В.Ф. Гегель пишет: «то, с чего следует начинать, не может быть чем-то конкретным», начало мышления должно быть совершенно абстрактным, всеобщим, «чистое ничто», из которого должно возникнуть «нечто».[2] «Благодаря … поступательному движению начало теряет то, что в нем есть одностороннего вследствие этой определенности, вследствие того, что оно есть некое непосредственное и абстрактное вообще; оно становится неким опосредствованным, и линия научного поступательного движения тем самым превращает себя в круг. Вместе с тем оказывается, что то, с чего начинают, еще не познается поистине в начале, так как оно в нем еще есть неразвитое, бессодержательное, и что лишь наука, и притом во всем ее развитии, есть его завершенное, содержательное и теперь только истинно обоснованное познание»[3].

В свою очередь К. Маркс, критикуя позицию Г.В.Ф. Гегеля, отмечает, что «метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как

---

[1] Там же. С. 135.
[2] Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 1997. С. 55 – 60.
[3] Там же. С. 55 – 56.

духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного»[1].

Поддерживая изложенную позицию, Э.В. Ильенков пишет, что, несмотря на важность, правильность обнаруженного логического закона, Г.В.Ф. Гегель применил данный «реальный закон развития знания», «закон воспроизведения объективности в мышлении» «как закон возникновения и развития всего мироздания, всей системы мира в целом…», что превратило его «в мистическую идеальную сущность мира, сущность, которая лишь абстрактно проявляется в виде природы и эмпирической истории человечества»[2]. По мнению автора, данный способ «единственно возможный (а потому и единственно правильный)… воспроизведения, отражения предметной конкретности в мышлении»[3]. Кроме этого, Э.В. Ильенков отмечает, что в диалектической логике данный закон «выступает как тот всеобщий, «стержневой»…, которому подчиняется познание», в свою очередь обратное движение «от чувственно-данной конкретности к ее абстрактному выражению» – «побочная форма, через которую осуществляется закон восхождения от абстрактного к конкретному»[4].

В современных научных исследованиях в области философии также отмечается важность применения данного закона. Так, например, Н.Л. Виноградова, Е.Ю. Леонтьева пишут, что трудности, с которыми сталкиваются в настоящее время научные работники, можно успешно преодолеть используя метод восхождения от абстрактного к конкретному, поскольку такая «методологическая линия представляет собой стержень, на который можно нанизывать различные конкретные методологические теории, и выстроенная таким образом целостная методология исследования не будет рассыпаться при первой же критике и проверке опытом»[5].

---

[1] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2 ч. М.: Политиздат, 1980. Ч. 1. С. 38.
[2] Ильенков Э.В. Указ. соч. С. 209, 210.
[3] Там же. С. 210.
[4] Там же. С. 190, 191.
[5] Виноградова Н.Л., Леонтьева Е.Ю. Восхождение от абстрактного к конкретному: обращение к истокам и современный взгляд // Философия и общество. 2008. № 2. С. 85

Более подробно методы восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному в процессе научного познания будут рассмотрены в рамках изучения вопроса образования и развития знаний о правовых категориях во второй главе диссертационного исследования ввиду ограниченности его объема.

Таким образом можно сделать следующий вывод: категория «абстрактное» – это исходный пункт процесса развития теоретического знания и результат эмпирического восхождения; категория «конкретное» – исходный пункт эмпирического восхождения и результат развития теоретического знания. При таком общенаучном подходе категории «абстрактное» и «конкретное» находятся в диалектическом единстве и признаются парными. Кроме этого, данные категории находятся во взаимосвязи, в том числе и с общенаучными категориями «неопределенность» и «определенность». Методы восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному используются и имеют важное значение во всех областях научного знания, т.е. являются универсальными.

§ 3. Общенаучные категории «неопределенность» и «определенность»

Как было отмечено выше, зарождение и развитие знаний об общенаучных категориях «неопределенность» и «определенность» произошло в античной натурфилософии с последующим их использованием, в том числе и в системе юридических наук. В этой связи их анализ следует начинать с древнегреческих учений Фалеса, Анаксимандра, Платона, Аристотеля и др., которыми данная тема, в первую очередь, затрагивалась в связи с поиском первоначала. Так, например, у Платона изначальная субстанция по своей сути – неопределенное первоначало. Философ отмечал, что идеальный мир – совершенный, упорядоченный, устойчивый, а значит, определенный, а материальный – хаотичен, неустойчив,

следовательно, неопределенный.[1] Кроме этого, Платон противопоставлял неопределенности определенность, связывал ее с понятием «движения».[2]

Как и другие его предшественники, Аристотель использовал понятия неопределенности и определенности при характеристике материи. В его учениях можно отметить диалектическое единство данных категорий. При этом философ неопределенность рассматривал не только для характеристики особого первоначала, но так же, как и Платон, в целях понимания движения, изменения вообще и конкретных видов.[3] Так, «неопределенность» понимается им как «***объективная лишенность определенного*** бытия, ***качества***, количества, места, времени и т.д. (выделено мной. – Т.Л.)»[4]. Исходя из этого, представляется, что Аристотелем так же, как Платоном, была отмечена взаимосвязь определенности и неопределенности с другими общенаучными категориями, в том числе и с категорией «качество».

Последняя из названных фундаментальных категорий зародилась в античной философии и имеет достаточно длительную историю формирования. Впервые ее подробный анализ провел именно Аристотель. Понимая под ним «***то (нечто такое), благодаря чему предметы признаются так или иначе качественно определенными*** (выделено мной. – Т.Л.)»[5], он вывел несколько его значений. Так, под одним из родов качества он подразумевает свойства и состояния, при этом свойства отличаются от последних продолжительностью и устойчивостью. В то же время свойства, по мнению Аристотеля, могут выступать и состояниями, но состояния не являются всегда свойствами.[6] Ученый также обратил внимание на

---

[1] Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные Профессором Карпова. Ч. 5. М.: в синодальной типографии, 1879. С. 285.
[2] Ченышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Учебное пособие для философ. фак. и отд-ний ун-тов. М.: Высш. школа, 1981. С. 253.
[3] См., например: Визир П.И., Урсул А.Д. Диалектика определенности и неопределенности. Кишинев: Изд-во «ШТИИНЦА», 1976. С. 18; Фролова Е.А. Проблемы методологии науки: философия Аристотеля // Диалог. 2018. № 3 (12). С. 21.
[4] Аристотель. Метафизика (пер. и прим. А.В. Кубицкого) / Аристотель. М.-Л: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. С. 143.
[5] Аристотель. Категории (с приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля / (пер. А.В. Кубицкого). Ред. и вступ. ст. Г.Ф. Александрова. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. С. 26.
[6] Аристотель. Указ. соч.

способность вещей превращаться в противоположное, то есть подчеркивал изменчивость качества, допущение его большей или меньшей степени.[1] Аристотель пишет и о необходимости сравнительного подхода при познании качества: «…О сходном и несходном говорится только по отношению к качествам. В самом деле, один предмет не является сходным с другим со стороны (на основе) чего-либо другого, кроме как поскольку он дается качественно определенным; поэтому отличительным признаком качества может считаться то обстоятельство, что о сходном и несходном говорится лишь в применении к нему»[2].

Как отмечается, в Средние века тема неопределенности и определенности практически не развивалась, поскольку в данный период признавалась божественная предопределенность всего сущего. В эпоху Возрождения неопределенность считалась негативной для науки, в связи с чем от нее следовало избавляться. Это привело к рассмотрению неопределенности в качестве неточности, ошибки, заблуждения.[3]

В последующем такие ученые, как Т. Гоббс, Д. Беркли, Дж. Локк, Д. Юм, Г.В.Ф. Гегель и др., изучали «неопределенность» и «определенность» во взаимосвязи с общенаучными категориями «абстрактное» и «конкретное», «общее» и «частное» и др. Например, Г.В.Ф. Гегель, исследуя чистое бытие, которое является самым абстрактным, пустым и лишенным всякой определенности, не имеющим в себе никакого содержания, пишет: «…***неопределенность противоположна определенности*** (выделено мной. – Т.Л.); она, стало быть, как противоположное, сама есть нечто определенное или, иначе говоря, отрицательное, и притом чистое, ***совершенно абстрактное отрицательное*** (выделено мной. – Т.Л.)»[4].

Г.В.Ф. Гегель так же, как Аристотель, внес весомый вклад в дальнейшее формирование общенаучной категории «качество». Он считал, что это первая

---

[1] Аристотель. Указ. соч. С. 31.
[2] Там же. С. 32.
[3] Веселкова В.С. Определенность и неопределенность в социальном познании: Дис. …канд. философ. наук: 09.00.11. Саранск, 2006. С. 21.
[4] Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб: Наука, 1997. С. 88.

категория, раскрывающая определенность наличного бытия, а именно это «сущая определенность» предмета. Рассматривая «качество» как логическую категорию, ученый пишет, что оно возникает тогда, когда наличное бытие приобретает определенность, которая и служит исходным моментом качества – «***качество есть вообще тождественная с бытием, непосредственная определенность*** (выделено мной. – Т.Л.)… Нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть». «…В наличном бытии определенность едина с бытием, и вместе с тем она, положенная как отрицание, есть *граница, предел.* …Лишь *в* своей границе и *благодаря* ей нечто есть то, что оно есть…»[1].

С помощью категорий «неопределенность» и «определенность» философом также было изучено содержание иных общенаучных категорий, показан противоречивый характер движения и развития, охарактеризован процесс познания, в рамках которого можно проследить связь с абстрактностью и конкретностью знаний. Однако представляется спорным, что в неопределенности он отмечает исключительно отрицательный момент, поскольку в дальнейшем она должна уничтожаться, исчезать. Поскольку Г.В.Ф. Гегель исходил из тождества мышления и бытия, то в результате движения от неопределенности к определенности должна получиться абсолютная определенность, а соответственно возникнет предел в развитии вообще.

В отечественной литературе XX века философский анализ неопределенности и определенности проводился В.С. Готтом, П.И. Визиром, А.Д. Урсулом, В.Г. Черником и др. Например, В.С. Готт еще в 1968 году, раскрывая внутреннюю диалектическую связь неопределенности и определенности в квантовой физике, писал, что неопределенность – это одна из форм объективного существования явлений мира.[2]

---

[1] Гегель Г.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 228 – 230.
[2] Готт В.С. О неисчерпаемости материального мира. М.: Знание, 1968. С. 25.

Такой вывод содержится и в его совместной работе с А.Д. Урсулом. В качестве характеризующих признаков данной категории они выделяют: превращение многообразия возможностей в действительность (как в начальной стадии процесса, так и в стадии становления); наличие связи, взаимодействия между свойствами и состояниями явлений, между которыми в итоге отсутствуют резкие грани. Определенность рассматривается авторами как категория, обозначающая такие свойства и состояния объектов, которым присущи относительная независимость (изолированность), проявление необходимости через полностью однозначные переходы возможности в действительность (т.е. отсутствие многообразия этих переходов).[1]

П.И. Визир и А.Д. Урсул, на наш взгляд, справедливо отмечают, что «с позиции современной науки все более отчетливо обнаруживается тот факт, что ***в объективном мире не существует абсолютной определенности явлений, их свойств и связей*** (выделено мной. – Т.Л.), что объективная определенность всегда выступает в единстве с неопределенностью»[2]. В своей работе ученые рассмотрели не только исторические аспекты формирования и развития знаний о данных категориях в философии, физике, кибернетики и др. науках, но также провели анализ их взаимосвязи с общенаучными и специальными (частнонаучными) категориями, тем самым подтвердив их категориальный статус. Рассматривая взаимосвязь с категорией «качество», авторы отмечают, что «***определенность и неопределенность качества обнаруживаются в единстве устойчивости и изменчивости*** (выделено мной. – Т.Л.). Поскольку вещь устойчива, постольку сохраняется ее определенность. ***Изменение вещи ведет к нарушению ее определенности, она приобретает неопределенность. Поэтому на основе устойчивости и возможно качественное определение вещей*** (выделено мной. – Т.Л.)»[3]. «…Познание качества предмета начинается с установления его

---

[1] Готт В.С. Определенность и неопределенность как категории научного познания / В.С. Готт, заслуж. деятель науки РСФСР, А. Д. Урсул, доктора филос. наук. М.: Знание, 1971. С.56.
[2] Визир П.И., Урсул А.Д. Диалектика определенности и неопределенности. Кишинев: Изд-во «ШТИИНЦА», 1976. С. 37.
[3] Визир П.И., Урсул А.Д. Диалектика определенности и неопределенности. … С. 89.

определенности, для чего он вычленяется из взаимосвязи и взаимодействия с другими предметами. Но диалектическая логика не довольствуется этим, а с целью более глубокого познания объекта требует рассматривать его в движении, взаимодействии. ***С учетом взаимодействия мы приходим к категории «свойства»… Через свойства дается определение качества*** (выделено мной. – Т.Л.)»[1]. Далее ученые приходят к выводу о том, «что понятие «определенность» в общем смысле выражает различия между предметами и их свойствами, их относительную устойчивость»[2]. Кроме этого, отмечается важность раскрытия не только качественных различий между предметами, но и количественных.[3] «Противоречивый характер качества и количества является основой утверждения, что ***любая вещь в том или ином отношении характеризуется единством определенности и неопределенности*** (выделено мной. – Т.Л.). Это единство находит выражение в мере ***как границе возможного изменения количества в рамках данного качества*** (выделено мной. – Т.Л.), в пределах которой сохраняется существенная определенность данной вещи, ее качественная определенность»[4].

В.Г. Черником проведен анализ неопределенности и определенности как самостоятельных универсальных категорий в системе научного знания и отмечена важность рассмотрения не только их онтологического, но и гносеологического аспектов.[5] Автором поддержана позиция В.С. Готта и А.Д. Урсула в отношении того, что в качестве их основных (но не единственных) содержательных характеристик можно рассматривать признаки, присущие процессам связи и развития. В этой связи он предлагает схожие определения неопределенности и определенности, что и указанные авторы.[6]

Общими и существенными компонентами механизма развития, по мнению данного научного работника, выступают изменения качественных и

---

[1] Там же. С. 90, 91.
[2] Там же. С. 92.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 93.
[5] Там же. С. 23.
[6] Черник В.Г. Определенность и неопределенность как категории научного познания: Автореф. дис. …канд. философ. наук: 09.00.01. Ташкент, 1977. С. 7, 8.

количественных характеристик.[1] ***Изменение качества вещей*** происходит с помощью скачка, который выражает ***переход от одного качественного состояния в другое*** и ***порождает нарушение качественной определенности вещи*** (выделено мной. – Т.Л.).[2] «В этот момент вещь является неопределенной относительно этих качеств…»[3].

В отличие от В.С. Готта, А.Д. Урсула, П.И. Визира, В.Г. Черника в своей монографии В.А. Гречанова предлагает рассматривать неопределенность во взаимосвязи исключительно с категорией движения, с помощью которой можно выяснить объективное основание существования и содержание неопределенности. «Неопределенность – это понятие, отражающее момент тождества противоположностей в противоречивости движения».[4] Как полагает В.А. Гречанова, данный подход способствует отнесению неопределенности к системе категорий, которые позволяют раскрыть детерминацию как диалектический процесс становления определенности. В работе основной акцент был сделан на изучение категории «неопределенность» и автором не было сформулировано определение категории «определенность». При этом ученый пишет, что определенность содержит в себе неопределенность, а наличие последней является условием ее существования.[5] Таким образом, представляется, что В.А. Гречанова отмечает диалектическую взаимосвязь рассматриваемых категорий. Позиция, изложенная в работе данного научного работника, способствует более детальному изучению взаимосвязи категорий «неопределенность» и «движение». Однако более справедливым считаем подход, содержащийся в ранее проанализированных исследованиях В.С. Готта, А.Д. Урсула, П.И. Визира, В.Г. Черника и др., в рамках которого установлена взаимосвязь категорий «неопределенность» и «определенность» не только между

---

[1] Там же. С. 11.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Гречанова В.А. Неопределенность и противоречивость в концепции детерминизма. / Науч. ред. В.П. Огородников; Ленингр. электротехн. ин-т им. В.И. Ульянова (Ленина). Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 21.
[5] Там же.

собой, но и с иными общенаучными категориями, а именно «взаимосвязь», «движение», «качество», «количество», «сущность», «явление», «абстрактное», «конкретное», «необходимость», «случайность», «возможность», «действительность» и др. Как было отмечено ранее, установление такой системы взаимосвязей и взаимозависимостей в разной степени позволяет получить более конкретные знания и выразить их в данных категориях.

В бытии человека, пишет А.С. Борщов, существует и определенность, и неопределенность. Последняя понимается им как философская категория, «всеобщая, фундаментальная характеристика бытия»[1]. «Неопределенность амбивалентна определенности сущего, которая заключается в возможности того, чтобы о нем можно было (категориальная определенность) сказать»[2]. Представляется в целом справедливым вывод о том, что определенность отражает существование некоторой материальной или логической упорядоченности, поэтому неопределенность (конкретная неопределенность) – категория, отражающая отсутствие всякой (материальной или логической) упорядоченности.[3] А.С. Борщов также пишет: «***абсолютная, чистая неопределенность*** (выделено мной. – Т.Л.), являющаяся не только первоосновой действительности, но и основанием системы категорий, ***неопределяема*** (выделено мной. – Т.Л.) (так же, как множество в метаматематике). Ее можно лишь интуитивно угадать и чувственно пережить, прочувствовать»[4]. Кроме того, обоснованно отмечает, что неопределенность обладает и субъективной, и объективной характеристиками, а также является объективным свойством изучаемого предмета, в связи с чем в процессе его познания полностью не исключается (т.е. не абсолютно зависит от гносеологических процессов).[5]

---

[1] Борщов А.С. Роль неопределенности в развитии // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Том 15. Вып.4. С. 11.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] См. более подробно: Борщов А.С. Указ. соч. С. 9 – 12.

Развивая позицию А.С. Борщова, В.С. Веселкова в своем диссертационном исследовании приходит к выводу, что неопределенность является субъективной, если преобразуется человеком в определенность. В этой связи гносеологическая неопределенность устраняется в процессе познания и может выступать в данном случае тождественной по отношению к таким понятиям, как неточность, незнание или неясность. В полученном знании содержится и определенность, и неопределенность, которая будет носить уже объективный характер. Эта неопределенность существует в предмете познания как его сущностная характеристика. Определенность и неопределенность теперь рассматриваются с онтологической точки зрения. В данной ситуации неопределенность не отождествляется с незнанием или неточностью.[1] Как В.С. Готт, А.Д. Урсул, П.И. Визир, автор пишет о взаимосвязи неопределенности и определенности с категориями «сущность» и «явление», в которых первые также выступают в единстве.[2]

В итоге, отмечая парность категорий[3], под неопределенностью В.С. Веселкова предлагает понимать «философскую категорию, характеризующую сущность явления или процесса и являющуюся объективным свойством материи, проявляющейся во взаимодействии, связях элементов системы, в момент тождества противоположностей, в переходе из возможности в действительность и невозможностью отметить свойство и поведение одного элемента системы в целостности, производной от действий и поведения всех элементов системы»[4]. В свою очередь, дефиниция определенности сформулирована таким образом: «это философская категория, характеризующая сущность явления или процесса и являющаяся объективным свойством материи, проявляющимся как итог взаимодействия, перехода возможности в действительность в результате осуществления выбора из неограниченной вариативности, и возможностью

---

[1] Веселкова В.С. Определенность и неопределенность в социальном познании: Дис. …канд. философ. наук: 09.00.11. Саранск, 2006. С. 54.
[2] Там же. С. 69 – 71.
[3] Там же. С. 76.
[4] Там же. С. 56.

отметить свойства и поведения одного элемента системы в момент его относительной изолированности и устойчивости»[1]. Неопределенность и определенность, по ее мнению, являются моментами всякого движения и изменения.[2]

Проведенный анализ научной литературы показал сложность выработки единого подхода при формулировании определений категорий «неопределенность» и «определенность». В зависимости от области науки, а также исторического периода ученые в качестве их источника рассматривали область чувственного или область рационального. Неопределенность и определенность изучались применительно к природным свойствам и объектам, в деятельности человека в процессе познания, в связи с чем различают онтологическую и гносеологическую стороны указанных категорий. Кроме этого, отмечается важность рассмотрения их объективных и субъективных характеристик.

В данном диссертационном исследовании разделяются те научные позиции, в рамках которых «качество» рассматривается как «первая категория», раскрывающая определенность наличного бытия, в том числе социального явления или процесса. Его определение формулируется с помощью установления существенных свойств. В толковом словаре свойство предмета определяется как его качество, признак(и), способность, характеризующие что-нибудь, составляющие отличительную особенность чего-нибудь.[3] «Совокупность всех актуальных свойств раскрывают определенность предмета»[4]. Качество изменчиво в большей или меньшей степени. В свою очередь, существенным свойствам присущи продолжительность и устойчивость. На основе последних возможно установление определенности социального явления или процесса (переход от неопределенности к определенности), а изменение продолжительности и устойчивости приводит к ее нарушению и возникновению неопределенности

---

[1] Там же.
[2] Там же. С. 65.
[3] Толковый словарь русского языка / Под ред Д.Н. Ушакова. Т. 3. М.: Вече – Мир книги, 2001. С. 162.
[4] Визир П.И., Урсул А.Д. Указ. соч. С. 91.

(переход от определенности к неопределенности). Процессы перехода от неопределенности к определенности и от определенности к неопределенности происходят непрерывно и бесконечно. П.И. Визир и А.Д. Урсул справедливо пишут: «Взаимопроникновение устойчивости и изменчивости позволяют сделать вывод, что определенность … существует только на основе … неопределенности, возникает из нее и является ее стороной, а неопределенность – это определенность в ее становлении. И в этом их единстве они характеризуют любое движение, изменение»[1]. В связи с этим, следует поддержать вывод о том, что абсолютной определенности не существует, а абсолютная неопределенность – неопределяема.

Отдельные научные работники, например, А.С. Борщов и В.С. Веселкова, относят неопределенность и определенность к философским категориям. Зародившись и продолжая развиваться в рамках философии, они получили свое широкое распространение в других гуманитарных науках, а также в естественных науках. Именно анализ в рамках последних способствовал более глубокому и всестороннему раскрытию их содержания, интеграции научных знаний.[2] Однако, как отмечает В.С. Веселкова, например, в сфере социального познания данные категории являются малоисследованными.[3] В системе юридических наук продолжают формироваться определенные позиции относительно их использования применительно к различным правовым и неправовым явлениям или процессам. Соответственно процесс формирования и развития знаний о данных общенаучных категориях продолжается в различных областях науки до сих пор.

В этой связи знания, полученные в ходе проведенного в данном параграфе анализа, послужат основой для исследования правовой категории «определенность права» во второй главе диссертационного исследования. При этом следует признать, что приведенная краткая характеристика неопределенности и определенности не отражает всех граней данных общенаучных категорий.

---

[1] Визир П.И., Урсул А.Д. Указ. соч. С. 84.

[2] Необходимо отметить, что своеобразным «прорывом» в исследовании проблемы неопределенности считается естественнонаучный анализ процессов микромира вследствие открытия в 1927 году В. Гейзенбергом принципа неопределенности в квантовой физике.

[3] Визир П.И., Урсул А.Д. Указ. соч. С. 153.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Первый: в объективном мире не существует абсолютной определенности или неопределенности предметов, явлений или процессов. В том числе это касается любого социального явления, в котором проявляется единство определенности и неопределенности. Как видно из определений, представленных выше[1], взаимообусловленность составляющих категорий «неопределенность» и «определенность» формируется на понятийном уровне и свидетельствует об их парности. Кроме этого, установлены взаимосвязи рассматриваемых категорий с иными общенаучными категориями, в том числе «абстрактное» и «конкретное», а также специальными категориями. «Неопределенность» и «определенность» – это общенаучные категории, которые применяются и имеют важное значение во всех областях научного знания.

Второй: «качество» рассматривается как «первая» общенаучная категория, характеризующая «определенность» социального явления или процесса с помощью установления их существенных свойств. Качество изменчиво в большей или меньшей степени. В свою очередь, существенным свойствам присущи продолжительность и устойчивость. На основе последних возможно установление определенности социального явления или процесса (переход от неопределенности к определенности), а изменение продолжительности и устойчивости приводит к ее нарушению и возникновению неопределенности (переход от определенности к неопределенности). Процессы перехода от неопределенности к определенности и от определенности к неопределенности происходят непрерывно и бесконечно.

[1] Готт В.С. Определенность и неопределенность как категории научного познания / В.С. Готт, заслуж. деятель науки РСФСР, А. Д. Урсул, доктора филос. наук. М.: Знание, 1971. С.56; Черник В.Г. Определенность и неопределенность как категории научного познания: Автореф. дис. …канд. философ. наук: 09.00.01. Ташкент, 1977. С. 7, 8; Веселкова В.С. Определенность и неопределенность в социальном познании: Дис. …канд. философ. наук: 09.00.11. Саранск, 2006. С. 56.

Глава 2. Правовые категории «конкретизация права» и «определенность права»

§ 1. Становление и развитие правовых категорий «конкретизация права» и «определенность права» в XX-XXI веках

Наряду с широко распространенным юридическим позитивизмом, рассматривающим право как совокупность позитивно-установленных норм, в XX-XXI веках получил распространение социологический позитивизм, в соответствии с которым право понималось, как социальное явление, исследуемое в системе общественных отношений на каждом этапе их развития. Представителем именно этой школы был профессор Н.А. Гредескул, который впервые среди отечественных правоведов обратил внимание на проблему конкретизации права.[1] В своей работе 1900 года, анализируя труды профессора Ф. Регельсбергера и других ученых, констатирует, что в юридической науке умственный процесс распознавания элементов права in concreto не изучен, а только «чувствуется»[2].

По его мнению, конкретизация происходит в процессе распознавания права для непосредственного перехода к поступку: «А если такъ, то спрашивается: что-же мы делаемъ въ нашемъ уме съ элементами правоволоженія, переводя ихъ въ элементы поступка? Въ чемъ состоитъ сущность производимой здесь работы? – Правоположеніе абстрактно, оно есть отвлеченіе отъ действительности, - последнюю оно только символизируетъ, а не представляетъ. Наоборотъ, поступокъ конкретенъ, поступокъ – это сама действительность. Значитъ переходъ отъ правоположенія къ поступку есть переходъ *отъ абстрактного къ конкретному,*

---

[1] Черданцев А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права: Сборник статей. Свердловск: СЮИ, 1974. С. 25; Залоило М.В. Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы соотношения и взаимодействия // Журнал российского права. 2010. №5. С. 105; Власенко Н.А. Методологические основы исследования конкретизации в праве // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 70; Коновалова Е.В. Об основных направлениях исследования феномена конкретизации в праве // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2013. № 8 (106). С. 109 и др.

[2] Гредескул Н.А. Къ ученію объ осуществленіи права. Интеллектуальный процессъ, требующійся для осуществленія права. – Харьковъ: Типографія Адольфе Дарре, 1900.С. 103, 104.

отъ отвлеченія къ действительности, отъ символа къ символизируемому. Следовательно, и сущность умственной работы, совершаемой для перехода отъ правоположенія къ поступку, будетъ состоять въ *конкретизаціи* правоположенія, въ обличеніе его – сперва въ уме – плотью и кровью, чтобы затемъ – поступкомъ – перевести его въ действительную жизнь»[1].

Представляется, что, с одной стороны, исследуя пределы конкретизации, Н.А. Гредескул дискуссионно рассматривал возможность ее осуществления в целом в рамках реализации права любыми субъектами, в том числе и гражданами. С другой стороны – автор справедливо разграничивает правовые категории «толкование права» и «конкретизация права». «Ясно, что те умственные усилія или умственные опреаціи, которыми мы пользуемся для уясненія себе нормъ, составляютъ то, что принято называть толкованіемъ»[2]. При этом пишет, что толкование зачастую предшествует конкретизации, а также является не всегда необходимым. «Это – работа *промежуточная* – между отысканіем нормы и ея конкретизаціей: логически она *не представляется безусловно необходимой,* как те два звена, между которыми она вставлена»[3].

В советский период данная правовая категория рассматривалась учеными в контексте конкретизации, как правило, юридических (правовых) норм, а ее пределы использования – во взаимосвязи с правотворчеством, правоприменением и толкованием. Например, А.В. Мицкевич в целом справедливо отмечает, что конкретизирующими являются «акты правотворчества (или их статьи, пункты и т.п.), которые издаются со специальной целью уточнения общих положений закона в тех случаях, когда общие положения не предусматривают разрешения тех или иных деталей, сторон или процедуры рассмотрения регулируемых отношений. Конкретизирующие нормативные акты выступают как самостоятельные источники правовых норм потому, что они оформляют установление хотя и уточняющих, но

[1] Там же. С. 85, 86.
[2] Там же. С.129.
[3] Там же. С. 115.

все же новых общих правил по сравнению с тем законом или подзаконным актом, в развитие которого они изданы»[1].

Рассматривая природу постановлений Пленума Верховного Суда СССР, исходя из полномочий этого органа судебной власти, автор приходит в целом к обоснованному выводу о том, что конкретизация возможна только в правотворчестве. «Ответ на новые вопросы правового регулирования должен давать не суд, а законодатель или компетентный орган управления»[2].

А. Безина и В. Лазарев признают, что конкретизацию права осуществляют все нормотворческие органы (при издании законов, конкретизирующих конституционные положения; подзаконных нормативных правовых актах, конкретизирующих законы). По их мнению, «это естественное ***развитие права вширь и вглубь***» (выделено мной. – Т.Л.)[3]. В то же время они дискуссионно отмечают, что конкретизация возможна и в других видах деятельности, в том числе в правоприменительной. Подчеркивая отсутствие у судов правотворческих полномочий, авторы отличают индивидуализацию правовых норм судами от конкретизации, осуществляемую «там, где в рамках общих норм какие-то правовые установления отсутствуют … Конкретизацией норм в правоприменительный процесс ***привносится новый элемент, который вместе с основной нормой сам становится объектом применения***» (выделено мной. – Т.Л.)[4]. «Положения, выработанные в ходе конкретизации, есть прямое продолжение норм права вглубь. Ими нельзя отменить или изменить существующие юридические нормы, расширить пределы их действия, что свойственно актам правотворчества. Правоконкретизирующие положения органически вливаются в содержание конкретизируемых норм, составляют с ними единое целое и в отличие от новых, дополнительных норм права действуют со времени принятия основной нормы. Законодатель здесь сознательно отказывается от полного, всестороннего

---

[1] Общая теория советского права. / Под ред. докторов юрид. наук С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М.: Юридическая литература, 1966. С. 145.
[2] Указ. соч. С. 147.
[3] Безина А., Лазарев В. Конкретизация права в судебной практике // Советская юстиция. 1968. № 2. С. 6.
[4] Там же.

регулирования каких-то отношений, предоставив суду в зависимости от складывающихся обстоятельств и практики конкретизировать общие требования закона»[1].

Рассматривая соотношение конкретизации и толкования, А. Безина и В. Лазарев отмечают, что это нетождественные, но взаимосвязанные, дополняющие друг друга процессы. При этом видят специфику конкретизации в том, что при ее осуществлении «существующие правила преобразуются в более детальные, более усовершенствованные, более «подготовленные» для применения к данному типу своеобразных обстоятельств»[2], а при толковании – уясняется воля законодателя без вмешательства в содержание нормы права. «Конкретизация норм права, – пишут А. Безина и В. Лазарев, – может последовать только после использования всех приемов уяснения воли законодателя»[3]. И только при выявлении «намеренной неполноты» нормы, содержащей оценочное понятие, суды имеют право на конкретизацию. «Начинается она в судах первой и второй инстанций, рассматривающих дело по существу. Продолжают конкретизацию правовых норм и доводят ее до логического конца, создавая на базе обобщения судебной практики правоконкретизирующие положения, Пленумы Верховных Судов СССР и союзных республик»[4].

По вопросу логического завершения конкретизации правовых норм в Постановлениях Верховных Судов СССР и союзных республик, на наш взгляд, следует согласиться с теоретическим выводом, сделанным А.Ф. Ноздрачевым. Разъяснения Пленума Верховного Суда СССР не являются источниками права, не устанавливают новых правовых норм, не руководят особой сферой общественной жизни.[5]

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 7.
[5] См. более подробно: Ноздрачев А.Ф. Пределы конкретизации законов и подзаконных актов министерствами и ведомствами Союза ССР (по материалам функциональных министерств и ведомств Союза ССР) // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1968. Вып. 12. С. 75.

В рамках своего диссертационного исследования ученый в самом общем виде рассматривает возможным осуществление конкретизации только в правотворчестве и определяет ее как «родовое понятие, означающее установление предписаний, разъясняющих или развивающих исходные нормы законов и подзаконных актов и направленное на такую регламентацию общественных отношений, при которой достигается полнота регулирования, единство правового опосредования общественных отношений определенного вида»[1].

С.Г. Ткачева справедливо пишет о необходимости разграничения логической конкретизации, которая происходит в любом процессе познания, и нормотворческой конкретизации закона, осуществляемой только правотворческими органами. В результате последней появляются новые элементы правового регулирования определенного вида общественных отношений, порождаются последствия общеобязательного характера, а «…логические суждения доктринального либо иного необязательного значения, будучи логической конкретизацией, не могут рассматриваться как юридически обязательная конкретизация норм права, как установление правоположений, уточняющих или развивающих общий закон.

Существенно различны и юридические последствия между разными обязательными решениями, например, между изданием более конкретной нормы и конкретными индивидуальными решениями. Равнозначное применение понятия «конкретизации закона» к результатам правотворчества, толкования и применения права приводит к стиранию границ между ними, что является недопустимым»[2].

Следует в целом согласиться и с ее выводом о том, что при нормотворческой конкретизации «акт, содержащий такие нормы, имеет подчиненное значение и может издаваться только в тех пределах, в каких это разрешается законом. Поэтому издание нормативного акта, содержащего конкретизирующие нормы, проводится в

---

[1] Ноздрачев А.Ф. Нормативные акты министерств и ведомств СССР: Автореф. дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 1968. С. 14.
[2] Ткачева С.Г. Конкретизация закона и его судебное толкование: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 1973. С. 5.

строгом соответствии с первоначальным актом, без изменения и дополнения его»[1]. Однако следует отметить, что в данном случае такой нормативный правовой акт будет выступать в качестве самостоятельной формы национального и (или) международного права, содержать не только более конкретные, обладающие более высокой степенью определенности нормы права, но и принципы права.

С.Г. Ткачева, не отождествляя толкование и конкретизацию, считает, что в правоприменении судом проводится лишь логическая конкретизация, которая заканчивается там, где и судебное толкование, после чего «… индивидуальная ситуация подводится под общую норму права, и более точным будет назвать этот процесс процессом индивидуализации, т.к. правотворческой конкретизации здесь нет»[2]. Автором также справедливо отмечено, что давая разъяснения, Пленум Верховного Суда сначала уясняет и делает логический вывод из содержания положения закона, после чего закрепляет его в форме «особого интерпретационного акта – разъяснения».[3]

А.Ф. Черданцев пишет, что «конкретизация – это свойство именно процесса правового регулирования в целом. … Представляется, что для раскрытия природы конкретизации, определения ее места и роли в механизме правового регулирования необходимо рассмотреть ее применительно к разным стадиям (уровням) правового регулирования и на этой основе разграничивать ее виды»[4].

По мнению ученого, именно содержание правовой нормы подлежит конкретизации, которая осуществляется либо «сверху»: от общей и абстрактной нормы права к менее общей и менее абстрактной другой норме права (или их совокупности), или «снизу»: от конкретного факта (ситуации) к общей и абстрактной норме»[5]. В первом случае это логическое развитие нормы права (в основном происходящее в рамках нормотворчества), а во втором – «доказывание

---

[1] Там же. С. 50.
[2] Там же. С. 117.
[3] Там же. С. 121.
[4] Черданцев А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // В сборнике ученых трудов «Применение советского права». Вып. 30. Свердловск: Свердл. юрид. институт, 1974. С. 15, 16.
[5] Там же. С. 19.

об относимости конкретного факта к той или иной норме права и определение конкретных прав и обязанностей субъектов конкретной ситуации, подпадающей под действие общей и абстрактной нормы права»[1] (происходящее в рамках реализации правовых норм).

Рассматривая конкретизацию в правотворчестве, А.Ф. Черданцев не согласен с широким пониманием «актов конкретизации», которое поддерживали А.Ф. Ноздрачев и А.В. Мицкевич. По его мнению, акт конкретизации должен содержать в себе более детальные правовые нормы, без которых невозможна реализация общих и абстрактных норм первоначального акта, которые должны выводиться из их содержания и не содержать нового.[2]

Соотношение толкования и конкретизации правовых норм А.Ф. Черданцев видит в том, что конкретизация может выступать «как сам процесс толкования», заключающийся в «переводе общей и абстрактной формулы нормы права на язык более конкретных высказываний», или как результат, следствие интерпретации, при этом последняя рассматривается как средство, способ конкретизации.[3]

«Конкретизация в правоприменении, следовательно, состоит в индивидуализации – переводе общего и абстрактного веления нормы права в веление индивидуального характера, относящегося к индивидуальным (единичным), персонально определенным субъектам как участникам конкретного отношения, действующим в конкретной ситуации»[4]. В данном процессе «она сводится к юридической квалификации индивидуальных ситуаций и к индивидуализации прав и обязанностей конкретных субъектов, вытекающих из фактической и нормативной основы конкретного дела»[5].

С.Н. Братусь и А.Б. Венгеров считают, что существует два способа конкретизации. «Первый способ – издание подзаконных актов компетентными органами государственной власти, но этот способ не исчерпывает потребностей в

---

[1] Там же. С. 19.
[2] Там же. С. 22.
[3] Там же. С. 26.
[4] Там же. С. 35.
[5] Там же. С. 37.

конкретизации, необходимой при разрешении юрисдикционными органами конкретных конфликтных ситуаций. Второй способ, и дополняющий первый, – выработка конкретизирующих правоположений судебной практикой»[1]. В рамках последнего «конкретизация закона (под законом имеются в виду не только закон в конституционном его понимании как нормативный акт, изданный Верховным Советом СССР или Верховными советами союзных республик, но и иные, принятые компетентными органами нормативные акты) содержится и в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР, в постановлениях пленумов Верховных судов союзных республик и в решениях иных судебных инстанций, в том числе в судах первой инстанции»[2]. При этом отмечается, что конкретизация тесно связана с толкованием. «Толкование – необходимая предпосылка акта применения закона, конкретизация — необходимый компонент этого применения»[3].

Н.Н. Вопленко в своей работе 1976 года «Официальное толкование норм права», анализируя точки зрения различных ученых, таких как Н.Б. Зейдер, К.И. Комиссаров, А.К. Безина, В.В. Лазарев, А.Ф. Ноздрачев, А.Б. Венгеров, А.С. Пиголкин и др., приходит к выводу о том, что конкретизацию следует рассматривать как родовое понятие, означающее «результат правотворческого или правоприменительного процесса, в котором выражаются ***максимальная определенность и полнота смысла правовых норм*** (выделено мной. – Т.Л.), ставших возможными в результате использования средств толкования, детализации, уточнения или развития отдельных элементов норм в целях наиболее точного и полного правового урегулирования. Этот результат может выражаться в различного рода правоположениях общего или индивидуального характера. По своему содержанию конкретизирующие положения выражаются в определенных правилах понимания и применения норм права, оценочных суждениях, выводах и

---

[1] Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С.Н. Братуся. М.: Юридическая литература, 1975. С. 15, 16.
[2] Там же. С. 14, 15.
[3] Там же. С. 19.

т.д. Таким образом, значение тех или иных конкретизирующих положений в юридической практике обусловлено правотворческим характером процесса их создания, правоприменением, а также официальным толкованием»[1].

В целом не разделяя отмеченную позицию Н.Н. Вопленко, следует поддержать его вывод в отношении взаимосвязи конкретизации права и определенности права (по мнению автора – норм права). Однако представляется дискуссионным, что «… сущность конкретизации следует усматривать не в связи с правотворческой деятельностью органов, многие из которых не уполномочены на это, а в основном через призму многообразия методов и средств толкования, используемых при этом. Взаимоотношение толкования и конкретизации следует рассматривать в плане отношения средства к цели, общего к единичному»[2].

Г.Г. Шмелева полностью не поддерживает вывод, сделанный Н.Н. Вопленко в указанной выше работе, во-первых, потому, что тогда конкретизация – это не самостоятельный, своеобразный процесс со своей сущностью и содержанием, а всего лишь «результат правотворческого или правоприменительного процесса; во-вторых, не позволяет выявить соотношение конкретизации с другими видами юридической деятельности (например, толкованием), а тем самым – и с их объективными результатами; в-третьих, устраняет необходимость в отдельном понятии конкретизации, ибо оно в таком случае оказывается «не работающим», а потому и лишенным практического смысла»[3].

Ученый теоретически более обосновано рассматривает конкретизацию «как процесс перевода понятий с высокого уровня общности и абстрактности на более низкий уровень, как их движение от меньшей конкретности к большей, результатом которого выступает более конкретное понятие»[4]. При этом под конкретизацией правовых норм понимает «объективно обусловленную, направленную ***на повышение точности и определенности правового***

---

[1] Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М., Юрид лит., 1976. С. 25.
[2] Там же. С. 22.
[3] Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании: Монография. Львов: Выща шк.: Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1988. С. 12.
[4] Там же. С. 16.

регулирования (выделено мной. – Т.Л.), закономерную деятельность государственных и иных уполномоченных органов по переводу абстрактного содержания юридических норм на более конкретный уровень посредством операции ограничения понятий, результат которой фиксируется в правовых актах»[1].

Интересным представляется, что Г.Г. Шмелева пишет и о конкретизации принципов социалистического права. Однако рассматривает их в качестве объекта правовой нормы, выраженных и закрепленных «… прежде всего в нормах Конституции …»[2]. В то же время необходимо отметить, что автором спорно рассматривается возможность осуществления конкретизации правовых норм и в процессе правоприменения. При этом в рамках последнего справедливо проводится разграничение конкретизации и толкования, поскольку они преследуют разные цели, функции, используют разные логические механизмы осуществления, приводят к неодинаковому результату. Исходя из общего сформулированного ею определения конкретизации, Г.Г. Шмелева пишет: «при применении всякой нормы к каждому конкретному случаю происходит конкретизация (индивидуализация) ее содержания относительно единичного факта, индивидуальных субъектов правоотношения. Общая абстрактная норма преобразуется в индивидуализированное предельно конкретное веление, являющееся результатом конкретизации этой нормы в применении права и объективирующееся в правоприменительном акте»[3]. По ее мнению, в данном случае конкретизироваться может любой элемент правовой нормы. Правоприменительная конкретизация – «объективно обусловленная, осуществляемая в целях обеспечения претворения правовых норм в жизнь, закономерная деятельность компетентных государственных и иных уполномоченных органов по установлению индивидуальных конкретных велений, а также по созданию индивидуальных правоконкретизирующих положений

[1] Там же. С. 23.
[2] Там же. С. 34.
[3] Там же. С. 65.

(посредством уменьшения объема юридических норм на основе расширения их содержания)»[1].

На современном этапе понятие конкретизации права, а также возможности ее осуществления в правотворческой, правоприменительной деятельности и соотношения с толкованием до сих пор вызывают оживленные дискуссии среди ученых. Так, о применении правовой категории «конкретизация права» исключительно в процессе правотворческой деятельности пишут, например, А.Ф. Ноздрачев[2], В.В. Ершов, И.Н. Сенякин. Например, И.Н. Сенякин рассматривает конкретизацию как одну из форм выражения специализации, наряду с дифференциацией и детализацией. «Конкретизация уточняет содержание общих положений нормативных актов, делает их доступнее, точнее. Она предусматривает несколько возможных вариантов поведения лица, которые фиксируются в конкретизационной норме»[3]. Значение конкретизации законодательства, по его мнению, – в создании правовых норм, которые будут развивать и уточнять «содержание генеральных положений законодательных актов. Конкретизация способствует тому, чтобы одно и то же явление регулировалось целой системой различных правил или нормативно-правовых актов»[4]. И.Н. Сенякин приходит к выводу о том, что «конкретизация законодательства всегда носит нормативный характер и не свойственна процессу правоприменения»[5]. В свою очередь, суды, по его мнению, издают правоприменительные акты индивидуального характера.[6] Подчеркивая взаимосвязь конкретизации и толкования, он оспаривает выводы ученых, которые считают конкретизацию результатом толкования и исследуют их как тождественные явления. «Их различие в том, что при толковании не происходит внутреннего вмешательства в содержание нормативного акта или

---

[1] Там же. С. 75.
[2] Ноздрачев А.Ф. Современная правотворческая деятельность федеральных органов исполнительной власти: анализ практики, оценка правовых форм, предложения и рекомендации // Законодательство и экономика. 2014. № 10. С. 7 – 47; № 11. С. 7 – 36. // СПС Консультант Плюс.
[3] Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательств. (Проблемы теории и практики): Автореф. дис. …докт. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 1993. С. 7.
[4] Там же. С. 18.
[5] Там же.
[6] Там же. С 18, 19.

нормы права, а осуществляется раскрытие воли законодателя, конкретизируется представление о его сути»[1].

А.В. Аверин, являясь представителем современного нормативного подхода к пониманию права, рассматривает конкретизацию права как синоним конкретизации правовых норм, отмечая при этом возможность ее осуществления лишь в правотворческой деятельности государства. Конкретизация права и правоприменение связаны опосредованно, а их более тесное взаимодействие, по мнению автора, в рамках одного подхода к пониманию права может привести к смешению конкретизации и толкования права.[2]

В целом вышеназванные позиции И.Н. Сенякина, А.В. Аверина и других авторов следует поддержать с точки зрения необходимости рассмотрения взаимосвязи конкретизации права среди прочего с правотворческой деятельностью, а также необходимости ее разграничения с толкованием права. При этом теоретически более обоснованным представляется вывод В.В. Ершова, который под конкретизацией права понимает «объективный процесс восхождения от абстрактного права, меньшей степени его определенности к конкретному праву, большей степени его определенности, характеризующийся выработкой управомоченными правотворческими органами или лицами в том числе более детальных, уточнённых и т. д. прежде всего специальных принципов и норм права в иных формах национального и (или) международного права, имеющих меньшую юридическую силу»[3].

Однако большинство российских ученых рассматривают возможность осуществления конкретизации права не только в правотворчестве, но и в правоприменении, а иногда и в правореализационном процессе в целом. Кроме того, отдельные научные работники допускают возможность одновременного

---

[1] Там же. С. 19.

[2] См. более подробно: Аверин А.В. Конкретизация права и правоприменение // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 345 – 349.

[3] Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. С. 331, 332.

толкования права и его конкретизацию. При этом, как уже отмечалось выше, одни ученые отождествляют конкретизацию и толкование права, другие разграничивают эти категории.

Например, В.М. Баранов отмечает, что конкретизация права возможна в рамках правотворчества, правоприменения и толкования. Однако основным субъектом конкретизации считает все-таки «создателя правовой нормы».[1] При этом под конкретизацией юридических норм в правотворчестве (правотворческая конкретизация) понимает дифференциацию, развивающую содержание и (или) форму чрезмерно абстрактной юридической нормы уполномоченными субъектами в одном либо нескольких нормативных актах различной юридической силы посредством специализированных технико-юридических приемов детализации ***до такой степени определенности, которая необходима для эффективной реализации***[2] (выделено мной. – Т.Л.). С одной стороны, следует согласиться с мнением В.М. Баранова, что «конкретизация не может изменять содержание юридической нормы: ***в ее процессе меняется лишь степень определенности*** (выделено мной. – Т.Л.)».[3] С другой стороны, представляется дискуссионным вывод ученого о том, что в результате конкретизации права новой правовой нормы не создается. Автор пишет, что «комплекс технико-юридических приемов, обладающих многими преимуществами и способных оптимально конкретизировать чрезмерно абстрактную юридическую норму, образуют: перечни; примечания; классификации; приложения; отсылочные предписания (при существовании более конкретной нормы); примеры «иллюстраций»; символы; технические характеристики; математические выкладки; таблицы; диаграммы»[4].

В совместной статье В.М. Баранов и В.В. Лазарев рассматривают актуальный вопрос о конкретизации общих принципов права и приходят к выводу, что «нет

---

[1] Баранов В.М. Негативные аспекты конкретизации юридических норм // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 64.
[2] Там же. С. 62, 63.
[3] Там же. С. 62.
[4] Там же.

принципа, если нет, по меньшей мере, двух норм, его конкретизирующих»[1]. Кроме этого, на наш взгляд, дискуссионно считают возможными конкретизацию естественного права и оценочных понятий.[2]

Н.А. Власенко определяет конкретизацию как «объективное свойство правового регулирования, заключающееся в ***переходе от неопределенности юридического предписания к его определенности*** (выделено мной. – Т.Л.), а также неопределенности нормы права в связи с проявлением юридического факта к его качеству определенного правового (индивидуального) регулятора»[3], она «охватывает правореализационный процесс полностью».[4] Н.А. Власенко, поддерживая позицию А.Ф. Черданцева, пишет: «конкретизация в правоприменении состоит в индивидуализации – переводе общего и абстрактного веления нормы права в веление индивидуального характера, относящегося к индивидуальным (единичным), персонально-определенным субъектам как участникам конкретного отношения, действующим в конкретной ситуации»[5]. Отмечая тесную связь правоприменения и толкования, автор приходит к выводу о том, что в процессе толкования конкретизация выступает «как прием интерпретации юридических норм и как результат перевода абстрактной нормы на более конкретные положения, более конкретные высказывания о толкуемой юридической норме».[6]

И.А. Минникес, в целом соглашаясь с определением конкретизации права, сформулированным в советское время Г.Г. Шмелевой, в своем диссертационном

---

[1] Баранов В.М., Лазарев В.В. Конкретизация права: понятие и пределы // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 17, 18.

[2] Там же. С. 16 – 33.

[3] Власенко Н.А. Методологические основы исследования конкретизации в праве // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 71.

[4] Власенко Н.А. Конкретизация в праве: природа и пути исследования // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 66.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 67.

исследовании, полагаем, спорно отмечает, что результаты конкретизации отражаются не только в нормативных правовых актах, но и в индивидуальных правовых актах. Ученый рассматривает конкретизацию на всех стадиях процесса правового регулирования, то есть в процессах правотворчества, правоприменения, «и при традиционных, и при сложных формах… (аналогия, коллизии)…»[1] и толкования, а также «конкретизацию правоотношения, когда речь идет о конкретизации субъективных права и юридических обязанностей участников правоотношения».[2]

В диссертационном исследовании М.Ш. Гамидов пишет о наличии узкого и широкого подходов к пониманию конкретизации правовых норм. С позиции юридического позитивизма автор определяет конкретизацию, как особый вид деятельности государства, имеющий строго определенные, законно установленные границы и уровни реализации (правотворчество, правоприменение, правоинтерпретация).[3] В итоге под конкретизацией правовых норм понимает «технико-юридический метод уточнения исходного содержании нормы права, реализуемый уполномоченным субъектом путем правотворческого, правоприменительного либо интерпретационного расширения (или сужения) объема отдельных признаков или элементов структуры для достижения их определенности, обеспечивающей объективное соответствие целей и результатов правореализации, а также ограничивающей дискреционность поведения адресатов»[4]. М.Ш. Гамидов пишет: «… в юридической литературе справедливо отмечается, что в толковании нуждаются все юридические нормы, если возникает вопрос об их применении, в то время как необходимость в конкретизации юридических норм возникает не всегда»[5]. При этом подчеркивая взаимосвязь толкования и конкретизации, указывает, что «…толкование является средством

---

[1] Минникес И.А. Правовое регулирование: нормативные и индивидуальные начала // Вестник Сибирской академии права, экономики и управления. 2010. № 1 (1). С.7.
[2] Там же.
[3] Гамидов М.Ш. Конкретизация норм права: Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2010. С. 23, 24.
[4] Там же. С. 51.
[5] Там же. С. 41.

конкретизации»[1]. «Воздействие конкретизации заключается и в том, что она ограничивает либо полностью исключает толкование права. … С другой стороны толкование может стать первопричиной конкретизации»[2]. В отличие от Г.Г. Шмелевой, по его мнению, цель толкования и конкретизации одна: раскрытие содержательного объема нормы права для достижения ее реализации. «Конкретизация выступает способом достижения завершенности правового регулирования»[3].

М.В. Залоило рассматривает конкретизацию как «объективно необходимый процесс, заключающийся в переводе абстрактных юридических норм в более определенные правила посредством их уточнения, детализации, дополнения, развития; в создании процедурных (процессуальных) норм, опосредующих материальные предписания; в индивидуализации юридических норм применительно к конкретным субъектам правоотношения, их правам и обязанностям. Конкретизация способствует воплощению юридической нормы в действительность, непосредственному применению ее к конкретному случаю»[4].

Интересным представляется, что, с одной стороны, М.В. Залоило разграничивает конкретизацию права и конкретизацию юридических норм, справедливо отмечая, что понятие «конкретизация права» шире. С другой стороны, считаем, приходит к спорному выводу. «Конкретизация права, – пишет он, – может включать в себя, в том числе: возможную конкретизацию естественного права как возведения его в закон; и конкретизацию правовых принципов; конкретизацию духа, смысла; общих начал законодательства, принципов добросовестности, разумности, справедливости при наличии пробелов в праве; когда полностью отсутствует правовое регулирование рассматриваемых отношений»[5]. При таком походе М.В. Залоило по существу допускает возможность конкретизации как

---

[1] Там же.
[2] Там же. С. 42.
[3] Там же. С. 43.
[4] Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: Дис.. канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2011. С. 8.
[5] Там же. С. 45.

права, так и неправа.[1] Говоря о формах конкретизации, М.В. Залоило берет «за основу стадии правового регулирования, в рамках которых осуществляется конкретизация юридических норм. В этом случае следует различать правотворческую и правореализационную конкретизацию, а также конкретизацию в сфере толкования юридических норм (правоинтерпретационную)».[2]

А.В. Корнев справедливо отмечает, что при исследовании природы конкретизации права «можно и нужно использовать» отдельные философские категории, а в частности качество, количество и меру.[3] При таком подходе, по мнению ученого, складывается четкое представление о том, «кто, при каких обстоятельствах и до каких пределов может конкретизировать норму права»[4]. Однако представляется дискуссионным, что Верховный Суд Российской Федерации «может конкретизировать закон посредством его интерпретации»[5].

В отраслевых науках также можно отметить различные тенденции относительно определения природы конкретизации, в том числе по вопросу ее соотношения с другими видами деятельности (правовыми процессами).

В.А. Кряжков, исследуя роль Конституционного Суда РФ в конкретизации правовых норм, рассматривает конкретизацию как самостоятельное правовое понятие и определяет его «как вид официальной деятельности, осуществляемой в пределах установленной компетенции органами публичной власти, результатом которой становится придание большей ясности правовым нормам в целях их наиболее адекватной реализации»[6]. По его мнению, одним из важнейших

---

[1] Ершов В.В. Право и неправо: дискуссионные вопросы теории и практики // Российское правосудие. 2013. № 1 (81). С. 24 – 31.
[2] Залоило М.В. Указ. соч. С. 45.
[3] Корнев А.В. Социальное и юридическое в контексте конкретизации права // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 234.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 239.
[6] Кряжков В.А. Роль Конституционного Суда РФ в конкретизации правовых норм // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 636.

государственных органов, который имеет право конкретизировать правовые нормы, является Конституционный Суд Российской Федерации.

В.И. Крусс считает, что конкретизация права «не может быть «привязана» к определенному уровню или участку правовой системы, не должна восприниматься в качестве специфического агрегата (звена) механизма правового регулирования, стадии реализации права или даже отдельного приема юридической техники. Конкретизация может и должна быть исключительно конституционной»[1].

С.Г. Пишина, изучая вопрос о соотношении конкретизации и толкования гражданского законодательства в современной России, приходит к следующим, на наш взгляд обоснованным выводам. Первый: конкретизация и толкование – «принципиально отличающиеся друг от друга процессы»[2], поскольку различны их цели и итоги. Второй: конкретизация не осуществляется в правоприменении, поскольку в этом процессе новой нормы не создается, а осуществляется лишь толкование нормы для регулирования правоотношений. Третий: конкретизация не осуществляется в процессе официального толкования, поскольку целью последнего является не корректирование, а выяснение и разъяснение закрепленного законодателем смысла.[3]

Таким образом, в ходе анализа исследований, посвященных вопросам конкретизации права в России в XX-XXI веках, можно констатировать: наличие различных подходов к пониманию этой правовой категории зависит, во-первых, от того, сторонником какого типа правопонимания является ученый и что он понимает под содержанием права, а исходя из последнего, во-вторых, – возможности осуществления конкретизации права в процессах правотворчества, правоприменения (правореализационном процессе в целом), толкования или

---

[1] Крусс В.И. Конституционализация и доктринальная состоятельность конкретизации российского законодательства // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 161.

[2] Пишина С.Г. К вопросу о соотношении конкретизации и толкования гражданского законодательства в России // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 537.

[3] Там же. С. 539.

интерпретации. При этом, полагаем необходимым подчеркнуть, что природа конкретизации права связана прежде всего с достижением большей степени его определенности, переходом от «абстрактного» права к более «конкретному» праву в определенных границах.

Относительно становления и развития знаний о правовой категории «определенность права» можно отметить следующее. В дореволюционной литературе отдельные аспекты данной проблемы были затронуты в рамках толкования «неясных», «темных», «неполных» норм закона. Например, Н.А. Гредескул считал, что толкование соотносимо с темнотой или неясностью закона.[1]

Е.В. Васьковский также писал: если норма по своему грамматическому строению и установившемуся словоупотреблению допускает единственный безусловно точный и определенный способ понимания, то в этом случае при толковании ее словесный смысл ясен, в свою очередь, норма является неясной, в случае ее двусмысленности, неточности, неполноты или если она противоречит другим.[2] Ученый выделял 4 формы проявления неясности норм и их причин.[3]

Анализируя проблемы, связанные с судейским усмотрением (правотворением), И.А. Покровский писал: «Из прежнего обычного учения о толковании ***для законодателя естественно вытекало требование по возможности все предусмотреть и все разрешить самому, не оставляя для судьи никаких неясностей и недомолвок*** (выделено мной. – Т.Л.)***; пробелы закона или его неопределенность*** (выделено мной. – Т.Л.) мыслились только как нечто возможное, но не должное. С позиции новых представлений, все это радикально менялось. Законодатель мог теперь умышленно в тех случаях, где ему по тем или иным причинам точное определение не давалось или было затруднительным, выразить свою мысль в общей неопределенной форме, ***предоставив затем***

---

[1] Гредескул Н.А. Указ. соч. С. 158.
[2] Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов: М.: Юридическое бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. С. 46, 47.
[3] См. более подробно: Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 81 – 83.

восполнение подобного «каучукового параграфа» свободному усмотрению суда (выделено мной. – Т.Л.)»[1].

В первой главе диссертационного исследования нами была поддержана позиция относительно отсутствия в объективном мире абсолютной определенности предметов, явлений или процессов, в том числе это следует отнести и к такому социальному явлению, как право. В этой связи невозможно представить себе, что все общественные отношения, складывающиеся в различных сферах жизнедеятельности общества, будут детально, в полном объеме урегулированы принципами и нормами права. Достаточно дискуссионно предполагать возможность законодателя «все предусмотреть и все разрешить самому, не оставляя для судьи никаких неясностей и недомолвок». Кроме этого на основе принятых принципов и норм права, содержащихся в различных формах национального и (или) международного права, управомоченными правотворческими органами и должностными лицами предоставляется общее руководство, устанавливаются средства и пределы, с помощью и в рамках которых в последующем суды реализуют свои полномочия по индивидуальному регулированию конкретных правоотношений. Достижение более высокой степени определенности права (а не только закона, как одного из видов нормативных правовых актов, к тому же выступающего не единственной формой права) может быть произведено посредством его конкретизации субъектами, наделенными исключительно правотворческими полномочиями. В этой связи представляется спорным возможность «свободного усмотрения суда» в целях восполнения подобного «каучукового параграфа».

В советский период, например, П.Е. Недбайло в целом справедливо отмечает, что … праву не свойственна «абсолютная неопределенность», которая выступает не степенью определенности, а исключением из всякой определенности, полной заменой ее произвольным усмотрением.[2] Так, в отношении норм с недостаточно

---

[1] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. С. 95.
[2] Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Гос. изд.-во юрид. лит., 1960. С. 68.

определенной диспозицией автор аргументированно отмечает, что в таком случае усмотрение суда ограничивается самой правовой нормой и основными принципами советского права.[1] Под определенностью правовых норм П.Е. Недбайло понимает точную и отчетливую формулировку каждого из ее элементов. Именно строгая определенность отличает нормы права от других социальных норм.[2]

Можно отметить, что в теории права отечественная доктрина рассматривает определенность права как важнейшее свойство или признак права – формальная определенность.[3] Так, под таковой С.С. Алексеев понимает ***полноту, точность, четкость, ясность и категоричность закрепления содержания норм права в нормативных правовых актах*** (выделено мной. – Т.Л.)[4]. А.С. Шабуров пишет: определенность права, будучи облечена в соответствующую форму, выступает как формальная определенность, т.е. «***точное, полное и последовательное закрепление государственной воли в установленной форме*** (выделено мной. – Т.Л.)»[5].

В настоящее время, например, А.Ф. Черданцев считает, что формальная определенность содержания правовых норм (формальность) – свойство права, «***необходимое качество права*** (выделено мной. – Т.Л.) как регулятора общественных отношений, определяющее повышение роли и социальной ценности права в правовом государстве». Она выражается: в формальной определимости содержания норм права; во внешних способах их формулирования и формах закрепления и выражения с помощью нормативных актов; в формальности реализации права»[6]. В целом такую же позицию разделяет Т.Н. Назаренко.[7]

---

[1] Там же. С. 70.
[2] Там же. С. 68.
[3] См., например: Шабуров А.С. Формальная определенность права: Автореф. дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. Свердловск, 1973. С. 5; Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании: Монография. Львов: Выща шк.: Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1988. С. 28, 29; Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 6: Восхождение к праву. М.: Статут, 2010. С. 48; Малько А.В. Теория государства и права: вопросы и ответы: Учебно-методическое пособие. М.: Директ-Медия, 2013. С. 54; Бошно С.В. Свойства права // Право и современные государства. 2014. № 1. С. 63.
[4] Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юрид. лит., 1971. С. 89-105.
[5] Шабуров А.С. Указ. соч. С. 5, 11.
[6] Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. М.: Юнити-Дана, 2003. С. 19.
[7] Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве: Дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2006. С. 38.

Профессор О.Э. Лейст, рассматривая сущностные качества права, предлагает использовать термин «формально-логическая определенность». «Под формально-логической определенностью правовых норм (и выражающих их нормативно-правовых предписаний) понимается ***не только ясность (определенность, бесспорность) выражения юридических оценок, но и связь между ними*** (выделено мной. – Т.Л.)…»[1].

С.В. Бошно считает формальную определенность признаком права, связанным «с особыми требованиями к его внешней оболочке, ***форме выражения*** (выделено мной. – Т.Л.)»[2].

Д.А. Липинский, Р.Л. Хачатуров пишут, что такой признак права, как формальная определенность, предполагает, «что правовые предписания всегда содержат определенное указание относительно границ правомерности их адресатов, которые ***находят закрепление в том или ином источнике права (законе, нормативном договоре, Указе Президента и т.д.). Формальная определенность предполагает ясность, а недвусмысленность, четкость и детализированность правовой нормы*** (выделено мной. – Т.Л.)»[3].

Представляется, что в приведенных позициях научных работников формальная определенность рассматривается во взаимосвязи с содержанием правовой нормы и как отмечает Е.В. Сырых «в этом смысле является логическим свойством», а также с определенностью формы, «что следовало бы отнести к юридическим свойствам»[4]. При таком подходе представляется спорным, что авторы не анализируют принципы права, которые выступают самостоятельными средствами правового регулирования общественных отношений, играют особую роль и занимают первичное по отношению к нормам права место в системе права, а также иные формы национального и (или) международного права, а не только нормативные правовые акты, правовые договоры.

---

[1] Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / Под ред. докт. юрид. наук., проф. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 86.
[2] Бошно С.В. Свойства права // Право и современные государства. 2014. № 1. С. 63.
[3] Липинский Д.А., Хачатуров Р.Л. Теория государства и права: Учебник. М.: Директ-Медия, 2013. С. 132.
[4] Сырых Е.В. Общие критерии качества закона: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2001. С. 78.

В отраслевых дисциплинах рассмотрение анализируемой категории применительно к свойству (признаку) права, как правило, не опровергается, однако зачастую ученые используют термин «принцип правовой определенности». Например, в рамках конституционного права он рассматривается в качестве универсального[1], важнейшего международного и конституционного[2], общеправового[3]. В международном праве профессор Т.Н. Нешатаева считает его элементом принципа верховенства права, который в свою очередь носит общий естественно-правовой характер[4]; в гражданском и арбитражном процессах к такому же выводу приходит Р. Масаладжиу[5]; в уголовном процессе Т.М. Алексеева понимает его как самостоятельный межотраслевой процессуальный принцип (принцип res judicata)[6]; в антимонопольном праве М.Ю. Козлова считает его «ключевым в системе общих принципов права»[7].

Существование столь разнообразных подходов в понимании категории «определенность права» связано в том числе с чрезмерно широким ее толкованием Европейским Судом по правам человека, а также в последующем Конституционным Судом Российской Федерации. Данная проблема будет рассмотрена более подробно в параграфе, посвященном правовой категории «определенность права».

Таким образом, в ходе анализа исследований, посвященных вопросам конкретизации права и определенности права в России в XX-XXI веках, можно

---

[1] Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4 – 10. // СПС Консультант Плюс.

[2] Анишина В.И., Назаренко Т.Н. Правовая определенность как конституционная ценность // Конституция, личность и суд в современной России: Материалы научной конференции памяти профессора Н.В. Витрука / Под ред. И.А. Умновой, В.Е. Сафонова, И.А. Алешковой. М.: РАП, 2013. С. 151.

[3] Там же.

[4] Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. №3. С. 124 – 140 // СПС Консультант Плюс.

[5] Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 7. С. 22 – 25; № 8. С. 10 – 13 // СПС Консультант Плюс.

[6] Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2015. С 10, 86.

[7] Козлова М.Ю. Принцип правовой определенности (на примере антимонопольного законодательства) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2011. № 2. С. 108.

констатировать наличие различных подходов к пониманию этих правовых категорий, зависящих от типа правопонимания, которого придерживается автор. Так, можно отметить, что в основном их изучение проводилось с точки зрения юридического позитивизма или «научно дискуссионных и разнообразных концепций интегративного правопонимания», в рамках которых происходит объединение права и неправовых явлений.

В этой связи следует отметить, какой тип правопонимания применяется в данном диссертационном исследовании. Так, В.В. Лапаева выделяет три основных общедоктринальных направления: «легистский, естественно-правовой и либертарный».[1] Суть легистского подхода к правопониманию видится в отождествлении права с текстами источников права, а главными признаками права являются «его обеспеченность государственным принуждением», исключая «сущностные и ценностные аспекты»[2]. Естественно-правовой подход предусматривает в современной интерпретации определение права, как системы, основанной на общепризнанных международным сообществом принципах и нормах, за которыми по договоренности признается правовой характер, связанный с их соответствием прирожденным правам человека.[3] Либертарное правопонимание, провозглашающее принцип формального равенства, рассматривает право «как форму и меру свободы».[4] Е.А. Ершова выделяет две группы типов правопонимания. К первой относит естественно-правовую, психологическую и либертарную концепции права; ко второй – «прежде всего юридический позитивизм».[5]

М.Л. Давыдова считает, что «По существу, дискуссия о правопонимании есть дискуссия о том, в каких формах проявляет себя и существует право»[6].

---

[1] Лапаева В.В. Типы правопонимания в российской теории права // Российское правосудие. 2008. № 5 (25). С. 22.
[2] Там же. С. 23.
[3] Там же. С. 26.
[4] Там же. С. 28.
[5] Ершова Е.А. Источники и формы трудового права в Российской Федерации: Дис. …докт. юрид. наук: 12.00.05. М., 2008. С. 28.
[6] Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: Монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 53.

А.В. Поляков пишет, что «современная российская теория права должна не возрождать ложный дуализм естественного и позитивного права, а работать над концепцией, которая объясняла бы право как многообразный, но единый феномен, существующий на разных социальных уровнях и в разных ипостасях»[1].

В настоящее время кроме указанных выше типов активно развивается интегративное (интегральное) правопонимание, которое представляет собой в некоторой степени их объединение. Среди его сторонников можно выделить М.В. Немытину, В.М. Шафирова, В.В. Ершова.[2] Например, В.В. Ершовым в результате анализа различных подходов к пониманию права, получивших свое распространение в России, в том числе и в настоящее время, была впервые сформулирована «научно обоснованная концепция интегративного правопонимания»[3].

Если кратко проанализировать подходы, сложившиеся в юридической литературе относительно содержания права, можно отметить следующее. Так, Г.Ф. Шершеневич писал: «Мы обнаруживаем прежде всего, что оно всегда выражается в виде правил. Всякий закон, в какую бы грамматическую форму он ни был облечен, всегда представляет собой норму или правило поведения»[4]. М.И. Байтин утверждает, что его содержание составляют нормы права, которые исходят от государства.[5] В.Н. Корневым сформулировано определение права, из которого можно сделать вывод о том, что его содержание составляют надлежаще установленные нормы и объективно сложившиеся принципы, выраженные «в легально признанных формах»[6]. В свою очередь, исходя из «научно обоснованной

---

[1] Поляков А.В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. 2000. № 2. С. 6.

[2] См., например: Немытина В.М. Проблемы современного правопонимания // Современные исследования в правоведении / Под ред. А.В. Малько, Н.И. Матузова. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 103; Ершов В.В. Правопонимание, правотворчество и правоприменение // Российское правосудие. 2008. № 5 (25). С. 8.

[3] См. более подробно: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. С. 54 – 82.

[4] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Уч. пос. (По изд. 1910-1912 гг.). Т. 1. М.: Юридический колледж МГУ, 1995. С. 236.

[5] Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков): Монография. Саратов: СГАП, 2001. С. 64.

[6] Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.Н. Корнева. М.: РАП, 2013. С. 210.

концепции интегративного правопонимания», В.В. Ершов, рассматривая понятия «право» и «неправо», отмечает, что «право» ограничивается «... прежде всего принципами и нормами права, содержащимися в единой системе форм международного и национального права, реализующимися в государстве…»[1]. Такой подход представляется наиболее обоснованным при изучении различных правовых процессов и явлений, в том числе конкретизации права и определенности права, поскольку позволяет получить углубленное представление о праве, его содержании (прежде всего принципах и нормах права), формах (национального и (или) международного права), свойствах и др.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Первый: в ходе анализа исследований, посвященных отдельным вопросам конкретизации права и определенности права в России в XX-XXI веках, можно констатировать наличие различных подходов к пониманию этих правовых категорий, зависящих от типа правопонимания, которого придерживается автор. Так, можно отметить, что в основном их изучение проводилось с точки зрения юридического позитивизма или «научно дискуссионных и разнообразных концепций интегративного правопонимания», в рамках которых право синтезируется с неправовыми явлениями.

Второй: отечественными научными работниками вопросы, связанные с совместным рассмотрением анализируемых правовых категорий, затрагивались лишь косвенно в рамках изучения других фундаментальных проблем, а существующие немногочисленные самостоятельные исследования посвящены рассмотрению каждой отдельно взятой правовой категории.

Третий: с позиции «научно обоснованной концепции интегративного понимания», а также на основе выводов, сделанных в предыдущих параграфах, с целью более глубоко познания природы обозначаемых ими процесса и явления, во второй главе диссертационного исследования правовые категории «конкретизация

---

[1] Ершов В.В. Конкретизация права: теоретические и практические проблемы // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 41.

права» и «определенность права» рассматриваются, в качестве как теоретически относительно самостоятельных, так и взаимосвязанных и взаимозависимых.

§ 2. Правовая категория «конкретизации права»

Под природой правового явления (или процесса) понимают характеристику, «выражающую его специфику, место и функции среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой»[1]. При проведении исследования само значение данного термина наталкивает на рассмотрение конкретизации права с точки зрения: выявления причин, вызывающих необходимость ее осуществления; анализа пределов такой деятельности (процесса), позволяющих определить ее место среди других правовых процессов и явлений; а также решения иных вопросов. С учетом такого подхода и на основе теоретических аргументов, приведенных в научной и учебной литературе, а также практических, содержащихся в различных формах национального и международного права, судебной практике Российской Федерации, будет определена природа конкретизации права. Все это в конечном итоге позволит выделить основные признаки (основные существенные свойства) и сформулировать теоретическое понятие правовой категории «конкретизация права».

Д.А. Керимов подчеркивает, что юридическая литература должна воспринимать термин «конкретность» и как «непосредственную данность», и как «единство многообразия» (о котором писал еще К. Маркс). Не принимать во внимание второй смысл этого понятия «выглядит особенно странно в наше время, когда широкой научной общественностью все более ощутимо осознается значимость логической культуры мышления. Отсутствие философских обобщений, абстрактного мышления, логических выводов в произведениях эмпирического характера восполняется обилием цифровых данных, примеров, описаний фактов и

[1]Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 2: Специальные вопросы правоведения. М.: Статут, 2010. С. 418.

случаев из обыденной социальной и, в частности, правовой практики»[1]. С этой точки зрения в целом можно поддержать ранее рассмотренную позицию С.Г. Ткачевой о разграничении логической конкретизации и нормотворческой конкретизации (по нашему мнению, конкретизации права). Логическая конкретизация связана с любым процессом познания и выработкой новых элементов мышления, следовательно, может происходить в том числе в правоприменении, толковании и др. Исходя из этого, анализируя термин «конкретность» как «единство многообразия», необходимо отметить, что здесь все-таки идет речь о логической операции, которая направлена на выработку обязательных, но, например, индивидуальных положений, то есть неправа. При таком подходе могут быть нарушены прежде всего такие свойства права, как устойчивость, продолжительность действия, меньшая степень изменчивости, оно будет развиваться не объективно, а субъективно. Следовательно, не осуществляется переход от абстрактного, меньшей степени определенности права к конкретному, большей степени его определенности. При рассмотрении термина «конкретность» как «непосредственная данность» и применяя его к предмету нашего исследования, речь будет идти только о конкретизации права (по мнению С.Г. Ткачевой – нормотворческой конкретизации), в результате которой будут выработаны более детальные, уточненные, конкретные, обладающие большей степенью определенности принципы и нормы права, то есть право. Таким образом, прежде всего такие свойства права, как устойчивость, продолжительность действия, меньшая степень изменчивости сохраняются, в связи с чем оно объективно и непрерывно развивается от абстрактного, меньшей степени его определенности к конкретному, большей степени его определенности.

Принципы и нормы права, содержащиеся в различных формах национального и (или) международного права, регулируют как непосредственно устоявшиеся общественные отношения, так и создают модель для зародившихся,

---

[1] Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. М.: Аванта, 2001. С. 147.

но окончательно не сформировавшихся. В последнем случае такие принципы и нормы права зачастую абстрактны и характеризуются меньшей степенью определенности. В связи с этим их дальнейшая конкретизация представляется объективно необходимой. Ю.А. Тихомиров в целом обоснованно отмечает, что конкретизация права выступает логическим продолжением темы перехода от неопределенности к определенности.[1]

Как было отмечено в предыдущем параграфе диссертационного исследования, отдельные моменты взаимосвязи конкретизации права и определенности права отражены и в работах других российских научных работников. Так, например, Н.А. Власенко пишет, что определенность и неопределенность являются равнозначными свойствами права. В правовом регулировании они взаимозависимы и взаимодействуют между собой, в связи с чем конкретизация, как качество права, – промежуточный элемент между неопределенностью и определенностью как правовыми феноменами.[2]

Т.Н. Назаренко, также справедливо отмечая данную взаимосвязь, на наш взгляд, все-таки приходит к спорному выводу относительно ее природы и видов. Автор пишет, что под конкретизацией норм права понимается «объективно-обусловленная, направленная на повышение точности и определенности правового регулирования, деятельность государственных и иных уполномоченных органов по переводу абстрактного содержания юридических норм на более конкретный уровень, посредством операции ограничения объема и расширения содержания понятий, результаты которой фиксируются в правовых актах»[3]. При этом ученый выделяет правотворческую и правоприменительную конкретизацию.

С.А. Батманов считает, что конкретизация выступает способом устранения проблемы неопределенной нормы. По его мнению, конкретизация нормы права – это «технико-юридический метод достижения определенности права, реализуемый

---

[1] Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. С.148.

[2] Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: Монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014. 76.

[3] Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве: Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2006. С. 88.

уполномоченным субъектом путем правотворческого, правоприменительного либо комплексного воздействия на норму права, обеспечивающего объективное соответствие целей и результатов правореализации»[1]. Относительно данного определения необходимо отметить следующее. Наряду с нормами права принципы права выступают самостоятельными средствами правового регулирования общественных отношений, что, представляется, необходимо учитывать в дефиниции. При обосновании правотворческой конкретизации С.А. Батманов пишет, что полномочиями на ее осуществление наделены законодательные органы, которые могут «внести необходимые коррективы в тело нормативного правового акта», а также Конституционный Суд Российской Федерации.[2] Считаем, что если речь идет о нормативных правовых актах, то такими полномочиями наделены не только законодательные органы, а управомоченные правотворческие органы и должностные лица в целом. Как будет отмечено далее, например, исполнительные органы государственной власти в пределах своей компетенции имеют право конкретизировать отдельные положения, установленные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами.[3] Принципы и нормы права могут содержаться не только в нормативных правовых актах, но и в иных формах национального и (или) международного права. Кроме этого, в соответствии с Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации не обладает полномочиями «по нормативному устранению неопределенности», а разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации федеральных законов, нормативных актов Президента РФ

[1] Батманов С.А. Понятие правовой неопределенности // Адвокат. 2015. № 11. С. 20 – 25 // СПС Консультант Плюс.
[2] Там же.
[3] См., например: п. 29 Положения «О порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации», утв. Указом Президента РФ от 14.11.2002 № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» // // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

и др., дает толкование Конституции РФ, а также обладает иными полномочиями.[1] Исходя из осуществления государственной власти на основе ее разделения, самостоятельности соответствующих органов власти, переход от абстрактных, обладающих меньшей степенью определенности, к конкретным, обладающим большей степенью определенности принципам и нормам права посредством конкретизации должен быть осуществлен только управомоченными правотворческими органами и должностными лицами, в пределах установленной за ними компетенции.

По мнению М.В. Залоило, причинами, обуславливающими осуществление правотворческой конкретизации юридических норм, являются:

1) обусловленность указания на ее необходимость в конкретизируемой (первоначальной) норме;

2) необходимость опосредования материально-правовых норм процессуальными нормами;

3) необходимость восполнения пробелов действующего правового регулирования[2].

В.М. Баранов пишет, что «феномен конкретизации юридической нормы возникает тогда, когда обнаруживается ее дефектность, ее неадекватность регулируемым общественным отношениям, неточное отражение юридически значимой деятельности. … В реальной жизни подлинной конкретизации подвергается незначительное число юридических норм»[3].

Л.А. Морозова также считает, что юридический акт, подлежащий конкретизации, всегда имеет те или иные недостатки и не может быть прямо и

---

[1] Статья 125 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru; ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Залоило М.В. Пределы и техника конкретизации юридических норм в правотворчестве // Журнал российского права. 2014. № 11 (215). С. 36, 37.

[3] Баранов В.М. Негативные аспекты конкретизации юридических норм // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 64.

непосредственно применен. Необходимость осуществления конкретизации возникает при изменении общественных отношений с целью их регулирования, но не коренным образом (поскольку, по мнению автора, при конкретизации новый акт создаваться не должен), а в деталях, в отдельных направлениях или применительно к вновь возникшей ситуации.[1]

Представляется, что прежде всего можно выделить следующие причины, обуславливающие необходимость конкретизации права:

- сознательная незаконченность правового регулирования в связи с развитием общественных отношений. Например, принципы и нормы права, содержащиеся в международных договорах или конституциях государств, менее конкретны, обладают меньшей степенью определенности, поскольку рассчитаны на долгий период действия;

- дальнейшее развитие правового регулирования общественных отношений входит в компетенцию другого управомоченного правотворческого органа или должностного лица, либо делегировано таковым. Так, например, принципы и нормы, содержащиеся в Конституции Российской Федерации, зачастую непосредственно предполагают их дальнейшую конкретизацию в федеральных конституционных законах и федеральных законах. Кроме этого, можно привести следующий пример: в соответствии с частями 4 и 6 статьи 76 Конституции Российской Федерации[2] правотворческие полномочия принадлежат субъектам Российской Федерации вне пределов исключительного ведения Российской Федерации и совместного ведения. В данном случае они вправе принимать, например, законы, которые будут обладать более высокой юридической силой по отношению к федеральным законам. В целом нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не должны противоречить Конституции РФ, а также принятым в соответствии с ней федеральным конституционным законам. В

---

[1] Морозова Л.А. Пределы конкретизации права // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 131.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

этой связи логично предположить, что в данном случае законодательные органы субъектов РФ, в рамках предоставленных им полномочий, могут осуществлять конкретизацию принципов и норм права, содержащихся в Конституции Российской Федерации и федеральных конституционных законах, по предметам собственного ведения.

Объектом конкретизации права, по мнению Г.Г. Шмелевой, является норма права.[1] М.Ш. Гамидов также рассматривает в качестве объекта конкретизации норму права, но при этом, в отличие от В.М. Баранова, акцентирует внимание на том, что это не «дефектная или ошибочная норма права»[2], а вполне «дееспособное» правило.[3] В.Н. Карташов пишет, что объектом юридической конкретизации может выступать любой правовой акт (нормативный, индивидуальный правовой договор, правоприменительный и др.).[4] Представляется, что объектом конкретизации права выступают прежде всего принципы и нормы права, содержащиеся в различных формах национального и (или) международного права.

Вопрос о конкретизации норм права неоднократно затрагивался в научных статьях, монографиях, диссертационных исследованиях и пр. В свою очередь, конкретизации принципов права уделено недостаточное внимание. При этом само понятие «принцип права» и в советское, и в настоящее время представляет большой интерес.

«Принцип – основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, мировоззрения, теоретической программы»[5]. С философской точки зрения – это основание, то, что лежит в основе некоторой совокупности фактов или знаний,

---

[1] Шмелева Г.Г. Конкретизация социалистического права как фактор совершенствования правового регулирования: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. Львов, 1982. С. 14.
[2] Гамидов М.Ш. Указ. соч. С. 25.
[3] Там же.
[4] Карташов В.Н. Технология юридической конкретизации (методологический аспект проблемы) // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 73.
[5] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии; Изд. 4-е, доп., 1986. С. 594.

основоположение, из которого следует исходить и которым следует руководствоваться в самых различных сферах человеческой деятельности.[1]

Как отмечает А.Л. Кононов, в советской науке и практике под принципами права понимались «не столько правовые, сколько политические идеи, которым отводилась роль некоего ориентира для законодателя и правовой политики. Исключительно позитивистское понимание права не придавало принципам значения самостоятельных источников права, выводило их из законодательных норм, и уже в силу этого понимания они не могли служить критерием оценки этих норм, как, впрочем, не допускалась и сама эта оценка»[2].

Принципы права возникали в правосознании в качестве идеи, закреплялись в законодательстве (системе правовых ном), после чего реализовывались в общественных отношениях.[3] В свою очередь, например, С.С. Алексеев под принципами права понимает «выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни»[4]. При этом отмечает, что если идеи (начала) не закреплены в нормах права, то это не правовые принципы.[5]

К подобному мнению пришел и А.Ф. Черданцев, который пишет, что не должны рассматриваться в качестве принципов права «те правовые основополагающие идеи, которые не сформулированы в виде отдельной нормы или не могут быть выведены индуктивным путем из совокупности норм…»[6].

Кроме определения принципов права через «идеи», в научной литературе встречается и их понимание как «исходные положения» и (или) «ведущие начала». Например, В.Н. Хропанюк считает, что принципы права – это основные исходные положения, юридически закрепляющие объективные закономерности

---

[1] Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 365.
[2] Кононов А.Л. Об общих принципах права во французской и бельгийской судебной практике по административным делам // Государство и право. 2001. № 3. С. 82.
[3] Васильев А.М. О правовых идеях-принципах // Советское государство и право. 1975. № 3. С. 14; Гражданское процессуальное право России: Учебник для вузов / Под ред. М.С. Шакарян. М.: Изд-во «Былина», 1996. С. 26.
[4] Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: Курс лекций: в 2 т. Свердловск: Изд-во Свердловского юридического института, 1972. Т. 1. С. 102.
[5] Там же.. С. 103.
[6] Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М.: Юрид. лит., 1979. С. 81.

общественной жизни.[1] М.Н. Марченко пишет, что они «представляют собой основные идеи, исходные положения или ведущие начала процесса формирования, развития и функционирования права»[2].

В современных диссертационных исследованиях, посвященных непосредственно изучению теоретических аспектов принципов права, также можно встретить похожие на предложенные выше определения принципов права. Например, В.М. Реуф считает, что принципы права – «это основополагающие правовые идеи, выражающие сущность права и определяющие его содержание. Их уникальность состоит в том, что они, с одной стороны, являются правовыми идеями, а с другой – представляют собой правовые предписания самого высокого уровня обобщения. Принципы права либо прямо закреплены в правовых нормах, либо непосредственно из норм выводятся»[3].

К.С. Захарова определяет принципы права «как идеи, выраженные в фундаментальных правовых понятиях, отражающих существующий уровень представлений о праве, детерминирующие юридическую деятельность и возникающие в ходе нее правоотношения»[4].

Таким образом, основываясь на ограничении права в целом только нормативными правовыми актами, значительное число советских и российских ученых, как в учебной, так и в научной литературе, сводят понимание принципов права к основным идеям, исходным положениям или ведущим началам, как правило, обязательно выраженным в нормах права или отождествляемым с ними. Однако ряд авторов обоснованно отмечают необходимость разграничения принципов и норм права. Так, например, Д.А. Керимов пишет, что право включает в себя не только правовые нормы, но и среди прочего правовые принципы, понимая под последними «устоявшиеся основы правового сознания и главные направления

---

[1] Хропанюк В.Н. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений / В.Н. Хропанюк; под ред. В.Г. Стрекозова. 5-е изд., стер. М.: Изд-во «Омега-Л», 2011. С.206.
[2] Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1996. С.295.
[3] Реуф В.М. Специально-юридические принципы права: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. Самара, 2004. С. 29, 30.
[4] Захарова К.С. Системные связи принципов права: теоретические проблемы: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. Самара, 2009. С. 35.

правовой политики»[1]. По мнению В.П. Грибанова: «Отождествление правового принципа с нормой права практически равнозначно отрицанию правовых принципов вообще, признанию того, что принципов этих и как таковых не существует, а есть только правовые нормы, различающиеся между собой более общим или более конкретным содержанием»[2].

Возникают споры и по вопросу соотношения понятий «принцип права» и «правовой принцип». Одни авторы отмечают, что термины «принцип права» и «правовые принципы» несут равное смысловое значение и логически неверно их различать[3], другие, напротив, отстаивают обратную позицию. Употребление в качестве равнозначных терминов «принцип права» и «правовой принцип» можно отметить и в работах С.С. Алексеева[4], Р.З. Лившица[5], М.Л. Давыдовой[6] и др. В свою очередь, например, А.В. Малько и К.А. Струсь проводят разграничение данных понятий с морфологических позиций, отмечая, что они взаимозависимые, дополняющие и развивающие природу и сущность друг друга, «несут в себе отдельные черты каждого, отражаясь в объективных свойствах правовых основ, обусловлены закономерностями культурного, политического, социально-экономического развития общества, интересами, потребностями и противоречиями различных групп, слоев населения»[7].

Поддерживая позицию Д.А. Керимова о разграничении правовых принципов и принципов права по существу, В.В. Ершов с позиции «научно обоснованной концепции интегративного правопонимания» относит первые к неправу, и приходит к выводу о том, что они представляют собой различные правовые

---

[1] Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. М.: Изд.-во СГУ, 2011. С. 346.
[2] Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 216.
[3] См., например: Реуф В.М. Указ. соч. С. 29; Захарова К.С. Указ. соч. С. 28; Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2010. С.14
[4] Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: Курс лекций в 2 т. Свердловск: Изд-во Свердловского юридического института, 1972. Т.1. С. 103.
[5] Лившиц Р.З. Теория права: Учебник. М.: Изд.-во БЕК, 1994. С. 195 – 197.
[6] Давыдова М.Л. Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление. Спб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 95-118.
[7] Малько А.В., Струсь К.А. Принципы права как важнейшая составляющая правовых основ развития общества // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Изд.-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. С. 41.

категории.[1] Кроме этого, к правовым принципам относит «основополагающие идеи, не нашедшие своего закрепления в формах национального и (или) международного права»[2]. Под принципами права понимает самостоятельные формы национального и международного права и «объективно необходимые и теоретически обоснованные средства правового регулирования общественных отношений»[3].

Подобная позиция отражена и в диссертационном исследовании В.В. Ершова, посвященном изучению юридической природы общих и гражданско-правовых принципов, в котором, анализируя принципы российского права, автор приходит к следующему справедливому выводу: «Спорно ограничиваться принципами российского права, закрепленными только в одной его форме – в российских нормативных правовых актах. Думаю, фактически существуют различные виды принципов российского права. Во-первых, «закрепленные» в иных формах российского права – нормативных правовых договорах и обычаях российского права. Во-вторых, по каким-либо объективным или субъективным причинам не «закрепленные» в иных формах российского права, существующие самостоятельно»[4].

А.С. Сидоркин, анализируя приведенную выше позицию, на наш взгляд спорно пишет, что: «Будучи специфической (основополагающей, абстрактной и т.п.) ***нормой права*** (выделено мной. – Т.Л.), принцип права сам должен быть выражен в определенной внешней форме (конституции, законе, судебном решении, доктрине)»[5]. В итоге автор приходит к следующему выводу: «…под принципами права следует понимать ***правовые нормы*** (выделено мной. – Т.Л.) общего характера, обладающие высоким уровнем абстракции, отражающие такие сущностные свойства права, как свобода, формальное равенство и справедливость.

---

[1] Ершов В.В. Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права // Российское правосудие. 2016. № 3 (119). С. 8.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 23.
[4] Ершов В.В. Юридическая природа общих и гражданско-правовых принципов: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01, 12.00.03. М., 2009. С. 77.
[5] Сидоркин А.С. Указ. соч. С. 33, 34.

Принципы права находят свое выражение в более конкретных нормах, обеспечивая правовой характер законодательства и правового регулирования в целом»[1].

На наш взгляд, с этимологической, логической и теоретической точек зрения понятие «принципы права» не является тождественным понятию «норма права». Не разделяя понимание принципов права, представленное в докторской диссертации А.В. Демина, а также смешение понятий «принципы права» и «правовые принципы», представляется справедливым его замечание о том, что они могут носить также неписаный характер и выражаться в источниках (по нашему мнению, в формах) права в скрытом (подразумеваемом) виде.[2] Представляется, что в первую очередь сущность[3], содержание, структура и др. принципов права отлична от правовой нормы, им свойственна по отношению к последним большая абстрактность, меньшая степень определенности, первичное место в системе права, приоритет в применении, универсальность и пр.

В юридической литературе содержатся различные классификации принципов права. Особое внимание уделяется их разграничению по сфере действия (в зависимости от сферы распространения). По данному критерию выделяют общеправовые (общие), межотраслевые и отраслевые принципы.

Например, Н.И. Матузов и А.В. Малько к общеправовым относят те, которые действуют во всех отраслях без исключения, а именно: справедливость, юридическое равенство граждан перед законом и судом, гуманизм, демократизм, единство прав и обязанностей, федерализм, законность, сочетание убеждения и принуждения; к межотраслевым – принципы, характеризующие наиболее существенные черты нескольких отраслей права, среди которых выделяют: принцип неотвратимости ответственности, принцип состязательности и гласности судопроизводства и др. Отраслевые принципы действуют в рамках только одной отрасли права, к ним ученые относят, например, в гражданском праве – принцип

---

[1] Там же. С. 34.
[2] Демин А.В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления: Дис. …докт. юрид. наук: 12.00.04. Екатеринбург, 2014. С. 56.
[3] См., например: Ершов В.В. Принципы права: сущность и функции // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 5 – 16.

равенства сторон в имущественных отношениях; в уголовном праве – презумпцию невиновности и др.[1]

В.К. Бабаев считает, что справедливость и свобода занимают особое место, поскольку являются определяющими. «В самом общем виде справедливость и свобода декларируются в наиболее важных нормативно-правовых документах, включая международные, а затем получают развитие и детализацию в других законодательных предписаниях. Иллюстрировать это положение можно такой цепочкой актов: «Всеобщая декларация прав человека», принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., — Российская «Декларация прав и свобод человека и гражданина» 1991 г. — Конституция Российской Федерации — отраслевое законодательство»[2]. Эти принципы права находят свое дальнейшее развитие в следующих принципах права: демократизма в формировании и реализации права, законности, национального равноправия, гуманизма, равенства граждан перед законом, взаимной ответственности государства и личности. Все они отнесены автором к общеправовым. В качестве межотраслевых принципов В.К. Бабаев рассматривает принцип материальной ответственности, принцип диспозитивности и др., а отраслевых – принцип равенства супругов в семейном праве, принцип определенности трудовой функции в трудовом праве и др.[3]

В.И. Анишина при анализе принципов судебной власти выделяет общие (или общеправовые), межотраслевые и отраслевые принципы права.[4]

При рассмотрении принципов административного права С.Д. Князев отмечает, что они «обнаруживают себя либо как административно-отраслевая модификация конституционных (общеправовых) принципов российского права,

---

[1] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 165 – 167.
[2] Общая теория права / Под общ. ред. проф. В.К. Бабаева. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородской ВШ МВД РФ, 1993. С. 128 – 131.
[3] Там же.
[4] Анишина В.И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации: курс лекций. М.: Эксмо, 2008. С. 121, 122.

либо как принципы отдельных подотраслей и институтов, образующих административное право»[1].

В целом отмечается, что «Конституция РФ не дает полного перечня общеправовых принципов, которые могут быть закреплены в других нормативных актах или выводиться из общего смысла законов»[2]. Однако в части 4 статьи 15 Конституции РФ содержится понятие «общепризнанные принципы международного права», которое в дальнейшем не раскрывается. В статье 38 Статута Международного Суда «общие принципы» относятся к международному праву.[3] В связи с этим ряд авторов предлагают относить общие принципы международного права к его фундаментальной форме.[4]

В постановлении Конституционного Суда РФ от 27.01.1993 № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» приводится ряд ***общеправовых принципов*** (справедливости, юридического равенства, гарантированности государством прав и свобод человека и гражданина, возмещения государством всякого ущерба, причиненного личности незаконными действиями государственных органов и должностных лиц), ***закрепленных в Конституции Российской Федерации,*** и отмечается, что ***они «обладают высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность***

---

[1] Князев С.Д. Принципы административного права Российской Федерации: отраслевой формат и юридическое значение // Государство и право. 2003. № 10. С. 42.

[2] Теория государства и права: Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 238.

[3] Статут Международного Суда (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml#chap1.

[4] См., например: Воронов И.Ю. Основополагающие принципы российского права и российского трудового права: Дисс. …канд. юрид. наук: 12.00.01, 12.00.05. М., 2012. С. 33.

таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права»[1] (выделено мной. – Т.Л.).

Кроме этого, при анализе постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»[2] можно отметить смешение понятий «общепризнанные принципы международного права» и «нормы международного права». Так, под общепризнанными принципами международного права понимаются «основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо»[3], а под общепризнанной нормой – «правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом качестве юридически обязательного»[4].

Таким образом, как в теории государства и права, так и в отраслевых науках предлагаются различные перечни принципов, относящихся к тому или иному виду. При этом зачастую понятия общеправовые, общие и общепризнанные принципы права используются учеными как равнозначные. Кроме этого, нет единства по данному вопросу и в существующих в настоящий момент формах национального и международного права, реализующихся в Российской Федерации, а также в судебной практике. Конституционный Суд Российской Федерации, осуществляющий в соответствии с частью 5 статьи 125 Конституции РФ и частью 4 статьи 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» полномочия

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1993 № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // СПС «Консультант-Плюс».

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»» // СПС «Консультант-Плюс».

[3] Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»» // СПС «Консультант-Плюс».

[4] Там же.

толкования Конституции Российской Федерации, часто использует в своих постановлениях понятия «общеправовые» и «общепризнанные принципы права. Однако, как справедливо отмечает С.Д. Дмитриев, данный орган государственной власти «не представил и до сих пор воздерживается от толкований ч. 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации»[1].

В.В. Ершов отмечает, что принципы права выступают регуляторами общественных отношений, и теоретически точнее проводить их классификацию не по сфере распространения, а по сфере правового регулирования общественных отношений. В соответствии с названным критерием автор выделяет: основополагающие (общие) принципы национального и (или) международного права, реализующиеся в государстве; специальные межотраслевые национальные и (или) международные принципы права, реализующиеся в государстве; специальные отраслевые национальные и (или) международные принципы права, реализующиеся в государстве; специальные принципы отдельных институтов национального и (или) международного права, реализующиеся в государстве. Основополагающие (общие) принципы национального и (или) международного права рассматриваются ученым в качестве самостоятельных фундаментальных форм национального и международного права.[2]

Подобную позицию можно отметить и в других исследованиях. Например, О.И. Цымбулевская пишет, что «отнесение общепризнанных принципов к источникам права не традиционно для отечественной юриспруденции. Вместе с тем большинство принципов действуют неопределенно длительное время, что позволяет им претендовать на статус формы права»[3]. Это возможно в случаях

---

[1] Дмитриев С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. Самара, 2012. С. 110, 111.

[2] Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. С. 323, 324.

[3] Цымбулевская О.И. Принципы права: нравственное измерение // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Изд.-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. С. 176, 177.

применения аналогии права при пробеле в праве или когда необходимость принятия нормативного правового акта прямо вытекает из принципов права.[1]

Представляется, что поскольку общественные отношения всегда находятся в развитии, постольку необходимо их своевременное правовое регулирование. Для правотворческих органов и должностных лиц основополагающие (общие) принципы права, являясь самостоятельной формой права, служат основой для формулирования новых и конкретизации ранее принятых принципов и норм права, содержащихся в иных формах национального и (или) международного права. Л.С. Явич, на наш взгляд, обоснованно пишет, что «принципы права… обладают универсальностью, высшей императивностью и общезначимостью»[2]. Кроме этого, как отмечалось выше, принципам права, как самостоятельным средствам правового регулирования общественных отношений, свойственны большая абстрактность, меньшая степень определенности, первичное место в системе права, приоритет в применении, универсальность и пр. по сравнению с нормами права. В них содержатся направления, которыми должны руководствоваться не только правотворческие органы и должностные лица, но и другие субъекты в процессе реализации права в целом, толкования права и др.

Переходя непосредственно к вопросу о конкретизации принципов права, можно отметить следующее. Например, в советский период Г.Г. Шмелева придерживается позиции, что принципы права «это – основополагающие нормы, нормы-принципы»[3], которые не существуют вне нормативно-правовых предписаний. Они «объективируются в нормах социалистического права, находят в них выражение и закрепление, прежде всего в нормах Конституции СССР»[4]. Данные нормы отличаются от обычных предельно высокой нормативной обобщенностью и максимальной абстрактностью их содержания. Отличие процесса конкретизации принципов права от конкретизации норм права видит в его

---

[1] Там же. С. 177.
[2] Явич Л.С. Сущность права. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. С. 11.
[3] Явич Л.С. Указ. соч. С. 34.
[4] Шмелева Г.Г. Конкретизация юридически норм в правовом регулировании: Монография. Львов: Изд-во при Львовском государственном университете Издательского объединения «Выща школа», 1988. С. 34.

многоступенчатости, поскольку «для реализации норм-принципов зачастую необходимо установление целого ряда соподчиненных конкретизирующих норм»[1].

В настоящий период вслед за Г.Г. Шмелевой, В.М. Баранов и В.В. Лазарев также пишут, что конкретизация принципов права заслуживает особого внимания. «Принципы права, – пишут они, – выводятся из всей совокупности законодательного материала, из содержания системы права в целом»[2]. С одной стороны, они не всегда закрепляются в конкретных статьях закона. Однако когда встает вопрос об их конкретизации, то она происходит вначале в законе, а потом – в подзаконном акте. С другой стороны, ученые отмечают, что несмотря на то, что законодательством допускается, например, решение дел по аналогии, реализация принципов права зачастую невозможна без принятия конкретизирующего его закона. Таким образом, сами по себе принципы права «приобретают регулятивное значение только вместе с конкретизирующими их нормами»[3].

Анализируя понятие «конкретизация права», М.В. Залоило приходит к справедливому выводу о том, что оно включает в себя и конкретизацию принципов права. При этом, не считая принципы права юридическими нормами, отмечает, что первые пронизывают последние, составляют их стержень.[4] Однако далее, на наш взгляд, спорно вслед за другими учеными определяет их как «основные идеи, руководящие положения…», «наибольший уровень неопределенности в праве»[5]. По его мнению, принципы права «могут быть закреплены в общих юридических нормах (нормах-принципах) – в конституциях, преамбулах законов, могут быть выведены логическим путем из всей совокупности законодательного материала, из

---

[1] Там же.
[2] Баранов В.М., Лазарев В.В. Конкретизация права: понятие и пределы // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 17.
[3] Там же.
[4] Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2011. С. 42, 43.
[5] Там же. С. 42.

содержания системы права в целом. Не являясь юридическими нормами, принципы права пронизывают все юридические нормы, составляют их стержень»[1].

Исследуя вопросы соотношения конкретизации права и правоприменения, А.В. Аверин пишет, что категория «конкретизация права» требует уточнения. По его мнению, как было отмечено ранее, конкретизация права должна выражаться в форме конкретизации правовых норм в процессе правотворческой деятельности государства, поскольку правовые принципы сами по себе не регулируют общественные отношения, а выступают «связующими элементами, без которых правовые нормы не могут находиться в системной связи, не могут быть конкретизированы более своего абстрактного уровня, чтобы не превратиться в конкретную норму»[2].

В диссертационном исследовании по трудовому праву И.А. Глотова пишет, что конкретизироваться должны все принципы правового регулирования, в том числе в форме закрепления гарантий их реализации в отдельных нормах особенной части кодифицированного акта. «Лишь в таком виде указанные принципы могут быть действительными и применяемыми. В случае игнорирования законодателем принципов трудового права либо недостаточного их учета результатом могут стать неэффективные нормы, порождающие трудности в правоприменительной практике»[3].

В постановлении Конституционного Суда РФ от 20.07.2010 № 17-П «По делу о проверке конституционности подпункта «з» пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, в связи с жалобой гражданина Л.Р. Амаякяна» указано, что «… согласно принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 года Декларации прав ребенка наилучшее обеспечение интересов ребенка должно быть руководящим принципом для тех, на ком лежит ответственность за его

---

[1] Там же. С. 42 – 43.

[2] Аверин А.В. Конкретизация права и правоприменение // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 348.

[3] Глотова И.А. Конкретизация норм трудового права: Автореф. дис. …канд. юрид. наук:12.00.05. Екатеинбург, 2015. С. 22.

образование и обучение, прежде всего для его родителей (принцип 7). Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года, также возлагает основную ответственность за воспитание и развитие ребенка на родителей, предметом главной заботы которых должно быть наилучшее обеспечение его интересов (статья 18).

Осуществляя в порядке конкретизации предписания статьи 38 (часть 2) Конституции Российской Федерации и приведенных положений международно-правовых актов свои дискреционные полномочия***, федеральный законодатель закрепил в Семейном кодексе Российской Федерации в числе принципов регулирования семейных отношений*** (выделено мной. – Т.Л.) заботу о благосостоянии и развитии детей, обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи (статья 1). На основе этих принципов в Семейном кодексе Российской Федерации определяются права и обязанности родителей и детей, в том числе имущественные, включая право ребенка на получение содержания от своих родителей и обязанность родителей по содержанию несовершеннолетних детей (статьи 60 и 80)»[1]. В данном случае конкретизация основополагающего (общего) принципа права, содержащегося в одной из форм международного права – международном договоре (декларации), в дальнейшем осуществлена в формах национального права – нормативных правовых актах (Конституции Российской Федерации и федеральном законе).

На основании проанализированных теоретических и практических аргументов можно сделать общий вывод о том, что конкретизация права включает в себя не только конкретизацию норм права, но прежде всего принципов права. Конкретизация последних представляется возможной, в первую очередь, с учетом их характеризующих признаков и свойств (например, большая абстрактность,

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2010 № 17-П «По делу о проверке конституционности подпункта «з» пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, в связи с жалобой гражданина Л.Р. Амаякяна» // СПС «Консультант Плюс».

меньшая степень определенности, первичное место в системе права, универсальность, продолжительность действия, меньшая степень изменчивости по сравнению с нормами права и др.), а также классификации (основополагающие (общие), межотраслевые, отраслевые и принципы отдельных институтов национального и (или) международного права, реализующиеся в государстве).

В целях формулирования дефиниции конкретизации права в юридической литературе научные работники используют такие характеризующие ее термины, как уточнение, дополнение, детализация, изменение и др. При этом нет единства мнений по вопросу, что собой представляют указанные понятия – средства, способы, приемы или результаты анализируемой правовой категории.

Например, Н.Н. Вопленко считает уточнение, дополнение, детализацию и объяснение средством конкретизации.[1] В совместной статье П.М. Рабинович и Г.Г. Шмелева проводят разграничение конкретизации, дополнения и детализации. Так, по их мнению, дополняющая и дополняемая норма связаны общим предметом правового регулирования. Кроме этого, в отличие от процесса конкретизации при дополнении содержание дополняющей нормы логически не вытекает из содержания исходной нормы. Детализация – расчленение, дробление содержания нормы права на составные части, тем самым достигается более подробная регламентация общественных отношений.[2] В.М. Баранов относит уточнение и дополнение к видам изменения содержания правовых установлений (радикального либо частного), самостоятельным правотворческим процедурам.[3]

В качестве основных приемом осуществления конкретизации М.Ш. Гамидов выделяет: изменение, дополнение и исключение.[4] Исследуя юридическую природу конкретизации и дополнения, приходит, на наш взгляд, к спорному выводу о том, что при конкретизации происходит развитие внутреннего

---

[1] Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М., Юрид лит., 1976. С. 24.
[2] Рабинович П.М, Шмелева Г.Г. Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) // Правоведение. 1985. № 6. С.33, 34.
[3] Баранов В.М. Негативные аспекты конкретизации юридических норм // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 57.
[4] Там же. С. 26.

содержания исходной нормы ***без создания новой*** (выделено мной, – Т.Л.). «Поэтому любое дополнение в виде новой нормы никак не может олицетворяться конкретизацией. И в таком ракурсе конкретизация и дополнение различны. Однако дополнение вполне может быть осуществлено в развитие исходной нормы. Например, норма закона предполагает издание на подзаконном уровне норм о дополнительных условиях, гарантиях, мерах, средствах. И содержание таких норм весьма очевидно и логически вытекает из содержания исходной»[1]. При конкретизации «уменьшается сфера действия нормы и увеличивается точность ее признаков. И это производится не путем использования самостоятельных процедур, как изменение, дополнение, исключение, а путем использования аналогично именуемых технико-юридических приемов»[2].

Ю.А. Гаврилова рассматривает уточнение, детализацию и развитие как способы и (или) результаты конкретизации[3], а в качестве ее приемов выделяет: иллюстрацию, характеристику, сравнение (различение), определение через перечисление предметов и т.д.[4]

М.В. Залоило рассматривает дополнение как средство конкретизации[5], а также наряду с детализацией и уточнением относит его к способам осуществления конкретизации[6].

А.П. Мазуренко выделяет три ступени конкретизации права: первая – уточнение, вторая – детализация, третья – дополнение. Уточнение способствует приближению к сути правовой нормы, к ее «смысловому ядру». При детализации подробно разрабатываются полностью или частично неизвестные слагаемые содержания правовой нормы. Дополнение рассматривается в двух значениях:

---

[1] Там же. С.28.
[2] Там же. С. 29.
[3] Гаврилова Ю.А. Толкование и конкретизация права: Учебное пособие. Волгоград: ФГАОУ ВПО «Волгоградский гос. ун-т», 2015. С. 31, 32.
[4] Там же. С. 33.
[5] Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: Дис.. канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2011. С. 80.
[6] Там же. С.81.

логико-смысловом и регулятивном.[1] «Логико-смысловое дополнение вносит ранее неизвестные, новые смысловые оттенки, не меняющие содержание правовой нормы. Регулятивное дополнение вносит элементы новизны в правовое регулирование общественных отношений, следовательно, оно является способом правотворческой конкретизации»[2].

Представляется, что изменение и дополнение в большей степени характеризуют правотворческую деятельность. В целях внесения корректировки в содержание и (или) форму уже принятых и действующих принципов и норм права принимаются новые, заменяющие собой существующие. В настоящее время действуют устоявшиеся и зачастую закрепленные, например, в нормативных правовых актах правила, посвященные подготовке и оформлению отдельных их видов, в том числе содержащие требования, предъявляемые к внесению изменений и дополнений. Среди них можно усмотреть следующее: изменения и дополнения в нормативный правовой акт вносятся актом того же вида, каким принят (утвержден) изменяемый (дополняемый), то есть обладающим равной юридической силой. После принятия последнего текст исходного нормативного правового акта излагается в новой редакции и включает внесенные изменения и дополнения.

В этой связи представляется, что С.В. Поленина теоретически обоснованно отмечает: «…как бы широко не трактовать рассматриваемую … в качестве обобщающего метода законотворчества категорию «изменение законодательства», она никак не может охватывать, помимо прочего, понятие «конкретизация норм права». Дело в том, что конкретизация нормы права отнюдь не влечет за собой ликвидации или изменения генерализующей нормы, а наоборот, расширяет либо частично сужает ее содержание, не затрагивая при этом формы, содержания или

---

[1] Мазуренко А.П. Конкретизация норм права как одно из средств правотворческой политики // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 252.
[2] Там же.

функции конкретизируемой нормы, то есть не изменяя ее»[1]. Кроме этого, например, А.В. Корнев в целом справедливо пишет, что детализация – это «по-иному конкретизация»[2].

В Большом толковом словаре русского языка детализировать означает разрабатывать в деталях, в подробностях, уточнять[3]; изменить – сделать иным, переменить[4]; дополнить – сделать более полным, прибавив что-либо сверх имеющегося[5]; уточнить – сделать более точным, придать большую точность чему-либо. В связи с этим считаем, что при конкретизации права исходным (абстрактным, обладающим меньшей степенью определенности) принципам и нормам права придается более точный смысл и подробно (детально) раскрывается их содержание (не выходя за объем и не вмешиваясь в содержание исходных) с помощью выработки (установления, принятия и др.) новых (более конкретных, обладающих большей степенью определенности) принципов и норм права, содержащихся в формах национального и (или) международного права, обладающих прежде всего меньшей юридической силой и реализующихся в государстве. При таком подходе уточнение и детализация рассматриваются в качестве приемов, которые используются при осуществлении конкретизации права.

Анализируя природу конкретизации права, в научной литературе можно усмотреть широкий плюрализм мнений относительно пределов ее осуществления. На сегодняшний день большинством ученых поддерживается позиция о возможности осуществления конкретизации права в правотворческой

---

[1] Поленина С.В. Конкретизация как метод законотворчества в Российской Федерации // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 41.

[2] Корнев А.В. Конкретизация права: попытка постановки проблемы // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 144.

[3] Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2001. С. 254.

[4] Там же. С. 382.

[5] Там же. С. 276.

деятельности. Однако не меньшее количество из них, как было отмечено ранее, находят на наш взгляд спорные теоретические и практические аргументы в обоснование правоприменительной конкретизации (в правореализационном процессе в целом), конкретизации в толковании (интерпретационной деятельности).

А. Безина и В. Лазарев, признавая существование нормотворческой конкретизации, считают, что в правоприменении при конкретизации правовых норм судом может вырабатываться правоположение, ***которое продолжит норму права вглубь*** (выделено мной. – Т.Л.), вольется в ее содержание и составит с ней единое целое. Правоконкретизирующие положения не будут отменять, изменять или расширять пределы действия юридических норм, а будут действовать с ними одновременно.[1]

Однако к определению теоретического понятия «правоположение» в советской и российской юридической литературе сложились различные подходы. Так, в монографии 1989 года «Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений» А.К. Безина рассматривает их как устоявшиеся правила применения норм права судами, вносящие новизну в правовое регулирование общественных отношений.[2] При этом выделяет «нормативные правоположения», которые вырабатываются Пленумом Верховного Суда СССР и Пленумом Верховных судов союзных республик и закрепляются в руководящих постановлениях.[3]

Другие ученые исходят из того, что правоположения – это общие веления правоприменительных органов, которые носят поднормативный характер.[4] «Специалисты этой проблемы (С.С. Алексеев, В.В. Лазарев, В.К. Бабаев, В.Н. Карташов и др.), – пишут Н.Н. Вопленко и А.П. Рожнов, – отмечают, что

---

[1] Безина А., Лазарев В. Конкретизация права в судебной практике // Советская юстиция. 1968. № 2. С. 6.
[2] Безина А.К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений. Казань: Издательство Казанского университета, 1989. С. 15.
[3] Там же.
[4] См., например: Лазарев В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 3 – 15; Алексеев С.С. Теория права. М.: Изд-во БЕК, 1995. С. 264.

правоположения характеризуются тем, что: а) создаются в процессе правоприменительной деятельности; б) их предписания учитываются судом и другими участниками правоприменительного процесса; в) защищаются юридическими средствами; г) имеют подзаконный, поднормативный характер; д) используются для устранения пробелов в праве; е) выглядят в виде своеобразных «сгустков правосознания», «прообразов» правовых норм. Заметной является тенденция отграничивать, отличать правоположения от правовых норм, в связи с которыми они возникают»[1].

Следует согласиться с мнением В.К. Бабаева, который в целом справедливо считает, что правоположения, вырабатываемые судебной практикой, не имеют всех необходимых структурных элементов нормы права, не носят самостоятельный характер, зависимы от нормы права и следуют ее судьбе, имеют временный характер и выражают типичность разрешения дела.[2] При разграничении правового и индивидуального регулирования общественных отношений термин «правоположение» представляется спорным. Полагаем теоретически и практически обоснованным, что в процессе индивидуального судебного регулирования, о котором идет речь выше, суды вырабатывают позиции.[3] Последние не могут привносить нового элемента в принцип или норму права, а тем более становиться объектом применения (развивать принцип или норму права вглубь). Они представляют собой результат применения исходных принципов и норм права (без вмешательства в их содержание) к определенным обстоятельствам рассматриваемого дела или результат, наступивший вследствие принятия, например, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в рамках которого даются разъяснения по вопросам судебной практики. Подобные

---

[1] Вопленко Н.Н., Рожнов А.П. Правоприменительная практика: понятие и содержание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2003. Выпуск № 6. С. 19.

[2] Бабаев В.К. Советское право как логическая система: Учебное пособие. М.: Академия МВД СССР, 1978. С. 192 – 194.

[3] Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. С. 432 – 446.

«позиции» следует относить к индивидуальному регулированию общественных отношений и исследовать применительно к категории «неправо».

Е.В. Семьянов справедливо пишет: «Возникает сомнение – возможно ли конкретизировать норму не-нормой. Ведь, пожалуй, самым важным признаком нормы является многократность ее применения и возможность распространения ее положений на неограниченное число лиц и случаев. Если же судебная практика имеет иной характер, то о какой конкретизации правовой нормы может вообще идти речь? Не являясь правилом общего поведения всех и каждого в аналогичной данной в «модусе» ситуации, результат судебной практики утрачивает всякую ценность, так и не обретя ее»[1].

В процессе применения даже общих норм, где какие-то правовые установления отсутствуют, представляется, будет происходить не конкретизация, как отмечают А. Безина и В. Лазарев, а индивидуальное регулирование общественных отношений (например, индивидуальное судебное регулирование общественных отношений). Правоприменитель в данном случае на основании принципов и норм права, содержащихся в различных формах национального и (или) международного права, принимает индивидуальный акт.

С выводами, сделанными А. Безиной и В. Лазаревым, по вопросу разграничения «конкретизации права» и «толкования права» можно согласиться только в части не отождествления этих категорий. Относительно возможности конкретизации судом оценочных понятий необходимо отметить следующее. В теории права под таковыми, например, Т.В. Кашанина понимает «… выраженное в нормах права положение (предписание), в котором закрепляются наиболее общие признаки, свойства, качества, связи и отношения разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, детально не разъясняемое законодателем с тем, чтобы оно конкретизировалось путем оценки в процессе применения права и

[1] Семьянов Е.В. Судебное правотворчество (вопросы общей теории права): Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2005. С. 146.

позволяло осуществлять в пределах зафиксированной в нем общности индивидуальную поднормативную регламентацию общественных отношений»[1].

В области уголовного права Я.М. Брайнин рассматривает оценочные понятия, как «не конкретизированные законодателем и уточняемые при применении уголовного закона»[2]. При этом спорно считает возможным проводить их конкретизацию «тем, кто применяет закон»[3].

В целом трудно согласиться и с мнением М.Ф. Лукьяненко о возможности осуществления судами конкретизирующего правотворчества, в результате которого вырабатывается положение, углубляющее содержание нормы.[4] Однако представляется достаточно убедительным ее определение, сформулированное в области гражданского права, где оценочное понятие – «это относительно определенное положение, сформулированное в гражданско-правовой норме путем указания наиболее общих ***признаков, свойств, качеств, связей и отношений разнообразных предметов, явлений, действий, процессов*** (выделено мной. – Т.Л.), предусматривающее в рамках содержательных критериев, установленных законодателем, самостоятельную оценку правоприменителем поведения в конкретной ситуации в данной социальной среде и в данное время с учетом внутреннего убеждения»[5].

Как полагает В.В. Ершов, «применение в нормативных правовых актах оценочных понятий относительно определенных правовых норм – яркий пример объективно неизбежной относительной «саморегуляции», индивидуального судебного регулирования... оценочные нормы в нормативных актах носят естественный и объективный характер»[6].

---

[1] Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид.наук: 12.00.01. Свердловск, 1974. С. 8.
[2] Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М.: Юридическая литература, 1967. С. 63.
[3] Там же.
[4] См. более подробно: Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. С. 54.
[5] Там же.
[6] Ершов В.В. Судебное правопонимание: актуальные теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. 2006. № 5. С. 11.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что в процессе толкования и применения оценочного понятия судом происходит не его конкретизация, а индивидуальное судебное регулирование, в рамках которого с помощью выявления и оценки «признаков, свойств, качеств, связей и отношений разнообразных предметов, явлений, действий, процессов», закрепленных в оценочном понятии, с учетом определенных обстоятельств рассматриваемого дела принимается индивидуальный акт.

Таким образом, рассматривая пределы осуществления конкретизации права и определяя ее место среди таких правовых процессов, как правотворчество, правоприменение (правореализационном процессе в целом), толкование (интерпретация), следует отметить следующее. Рассмотрение конкретизации права во взаимосвязи с правотворческой деятельностью представляется теоретически корректным, в свою очередь с правоприменительной деятельностью – дискуссионным. Это объясняется тем, что первая из отмеченных реализуется управомоченными правотворческими органами и должностными лицами, в силу установленной за ними компетенции. Так, например, принципы и нормы, содержащиеся в Конституции Российской Федерации, конкретизируются, например, законодательным органом Российской Федерации в федеральных конституционных законах или федеральных законах. Таким образом, как и в случае с правотворчеством, осуществляется дальнейшее правовое регулирование общественных отношений. Однако в отличие от правотворчества конкретизация права возможна только в связи с уже существующими, принятыми принципами и нормами права и не связана с изменением и (или) дополнением последних. В свою очередь, как известно, правоприменительные органы осуществляют властную деятельность по рассмотрению конкретного юридического дела (спора) и вынесению по нему индивидуального решения. В связи с этим при осуществлении конкретизации права в правоприменительной деятельности, например, суды будут иметь возможность не только осуществлять правосудие в соответствии с

закрепленным положением части 1 статьи 118 Конституции России[1], но и фактически реализовывать правотворческие функции. Это приведет, как было отмечено ранее, к нарушению осуществления государственной власти на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную, а также самостоятельности соответствующих органов власти, закрепленных в статье 10 Конституции Российской Федерации[2]. Как справедливо отмечают некоторые ученые, говоря о правоприменительной или правореализационной деятельности в целом, точнее деятельность судов в этих случаях не относится к конкретизации, а скорее к индивидуальному судебному регулированию общественных отношений в пределах принципов и норм права, содержащихся в единой системе форм национального и международного права, реализуемых в государстве[3].

Рассматривая возможность осуществления конкретизации права в процессе толкования или интерпретационной деятельности судов, необходимо иметь в виду, что «толкование права» и «конкретизация права» – не тождественные правовые категории. Так, например, В.В. Ершов справедливо рассматривает их как не связанные между собой правовые категории.[4]

Толкование права неотъемлемо от судебного правоприменения и, как известно, состоит из двух взаимосвязанных элементов – уяснения и разъяснения. В целом в зависимости от вида такую деятельность могут осуществлять и граждане, и специально уполномоченные органы. В результате, например, официального толкования принимается интерпретационный акт, который разъясняет уже существующие принципы и нормы права, содержащиеся в различных формах

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014№ 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[3] См., например: Ершов В.В. Международное и внутригосударственное право с позиции легизма и интегративного понимания права // Российское правосудие. 2011. № 8. С. 5 – 26.; Власова Т.В. Конкретизация норм права: сравнительно-правовой анализ систем общего и романо-германского права // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 535 – 539.

[4] Ершов В.В., Ершова Е.А. Концепция интегративного правопонимания: Сборник статей. М.: РГУП, 2019 (ПРЕПРИНТ). С. 29.

национального и (или) международного права. В соответствии с этим принятый судебный акт и содержащиеся в нем позиции ни в коей мере не конкретизирует принципы или нормы права, а лишь формируют единое их понимание и применение. Суд не создает в процессе толкования права новых, более уточненных, детализированных, более конкретных, обладающих большей степенью определенности принципов и норм права. Кроме этого, например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении»[1] в целом разъяснено, что суду в мотивировочной части решения необходимо указывать нормы материального и процессуального права, которыми он руководствовался, а также учитывать постановления Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, постановления Европейского Суда по правам человека. В том числе и на основании этого, считаем, что судебные акты не содержат принципов и норм права и не выступают самостоятельными формами права, их необходимо рассматривать в рамках индивидуального регулирования общественных отношений. В свою очередь, в результате конкретизации права принимаются принципы и нормы права, содержащиеся в различных формах национального и (или) международного права, что следует рассматривать применительно к правовому регулированию общественных отношений.

Следует отметить, что отношения, возникающие между процессами конкретизации права и правотворчества, правоприменения, толкования права, нуждаются в проведении более подробного анализа в рамках самостоятельных научных изысканий, но ввиду ограниченности объема диссертационного исследования представляется возможным сделать следующий общий вывод: с учетом установленных отношений между конкретизацией права и правотворчеством теоретически обоснованным представляется рассматривать выражающие их категории прежде всего как взаимосвязанные и взаимозависимые в меньшей степени, при этом вопрос о признании их в качестве парных требует

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // СПС «Консультант Плюс».

дополнительного рассмотрения. В свою очередь, с учетом установленной изолированности (разграниченности) конкретизации права и правоприменения, конкретизации права и толкования права выражающие данные процессы правовые категории следует рассматривать в качестве непарных правовых категорий.

Данный вывод основывается не только на теоретических аргументах, но и на практических, содержащихся в том числе в определениях и постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации. В частности, примером может служить определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2015 № 1539-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «Соответственно, ***федеральный законодатель*** в рамках его дискреционных полномочий ***обязан конкретизировать приведенные конституционные положения, в том числе с использованием различных законодательных возможностей*** (выделено мной. – Т.Л.), с тем чтобы законодательство Российской Федерации развивалось в направлении обеспечения закрепленных в Конституции Российской Федерации культурных прав во имя интересов государства и общества в целом, обеспечения принципа социальной справедливости.

Приведенные положения Конституции Российской Федерации обретают ***детализацию и конкретизацию*** (выделено мной. – Т.Л.) в Гражданском кодексе Российской Федерации, Основах законодательства Российской Федерации о культуре, федеральных законах от 29 декабря 1994 года № 78-ФЗ «О библиотечном деле» и от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации

и музеях в Российской Федерации», других нормативных правовых актах»[1].

В постановлении Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Богатырева» Конституционным Судом Российской Федерации указано, что: «***Приведенные конституционные положения получили развитие и конкретизацию в действующем правовом регулировании*** (выделено мной. – Т.Л.), в силу которого граждане отвечают по своим обязательствам всем принадлежащим им имуществом (***часть первая статьи 24 ГК Российской Федерации***) (выделено мной. – Т.Л.), граждане и юридические лица свободны в заключении договора, что предполагает равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность, в том числе при заключении собственником недвижимого имущества договора об ипотеке для обеспечения исполнения обязательств по договору займа, предоставляя тем самым кредитору возможность удовлетворения его денежных требований из стоимости заложенного имущества в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств (статьи 2, 334, 421 и 807 ГК Российской Федерации, статьи 1 и 2 Федерального закона от 16 июля 1998 года № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»)[2].

В приведенных примерах можно отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации в своих определениях и постановлениях связывает конкретизацию принципов и норм права, закрепленных в Конституции Российской Федерации, прежде всего с деятельностью федерального законодателя.

Однако кроме этого, например, в определении от 14.05.2015 № 1076-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2015 № 1539-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Богатырева» // СПС «Консультант Плюс».

«АРГУС-СПЕКТР» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 5 части 2 статьи 39 Федерального закона «О защите конкуренции»[1] Конституционный Суд РФ указал: «***Эти положения получили конкретизацию в пунктах 1.4–1.8 Административного регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по проведению проверок соблюдения требований антимонопольного законодательства Российской Федерации (утвержден приказом Федеральной антимонопольной службы от 25 мая 2012 года № 340)***» (выделено мной. – Т.Л.).

Из вышеназванного определения Конституционного Суда РФ усматривается, что конкретизация принципов и норм права, содержащихся в федеральном законе, осуществлена, в том числе органами, осуществляющими правотворческие полномочия по принятию подзаконных нормативных правовых актов, в частности органом исполнительной власти – Федеральной антимонопольной службой Российской Федерации.

В этой связи следует согласиться с мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева в отношении постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2015 года № 5-п «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Богатырева»[2], в котором приводится, на наш взгляд, аргументированная позиция: «Суды не вправе ни признавать новые вещные права, ни определять их содержание, поскольку их перечень и содержание определены в законе исчерпывающим образом. … Судебная власть, являясь самостоятельной, тем не менее должна уважать конституционный принцип единства государственной власти, осуществляемой на основе разделения на

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 14.05.2015 № 1076-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «АРГУС-СПЕКТР» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 5 части 2 статьи 39 Федерального закона «О защите конкуренции» // СПС «Консультант Плюс».

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Богатырева» // СПС «Консультант Плюс».

законодательную, исполнительную и судебную (статья 10 Конституции Российской Федерации). А поэтому ей необходимо считаться с состоявшимся политическим выбором в пользу приоритета совокупной пользы граждан, нуждающихся в жилье и заинтересованных в развитии ипотечного жилищного кредитования. Даже рассматривая конкретные споры, суды должны учитывать экономическую логику, лежащую в основе принятых социально-экономических решений. Суды при этом не должны учитывать и мотивы, которыми руководствуется приобретатель недвижимости. Даже если он приобретает квартиру на публичных торгах не для проживания, а для последующего использования в целях получения прибыли, конституционный императив о том, что «право частной собственности охраняется законом» (статья 35, часть 1, Конституции Российской Федерации), должен детерминировать судебное правоприменение»[1].

Поскольку в рамках данного диссертационного исследования выражается позиция, в соответствии с которой конкретизация права является самостоятельным видом деятельности (правовым процессом), то вышеназванные пределы представляются «внешними», ограничивающими именно сферу ее применения. Однако, рассматривая непосредственно сам процесс конкретизации права, необходимо учитывать и «внутренние» пределы, позволяющие определить условия, которые должны быть соблюдены при его осуществлении.

Например, Г.Г. Шмелева, рассматривая условия законности правотворческой конкретизации, выделяет два вида таковых: формальные – предъявляемые к порядку осуществления и форме этой деятельности, и содержательные – предъявляемые к ее содержанию.[2] К первой группе, по ее мнению, следует относить: осуществление конкретизации только в пределах компетенции нормотворческого органа, установленных законодательством; соблюдение формальной (официально) определенной процедуры установления

[1] Там же.
[2] Шмелева Г.Г. Конкретизация социалистического права как фактор совершенствования правового регулирования: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. Львов, 1982. С. 47 – 49.

конкретизирующих норм; закрепление результатов в определенной законодательством форме; ко второй группе – законность осуществления правотворческой конкретизации в определенных пределах, а именно объемном (экстенсиональном) и содержательном (интенсиональном). Объемный предел заключается в том, что конкретизирующая норма регулирует общественные отношения, которые включаются в сферу отношений, охватываемых конкретизируемой (исходной) нормой, а содержательный – «содержание нормы права должно быть сформулировано в виде формальных, эмпирически фиксируемых признаков правомерного поведения и обстоятельств ее применения»[1].

В.М. Баранов и В.В. Лазарев разграничивают пределы материального (фактического) и юридического порядка. Первые зависят от характера отношений и состава их участников, вторые (преимущественно процессуальные) «связаны прежде всего с разделением властей, компетенцией конкретного органа (аутентичная конкретизация), прямым поручением законодателя и т.д.».[2]

На наш взгляд, наиболее точно определены пределы конкретизации права М.В. Залоило, среди которых он выделяет иерархические, компетенционные, пространственные и содержательные.[3] Следует поддержать позицию ученого и о важности соблюдения в первую очередь иерархических пределов.[4]

В.А. Толстик пишет, что существует определенная (не абсолютная) зависимость между степенью общности (абстрактности) правовой нормы и

---

[1] Там же. С. 48.

[2] Баранов В.М., Лазарев В.В. Конкретизация права: понятие и пределы // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 31, 32.

[3] См. более подробно: Залоило М.В. Пределы и техника конкретизации юридических норм в правотворчестве // Журнал российского права. 2014. № 11 (215). С. 34 – 41.

[4] См. более подробно: Там же.

иерархией нормативных правовых актов.[1]

В работе румынской исследовательницы А. Нашиц, посвященной вопросам юридической техники, отмечается, что «нормативные правовые акты, обладающие высшей юридической силой, отличаются, как правило, более общим и абстрактным характером регулирования, поскольку в процессе их конкретизации при помощи подчиненных им нормативных актов и выделяются элементы, необходимые для их правильной индивидуализации применения в соответствии с принципами законности»[2].

Анализируя юридическую силу норм международного права, Н.В. Миронов считает, что степень абстракции норм может возрастать по мере иерархического возрастания слагаемых системы. И наоборот, степень конкретизации норм может возрастать по мере перехода от иерархически более высоко стоящих норм к нижестоящим. Чем иерархически выше стоит та или иная норма международного права, тем большую степень обобщения она может включать в себя, и наоборот.[3]

Н.С. Ищенко в целом справедливо отмечает, что «Суть правотворческой конкретизации в международно-правовом регулировании состоит не в простом копировании предписаний международных актов в национальном законодательстве, так как разноуровневые акты не должны дублировать друг друга, а в развитии универсальных норм-принципов международного права в локальных нормах»[4].

В данном диссертационном исследовании разделяется ранее приведенная позиция А.В. Мицкевича, в соответствии с которой «конкретизирующие нормативные акты выступают как самостоятельные источники правовых норм (по

---

[1] Толстик В.А. К вопросу о зависимости между степенью конкретизации норм права и иерархией источников права // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 117

[2] Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. Пер. с румынского И. Фодор. / Под ред. Д.А. Керимова и А.В. Мицкевича. М.: Изд-во «Прогресс», 1974. С. 189.

[3] Миронов Н.В. Международное право: нормы и их юридическая сила. М.: Юрид. лит., 1980. С. 46.

[4] Ищенко Н.С. Эволюция феномена конкретизации и актуализации норм права // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 256, 257.

нашему мнению – формы права), потому что они оформляют установление хотя и уточняющих, но все же новых общих правил по сравнению с тем законом или подзаконным актом, в развитие которого они изданы»[1]. Кроме этого, например, в постановлении Конституционного Суда РФ от 29.11.2006 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 100 Регламента Правительства Российской Федерации» отмечается «***недопустимость конкретизации положений Конституции Российской Федерации*** (а именно конституционного права законодательной инициативы, а также условий и порядка его осуществления), ***нормативным актом*** (Регламентом Правительства Российской Федерации), ***уровень которого ниже федерального закона*** (выделено мной. – Т.Л.). В свою очередь, данное регулирование надлежит осуществить федеральному законодателю (в соответствии со статьей 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»)»[2].

В настоящее время отсутствует легальное закрепление понятия и системы форм национального и (или) международного права, реализующихся в Российской Федерации. В частности, неоднократно в научной литературе обосновано отмечалась и до сих отмечается необходимость принятия федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» с выработанными дефинициями нормативного правового акта, закона и др., классификацией нормативных правовых актов и пр. Проекты федеральных законов «О формах российского права» и «О нормативных правовых актах Российской Федерации» разработаны и предлагались к обсуждению ведущими учеными Российского государственного университета правосудия[3], Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации[4].

---

[1] Общая теория советского права / Под ред. докторов юрид. наук С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М.: Юридическая литература, 1966. С. 145.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2006 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 100 Регламента Правительства Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[3] Ершов В.В., Ершов В.В., Ершова Е.А. Проект федерального закона «О формах российского права» // Российское правосудие. Теория права и государства. М., 2006-март 2009. С.292 – 303.

[4] См. более подробно: Проект федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации» (инициативный законопроект) / Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров, Н.А. Власенко и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013. 70 с.

Научной общественностью анализировался и подготовленный Минюстом России в 2014 году проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»[1]. Принятие указанных федеральных законов позволило бы внести ясность в вопросах видов, значения, системы, иерархии различных форм права, а также способствовало созданию определенных ориентиров для различных субъектов при осуществлении правотворческой деятельности, конкретизации права, правоприменения, толкования права и др.

В настоящее время юридическая сила различных форм национального и международного права, реализующихся в России, обозначается в Конституции Российской Федерации и других нормативных правовых актах с помощью таких формулировок, как «имеет высшую юридическую силу», «не должны противоречить», «принимаемые в соответствии с», «не могут противоречить», «на основании и во исполнение» и др. или прямым указанием на приоритет их действия. Примером могут служить часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации[2], закрепляющая более высокую юридическую силу международного договора по отношению к законам, или часть 6 статьи 76 Конституции Российской Федерации[3], предусматривающая приоритет нормативного правового акта субъекта Российской Федерации, изданного по предметам его ведения, над федеральным законом в случае противоречия.

На основании этого и в целях анализа иерархических пределов в данном диссертационном исследовании за основу взята статья 18 Проекта федерального закона «О формах российского права», разработанного В.В. Ершовым, В.В. Ершовым, Е.А. Ершовой.[4] Считаем, что иерархия форм российского права

---

[1] См., например: Бошно С.В. Закон о нормативных правовых актах: прошлое, настоящее и перспективы // Право и современные государства. 2015. № 2. С. 7 – 22; Станкин А.Н. О проекте закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2015. № 3 (22). С. 52 – 54.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014№ 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014№ 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[4] Ершов В.В., Ершов В.В., Ершова Е.А. Указ. соч. С. 300.

может быть представлена следующим образом: основополагающие (общие) принципы российского права; национальные нормативные правовые акты; национальные правовые договоры; обычаи национального права, в свою очередь иерархия форм международного права – основополагающие (общие) принципы международного права, международные правовые договоры, обычаи международного права.

Таким образом, при определении иерархических пределов конкретизации права необходимо учитывать, в какой форме права закреплены исходные, конкретизируемые принципы и нормы права и какое место в иерархии форм права занимает последняя. Принципы и нормы права, содержащиеся в формах национального и (или) международного права, обладающие более высокой юридической силой, представляют собой основу и задают направления для их дальнейшей конкретизации, тем самым обеспечивая единство всей системы права.

Следующим из основополагающих моментов в определении «внутренних» пределов осуществления конкретизации права выступает наличие у правотворческого органа или должностного лица непосредственно на это компетенции. Так, Г.Г. Шмелева отмечает, что конкретизация правовых норм осуществляется «только в пределах компетенции нормотворческого органа, установленных законодательством»[1]. М.В. Залоило пишет, что «…конкретизирующие нормативные правовые акты должны приниматься (издаваться) органами власти в соответствии с правотворческой компетенцией, которой наделяет их Конституция РФ»[2]. На наш взгляд, компетенция правотворческих органов и должностных лиц в Российской Федерации, связанная с конкретизацией права, вытекает из Конституции Российской Федерации и законодательства, однако также ее пределы зачастую непосредственно содержатся и в иных нормативных правовых актах, а также иных формах национального и

[1] Шмелева Г.Г. Конкретизация социалистического права как фактор совершенствования правового регулирования: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. Львов, 1982. С. 48.
[2] Залоило М.В. Пределы и техника конкретизации юридических норм в правотворчестве // Журнал российского права. 2014. № 11 (215). С. 39.

(или) международного права. Например, компетенция федеральных органов исполнительной власти определяется главным образом подзаконными правовыми актами. Так, пунктом 29 Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 14.11.2002 № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации»[1], предусмотрено, что в полномочия Министерства внутренних дел Российской Федерации входит, в том числе, издание нормативных актов, конкретизирующих установленные Федеральным законом от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»[2], указанным Положением полномочия территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации по рассмотрению заявлений лиц, проживающих на территории Российской Федерации, и принятию решений по этим заявлениям.

М.Ш. Гамидов пишет: «Конкретизация нормы права это установленное правомочие, исключающее произвольность подхода к данному вопросу. Если имеется необходимость в конкретизации, то таковая должна становиться обязанностью, а не дискреционным усмотрением»[3]. По мнению Т.К. Примак, «конкретизация закона ведомственными актами возможна лишь при прямом указании об этом в самом законе»[4].

Считаем в целом более справедливым вывод, сделанный другими научными работниками, о том, что наличие конкретных указаний в конституции о необходимости принятия того или иного законодательного акта не означает, что другие ее положения не могут получить своей конкретизации.[5] Л.А. Морозова пишет о конкретизации актов более высокой юридической силы с учетом местных

---

[1] Указ Президента РФ от 14.11.2002 № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2019) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru..

[2] Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.10.2019) // СПС «Консультант Плюс».

[3] Гамидов М.Ш. Указ соч. С. 23.

[4] Примак Т.К. Совершенствование законодательства как средство обеспечения законности (по материалам деятельности органов внутренних дел): Автореф. дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 1998. С. 21.

[5] Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. С. 103; Чернобель Г.Т. Конституция и ее конкретизация // Журнал российского права. 2013. № 3. С 50 – 62 и др.

условий органами местного самоуправления при делегировании им правотворческих полномочий государством.[1] Кроме этого, например, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 1998 года № 15-п «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» указано, что «Конституция Российской Федерации, в том числе указанные конституционные нормы, не запрещает государству передавать отдельные полномочия исполнительных органов власти негосударственным организациям, участвующим в выполнении функций публичной власти. По смыслу ее статей 78 (части 2 и 3) и 132 (часть 2), такая передача возможна при условии, что это не противоречит Конституции Российской Федерации и федеральным законам»[2].

Также обоснованным представляется рассматривать вопрос и о компетенции субъектов, осуществляющих конкретизацию принципов и норм, содержащихся в формах международного права. Например, с учетом Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»[3] она устанавливается в том числе посредством международного договора.

Отмеченным выше субъектам непосредственно принадлежат или делегируются полномочия на осуществление конкретизации права. При этом в рамках последнего они наделяются не только правом, но зачастую обязанностью принимать конкретизирующие принципы и нормы права. В первом случае, к примеру, когда федеральным законодателем и непосредственным указанием на это в законах с помощью таких формулировок, как «в пределах своих полномочий определяют», «в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации» и др., предоставляются полномочия федеральным органам

---

[1] Морозова Л.А. Пределы конкретизации права // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 127.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014№ 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[3] Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (ред. от 12.03.2014) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

исполнительной власти или законодательным органам субъектов Российской Федерации. Во втором – можно привести следующие примеры. Так, в соответствии с частями 2 и 3 статьи 78 Конституции Российской Федерации делегирование полномочий осуществляется федеральными органами исполнительной власти органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации федеральным органам исполнительной власти.[1] В соответствии с частью 2 статьи 132 Конституции России органы местного самоуправления могут наделяться в соответствии с законом отдельными государственными полномочиями.[2]

Таким образом конкретизация права осуществляется управомоченными правотворческими органами и должностными лицами в пределах компетенции, установленной в различных формах национального и (или) международного права, реализующихся в государстве.

Управомоченные правотворческие органы и должностные лица также не должны нарушать пространственные пределы, которые зачастую в юридической литературе сводятся к разграничению предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ. По справедливому замечанию М.В. Залоило, они в целом определены статьей 76 Конституции Российской Федерации.[3] Однако, исходя из концепции единой, многоуровневой и развивающейся системы форм национального и (или) международного права, реализующихся в России, пространственные пределы следует понимать более широко.

Во-первых, в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации[4] общепризнанные принципы и нормы международного права и

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014№ 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Там же.

[3] Залоило М.В. Пределы и техника конкретизации юридических норм в правотворчестве // Журнал российского права. 2014. № 11 (215). С. 39, 40.

[4] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014№ 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Кроме этого, предусматривается приоритет международного договора над национальным законодательством.

Так, С.В. Поленина пишет: «формой конкретизации норм международного права чаще всего выступает протокол к той или иной универсальной конвенции (соглашению), действие которой распространяется на граждан одного или ряда государств»[1].

Н.С. Ищенко справедливо считает, что «… конкретизация норм и принципов международного права позволяет эти нормы развивать и усиливать как на международном уровне, так и в рамках национальных правовых систем»[2].

Во-вторых, статья 12 Конституции Российской Федерации предусматривает, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.[3] Анализ статьи 5 Трудового кодекса РФ[4] показывает возможность указанных органов в пределах своей компетенции на основе принципов и норм трудового права, содержащихся формах права, обладающих более высокой юридической силой, проводить их конкретизацию с помощью принятия принципов и норм права, содержащихся в иных формах права, обладающих меньшей юридической силой.

Кроме этого, в-третьих, такая возможность усматривается и для юридических и физических лиц, наделенных правотворческими полномочиями, при регулировании трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними

---

[1] Поленина С.В. Конкретизация как метод законотворчества в Российской Федерации // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 56.

[2] Ищенко Н. С. Эволюция феномена конкретизации и актуализации норм права // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015 (+CD). С. 256, 257.

[3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014№ 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[4] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС «Консультант Плюс».

отношений, при заключении коллективных договоров, соглашений, а также принятии локальных нормативных актов.[1]

Исходя из этого, на наш взгляд, пространственные пределы конкретизации права возможно усмотреть на двух уровнях. В первую очередь, она осуществляется непосредственно на международном уровне в рамках принятия на основе основополагающих (общих) принципов права, например, уполномоченными органами международных организаций, уточняющих, детализирующих, более конкретных, обладающих большей степенью определенности принципов и норм, содержащихся в международных договорах, имеющих меньшую юридическую силу. Второй уровень – национальный, предусматривающий в частности, что зачастую после ратификации Российской Федерацией международных договоров в целях их дальнейшей реализации требуется принятие уточняющих, детализирующих, более конкретных, обладающих большей степенью определенности и соответствующих внутригосударственным условиям принципов и норм, содержащихся в различных формах национального права, обладающих меньшей юридической силой. В рамках национального уровня можно выделить: федеральный, субъектов федерации, местного самоуправления, локальный.

Анализируя более подробно национальный уровень, следует отметить следующее. Конституция Российской Федерации, принятая на референдуме 1993 года, в том числе содержит принципы и нормы права, конкретизирующие на федеральном уровне принципы и нормы права, закрепленные в различных формах международных права. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» отмечается, что

[1] См. статью 5 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС «Консультант Плюс».

«***часть 1 статьи 50 Конституции Российской Федерации***, корреспондируя предписаниям международных договоров, а именно пункту 7 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и пункту 1 статьи 4 Протокола № 7 в редакции Протокола № 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, по существу, ***выступает конкретизацией общеправового принципа справедливости и направлена на обеспечение*** правовой безопасности и ***правовой определенности и стабильности*** (выделено мной. –Т.Л.)»[1]. Таким образом, общеправовой принцип (по нашему мнению – основополагающий (общий) принцип международного права) конкретизирован в формах международного права (конвенции и протоколах к ней, пакте), а в последующем – в формах национального права (Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации).

По справедливому заключению Д.В. Кузина, «необходимым условием конкретизации федерального законодательства в региональных нормативно-правовых актах должна послужить четкость и определенность в разграничении предметов ведения и полномочий между уровнями государственной власти в России»[2]. При этом, с учетом анализа Конституции Российской Федерации, а также позиций Конституционного Суда Российской Федерации, осуществляющего официальное толкование ее принципов и норм права, необходимо отметить, что в соответствии с частью 1 статьи 76 Конституции по предметам исключительного ведения в России принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории РФ. Исходя из этого, можно было бы предположить, что в данном случае содержится

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // СПС «Консультант Плюс».

[2] Кузин Д.В. Проблемы конкретизации федерального законодательства в региональных нормативно-правовых актах // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 346.

ограниченный перечень субъектов, способных осуществлять правотворческие полномочия, а также последующую конкретизацию подобных принципов и норм права, содержащихся в Конституции Российской Федерации. Однако в постановлении Конституционного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» предусматривается, что «само по себе отнесение того или иного вопроса к ведению Российской Федерации (статья 71 Конституции Российской Федерации) ***не означает невозможности его урегулирования иными, помимо закона, нормативными актами, кроме случаев, когда сама Конституция Российской Федерации исключает это*** (выделено мной. – Т.Л.), требуя для решения конкретного вопроса принятия именно федерального конституционного либо федерального закона»[1]. В указанном постановлении также отмечено, что «Такая правовая позиция выражена Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 9 января 1998 года по делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации. В данном постановлении указано, что действительный смысл положений статьи 76 Конституции Российской Федерации, устанавливающих формы законодательного регулирования по предметам ведения Российской Федерации, не может быть понят в отрыве от других конституционных положений; как следует из статей 90, 115 и 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, ***Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации принимают собственные правовые акты, в том числе нормативного характера, по вопросам ведения Российской Федерации***»[2] (выделено мной. – Т.Л.).

В соответствии с частью 2 статьи 76 Конституции Российской Федерации «по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1999 № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
[2] Там же.

законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации»[1]. В этой связи закономерен вопрос о возможности конкретизации принципов и норм, содержащихся, например, в Конституции Российской Федерации, субъектами Российской Федерации в рамках осуществления опережающего правотворчества. Так, по мнению В.В. Лапаевой, «нужна такая концепция толкования соответствующих конституционно-правовых положений, которая полностью исключила бы возможность опережающего нормотворчества субъектов в сфере совместного ведения и ограничила бы их законодательные полномочия лишь конкретизацией принятых федеральных законов»[2]. Однако в своих постановлениях от 30 ноября 1995 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности статей 23 и 24 Временного положения об обеспечении деятельности депутатов Калининградской областной Думы, утвержденного Постановлением Калининградской областной Думы от 8 июля 1994 года»[3] и от 01.02.1996 № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава - Основного Закона Читинской области»[4] Конституционный Суд Российской Федерации указал, что отсутствие соответствующего федерального закона по вопросам совместного ведения само по себе не препятствует законодательному органу субъекта Российской Федерации принять собственный нормативный акт, что следует из смысла статей Конституции Российской Федерации и вытекает из природы совместной компетенции. При этом отмечается, что данные вопросы должны решаться в соответствии с главой 1 Конституции Российской Федерации, закрепляющей основы конституционного строя, другими положениями Конституции Российской Федерации и базирующейся на них системой

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014№ 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Лапаева В.В. Законодательство об общественных объединениях: правовая концепция разграничения полномочий Федерации и субъектов // Законодательство и экономика. 2002. № 10. С. 37.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.1995 № 16-П «По делу о проверке конституционности статей 23 и 24 Временного положения об обеспечении деятельности депутатов Калининградской областной Думы, утвержденного Постановлением Калининградской областной Думы от 8 июля 1994 года» // СПС «Консультант Плюс».

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.1996 № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава - Основного Закона Читинской области» // СПС «Консультант Плюс».

федеральных правовых актов, в которых эти положения воспроизводятся и конкретизируются. Кроме этого, после принятия федерального закона нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации должен быть приведен в соответствие с ним.

Часть 4 статьи 76 Конституции Российской Федерации[1] предусматривает возможность субъектов РФ вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации осуществлять собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов. В этом случае нормативный правовой акт органа государственной власти субъекта Российской Федерации в регулировании какой-либо сферы общественных отношений будет обладать более высокой юридической силой, свидетельствуя о том, что в федеративном государстве, к числу которых относится Россия, не установлена непосредственная прямая зависимость между уровнем органа государственного власти и юридической силой принимаемого им правового акта. Представляется, что в подобных нормативных правовых актах могут содержаться конкретизирующие Конституцию и федеральные конституционные законы принципы и нормы права.

Исходя из вышеизложенного, на федеральном уровне пространственные пределы конкретизация права определяются следующим образом. Во-первых, на федеральном уровне при конкретизации принципов и норм права, содержащихся в формах международного права, в целях их дальнейшей реализации на территории Российской Федерации могут быть приняты уточняющие, детализирующие, более конкретные, обладающие большей степенью определенности принципы и нормы права в различных формах национального права, обладающие меньшей юридической силой. Во-вторых, по предметам исключительного ведения Российской Федерации конкретизация права осуществляется сначала федеральными законодательными органами, а также Президентом РФ и

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014№ 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

Правительством РФ в случаях, если Конституция РФ не содержит положений, исключающих это и непосредственно возлагающих на федерального законодателя обязанность урегулировать данную сферу общественных отношений; по предметам совместного ведения – федеральным законодательным органом власти, а далее федеральными органами исполнительной власти.

На уровне субъектов Российской Федерации, по предметам совместного ведения и предметам ведения субъектов Российской Федерации, в первую очередь, конкретизация осуществляется законодательными органами субъектов Российской Федерации, а затем органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации, в пределах своих полномочий. По предметам совместного ведения при отсутствии федерального закона, регулирующего определенную сферу общественных отношений, а также по предметам собственного ведения в пределах своих полномочий законодательные органы субъектов РФ могут принимать принципы и нормы права, конкретизирующие Конституцию РФ, федеральные конституционные и федеральные законы.

На уровне местного самоуправления – органами местного самоуправления в рамках своих правотворческих полномочий на основе принципов и норм права, содержащихся в формах права, обладающих более высокой юридической силой с помощью принятия принципов и норм права, содержащихся в иных формах права и обладающих меньшей юридической силой.

На локальном уровне – юридическими и физическими лицами, наделенными правотворческими полномочиями, на основе принципов и норм права, содержащихся в формах права, посредством принятия локальных нормативных актов.

Конкретизация права на каждом уровне не должна приводить к дублированию принципов и норм права, содержащихся в различных формах национального и международного права, обладающих более высокой юридической силой, либо к такой ситуации, при которой управомоченные правотворческие органы или должностные лица выходят за рамки своих полномочий и принимают

принципы и нормы права, не просто уточняющие, детализирующие, более конкретные, обладающие большей степенью определенности, чем исходные, но и предусматривающие иное правовое регулирование общественных отношений. Кроме этого, необходимо отметить, что в случаях, когда исходные принципы и нормы права установлены достаточно исчерпывающе (конкретно, с достаточной степенью определенности), но все же предусмотрена необходимость конкретизации отдельных из них на уровне субъектов федерации, такая конкретизация должна быть произведена субъектом Российской Федерации в пределах, установленных Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами, регулирующими данную сферу общественных отношений. Так, например, часть 3 статьи 118 Конституции Российской Федерации[1] предусматривает, что «судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом». В соответствии со статьей 12 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[2] «все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией».

Как известно, в Российской Федерации отсутствует федеральный закон, регламентирующий правовое положение судей конституционных (уставных) судов, на них распространяются предписания Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[3]. В пункте 1 статьи 2 данного закона содержится положение, что «все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом. Особенности правового положения некоторых категорий судей, включая судей военных судов, определяются федеральными законами, а в случаях,

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014№ 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[3] Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 02.08.2019) «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019) // СПС «Консультант Плюс».

предусмотренных федеральными законами, также законами субъектов Российской Федерации».

В соответствии с пунктом 2 статьи 26.1. Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»[1] «Экзаменационная комиссия субъекта Российской Федерации принимает экзамены у кандидата на должность судьи в случае, если ***заключение о рекомендации кандидата на эту должность относится к полномочиям квалификационной коллегии судей данного субъекта Российской Федерации***» (выделено мной. – Т.Л.).

В пункте 8 статьи 26.3. вышеназванного Закона устанавливается, что экзаменационная комиссия выдает лицу, сдавшему квалификационный экзамен на должность судьи, ***удостоверение*** о результатах квалификационного экзамена ***с оценками по каждому вопросу и общей итоговой оценкой*** (выделено мной. – Т.Л.).

Однако пунктом 2 части 5 статьи 10.2 Закона Республики Бурятия от 25.10.1994 № 42-I «О Конституционном Суде Республики Бурятия» в редакции Закона Республики Бурятия от 25.11.2016 № 2062-V[2] предусматривалось, что предложение о кандидатуре на должность судьи Конституционного суда Республики Бурятия направляется ***в конкурсную комиссию*** в письменном виде с приложением документов, в том числе ***удостоверения*** Экзаменационной комиссии Республики Бурятия по приему квалификационного экзамена на должность судьи о результатах квалификационного экзамена на должность судьи Конституционного суда Республики Бурятия ***с итоговой оценкой*** (выделено мной. – Т.Л.).

Таким образом, во-первых, положениями вышеназванного Закона Республики Бурятия не предусматривалось участие квалификационной коллегии судей Республики Бурятия в конкурсном отборе на должности судей

---

[1] Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[2] Закон Республики Бурятия от 25.11.2016 № 2062-V «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

Конституционного суда Республики Бурятия, следовательно возникала коллизия вышеназванного Федерального закона с данным законодательным актом субъекта Российской Федерации по вопросу наличия при указанных обстоятельствах у Экзаменационной комиссии Республики Бурятия полномочий на осуществление приема квалификационного экзамена на должность судьи Конституционного суда Республики Бурятия. Кроме этого, во-вторых, вышеназванный Закон Республики Бурятия устанавливал, что удостоверение о результатах квалификационного экзамена на должность судьи Конституционного суда Республики Бурятия должно содержать только общую итоговую оценку, что противоречило пункту 8 статьи 26.3. Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»

Также статья 4 Закона Республики Бурятия от 25.11.2016 № 2062-V «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия»[1] не соответствовала статье 26.3. Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»[2], где предусматривается общий порядок проведения квалификационного экзамена на должность судьи и порядок определения оценки знаний кандидата на должность судьи, в части возложения обязанностей на Администрацию Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия по формированию вопросов для Экзаменационной комиссии Республики Бурятия по приему квалификационного экзамена на должность судьи для проведения квалификационного экзамена на должность Председателя Конституционного суда Республики Бурятия.

В этой связи возникла неопределенность, связанная с порядком проведения квалификационного экзамена на должность судьи Конституционного суда Республики Бурятия, составления и утверждения экзаменационных билетов для сдачи квалификационного экзамена на должность судьи Конституционного суда

---

[1] Там же.

[2] Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»

Республики Бурятия, а также выдачей удостоверения о сдаче квалификационного экзамена на должность судьи Конституционного суда Республики Бурятия.

Основываясь на буквальном толковании части 3 статьи 118 Конституции Российской Федерации[1], статьи 12 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[2] о том, что «все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией», а также пункта 1 статьи 2 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[3], где содержится аналогичное правовое регулирование, представляется, что их конкретизация должна была быть произведена в рамках перехода от абстрактных, обладающих меньшей степенью определенности принципов и норм права, содержащихся в указанных положениях Конституции РФ и федерального законодательства, к более конкретным, обладающим большей степенью определенности, выраженным в вышеназванных законах субъекта Российской Федерации и имеющим меньшую юридическую силу.

Поскольку пунктом 2 статьи 26.1 Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»[4] предусматривается, что «экзаменационная комиссия субъекта Российской Федерации принимает экзамены у кандидата на должность судьи в случае, если заключение о рекомендации кандидата на эту должность относится к полномочиям квалификационной коллегии судей данного субъекта Российской Федерации», постольку считаем спорным пункт 2 части 5 статьи 10.2 Закона Республики Бурятия от 25.10.1994 № 42-I «О Конституционном суде Республики

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014№ 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» «О судебной системе Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[3] Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 02.08.2019) «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019) // СПС «Консультант Плюс».

[4] Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

Бурятия» в редакции Закона Республики Бурятия от 25.11.2016 № 2062-V[1]. Кроме этого, статьей 26.3. Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»[2] предусматривается общий порядок проведения квалификационного экзамена на должность судьи и порядок определения оценки знаний кандидата на должность судьи, в связи с чем данный порядок должен соблюдаться и при проведении квалификационного экзамена на должность судьи Конституционного суда Республики Бурятия, составлении и утверждении экзаменационных билетов для сдачи квалификационного экзамена на должность судьи Конституционного суда Республики Бурятия, а также выдачи удостоверения о сдаче квалификационного экзамена на должность судьи Конституционного суда Республики Бурятия.

21.10.2017 г. вступил в силу Закон Республики Бурятия от 10.10.2017 №2556-V «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия в части регламентации порядка назначения на должность Председателя Конституционного суда Республики Бурятия и судей Конституционного суда Республики Бурятия»[3]. Названным законом статьи 10.1 и 10.2 Закона Республики Бурятия «О Конституционном суде Республики Бурятия» от 25.10.1994 г. № 42-I[4], ст. 4 Закона Республики Бурятия от 25.11.2016 № 2062-V «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия»[5] изложены в новой редакции и приведены в соответствие с Конституцией и федеральным законодательством.

---

[1] Закон Республики Бурятия от 25.11.2016 № 2062-V «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[3] Закон Республики Бурятия от 10.10.2017 г. №2556-V «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия в части регламентации порядка назначения на должность Председателя Конституционного суда Республики Бурятия и судей Конституционного суда Республики Бурятия» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[4] Закон Республики Бурятия от 25.10.1994 г. № 42-I (с изм. и доп.) «О Конституционном суде Республики Бурятия» // СПС «Консультант Плюс».

[5] Закон Республики Бурятия от 25.11.2016 № 2062-V «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

Приведенный пример показывает важность соблюдения в том числе содержательных пределов, которые заключаются в принятии лишь таких принципов и норм права, которые являются уточненными, детальными, более конкретными, обладающими большей степенью определенности. В рамках данного процесса, не выходя за объем и не вмешиваясь в содержание исходных, абстрактных, обладающих меньшей степенью определенности принципов и норм права, субъекты, осуществляющие конкретизацию права, не должны их изменять или дополнять.

Соблюдение рассмотренных «внешних» и «внутренних» пределов создают правовые гарантии, позволяющие: только управомоченным правотворческим органам и должностным лицам принимать принципы и нормы права, содержащиеся в его различных формах, обладающих прежде всего меньшей юридической силой, на основе существующих, исходных; принимать принципы и нормы права, которые не будут создавать коллизий и обеспечат необходимое эффективное правовое регулирование общественных отношений; избежать произвола со стороны управомоченных правотворческих органов и должностных лиц, осуществляющих конкретизацию права и пр. В итоге такие принципы и нормы права обоснованно войдут в систему праву, а такие его свойства, как устойчивость, продолжительность действия, меньшая степень изменчивости, сохранятся и увеличатся, а право будет объективно и непрерывно развиваться от абстрактного, меньшей степени его определенности к конкретному, большей степени его определенности.

На основании вышеизложенного, считаем обоснованным, что конкретизация права занимает самостоятельное место среди других правовых процессов (видов деятельности) – правотворчества, правоприменения (правореализационного процесса в целом) и толкования (интерпретации), а данные выводы выступают дополнительными аргументами в пользу признания категориального статуса «конкретизация права».

С учетом установленных причин, обуславливающих конкретизацию права, ее объекта, приемов и пределов осуществления, а также решения иных вопросов представляется возможным проанализировать основные признаки (основные существенные свойства), характеризующие данный вид деятельности (правовой процесс) и сформулировать определение правовой категории «конкретизация права».

По мнению Г.Г. Шмелевой, правотворческая конкретизация – качественно своеобразная юридическая деятельность, часть правотворческой деятельности. В связи с этим в целом ей присущи признаки последней, однако она также характеризуется и особенными, а именно:

1) является закономерной, объективно обусловленной деятельностью правотворческих органов (государственных органов, наделенных нормотворческой компетенцией по изданию нормативных правовых актов);

2) позволяет уточнить сферу регулирования общественных отношений, охватываемых исходными нормами (при этом не изменяя их), достичь большей конкретности и определенности в их правовой регламентации;

3) направлена на установление более конкретных юридических норм на основе общих абстрактных юридических норм с помощью операции ограничения понятий. При этом создаются относительно новые, более конкретные и определенные правила поведения – конкретизирующие нормы права. В сравнении с конкретизируемыми нормами их новизна заключается в их меньшем объеме и в более широком, обширном содержании;

4) отличительной особенностью конкретизации принципов права (основополагающих правовых норм, норм-принципов) выступает многоступенчатость данного процесса.[1]

В целом в данном диссертационном исследовании разделяется указанная позиция ученого. Однако представляется, что поскольку природа конкретизации

[1] Шмелева Г.Г. Конкретизация социалистического права как фактор совершенствования правового регулирования: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. Львов, 1982. С. 30 – 35.

права прежде всего связана с достижением большей степени его определенности, постольку к ее основным признакам (основным существенным свойствам) можно отнести:

1) это объективно обусловленная и непрерывная деятельность (процесс), т.к. способствует сохранению и увеличению прежде всего таких свойств права, как устойчивость, продолжительность действия, меньшая степень изменчивости, в связи с чем право объективно и непрерывно развивается;

2) направлена на уточнение и детализацию существующих, исходных, абстрактных, обладающих меньшей степенью определенности принципов и норм права (без их изменения и (или) дополнения) с помощью выработки (установления, принятия и др.) более конкретных, обладающих большей степенью определенности принципов и норм права, содержащихся в формах национального и (или) международного права, обладающих прежде всего меньшей юридической силой и реализующихся в государстве;

3) осуществляется управомоченными правотворческими органами и должностными лицами, в пределах установленной за ними компетенции.

На основании вышеизложенного теоретическое определение правовой категории «конкретизация права» сформулировано следующим образом. Конкретизация права – объективно обусловленная и непрерывная деятельность (процесс) управомоченных правотворческих органов и должностных лиц, в пределах установленной за ними компетенции, направленная на уточнение и детализацию существующих, исходных, абстрактных, обладающих меньшей степенью определенности принципов и норм права (без их изменения и (или) дополнения) с помощью выработки (установления, принятия и др.) более конкретных, обладающих большей степенью определенности принципов и норм права, содержащихся в формах национального и (или) международного права, обладающих прежде всего меньшей юридической силой и реализующихся в государстве.

Исходя из проанализированных теоретических и практических аргументов, можно сделать следующие выводы.

Первый: существуют различные причины, обуславливающие необходимость конкретизации права. К таковым, например, можно отнести незаконченность правового регулирования в связи с развитием общественных отношений, а также случаи, когда дальнейшее правовое регулирование общественных отношений входит в компетенцию другого управомоченного правотворческого органа или должностного лица, либо делегировано таковым и др.

Второй: в связи с ограничением права прежде всего принципами и нормами права при раскрытии содержания правовой категории «конкретизация права» необходимо учитывать, что ее объектом выступают не только нормы права, но и прежде всего принципы права. Конкретизация последних представляется возможной, в первую очередь, с учетом их характеризующих признаков и свойств (например, большая абстрактность, меньшая степень определенности, первичное место в системе права, универсальность, продолжительность действия, меньшая степень изменчивости по сравнению с нормами права и др.), а также классификации (основополагающие (общие), межотраслевые, отраслевые и принципы отдельных институтов национального и (или) международного права, реализующиеся в государстве).

Третий: на основе теоретических позиций, содержащихся в юридической литературе, и практических аргументов, содержащихся в различных формах национального и международного права, реализуемых в России, а также судебных актов Конституционного Суда Российской Федерации могут быть выделены «внешние» и «внутренние» пределы. Первые позволяют определить место конкретизации права среди других правовых процессов и ограничить сферу ее применения, вторые – условия, которые должны быть соблюдены при ее осуществлении.

При рассмотрении «внешних пределов» было установлено, что конкретизация права является самостоятельным видом деятельности (правовым

процессом). Теоретически обоснованным представляется рассматривать категории, выражающие конкретизацию права и правотворчество, прежде всего как взаимосвязанные и взаимозависимые в меньшей степени, при этом вопрос о признании их в качестве парных требует дополнительного рассмотрения. В свою очередь с учетом установленной изолированности (разграниченности) конкретизации права и правоприменения, конкретизации права и толкования права, выражающие данные процессы правовые категории следует рассматривать в качестве непарных правовых категорий. При этом считаем, что в целом отношения, возникающие между конкретизацией права и правотворчеством, правоприменением, толкованием права, нуждаются в проведении более подробного анализа в рамках самостоятельных научных исследований.

К «внутренним» пределам осуществления конкретизации права можно отнести: иерархические, компетенционные, пространственные и содержательные.

Четвертый: природа конкретизации права связана прежде всего с определенностью права. Она осуществляется в результате деятельности (процесса) управомоченных правотворческих органов и должностных лиц, характеризующейся достижением большей степени определенности права, повышением его качества, существенным свойствам которого прежде всего присущи устойчивость, продолжительность действия и меньшая степень изменчивости. Необходимость сохранения и увеличения последних приводит к непрерывному и объективному развитию права от абстрактного, в меньшей степени определенного к конкретному, в большей степени определенному. И наоборот: уменьшение устойчивости, продолжительности действия, увеличение степени изменчивости возвращает право к меньшей степени определенности. Процессы перехода права от меньшей степени его определенности к большей степени его определенности и возвращение к меньшей степени его определенности происходят непрерывно и бесконечно.

Исходя из установленных основных признаков (основных существенных свойств), понятие правовой категории «конкретизация права» сформулировано

следующим образом. Конкретизация права – объективно обусловленная и непрерывная деятельность (процесс) управомоченных правотворческих органов и должностных лиц, в пределах установленной за ними компетенции, направленная на уточнение и детализацию существующих, исходных, абстрактных, обладающих меньшей степенью определенности принципов и норм права (без их изменения и (или) дополнения) с помощью выработки (установления, принятия и др.) более конкретных, обладающих большей степенью определенности принципов и норм права, содержащихся в формах национального и (или) международного права, обладающих прежде всего меньшей юридической силой и реализующихся в государстве.

Пятый: следует ввести и использовать в научном обороте, правотворческой, правоприменительной и иных видах деятельности правовую категорию «конкретизация права».

§ 3. Правовая категория «определенность права»

Как было отмечено в параграфе, посвященном становлению и развитию знаний о данном правовом явлении, природа определенности права рассматривается во взаимосвязи с правотворчеством, правоприменением, толкованием, правовым регулированием в целом, а также применительно к результатам указанных видов деятельности. Анализ учебных и научных работ в области теории права и отраслевых наук, судебных актов Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации позволяет сделать вывод о широком применении данной правовой категории.

Например, в постановлениях Европейского Суда по правам человека можно выделить следующие аспекты, связанные с толкованием принципа правовой определенности, предъявляемого как к законодательству государств-участников, так и к правоприменительной деятельности (в том числе к его результату – судебному решению):

- называется общим принципом Конвенции[1], самостоятельной ценностью[2];

- рассматривается в отношении законодательства, которое должно быть предсказуемым с точки зрения его применения и отвечать стандарту «законности», установленному Конвенцией, требующему, чтобы все законы были достаточно точными для того, чтобы любое лицо, при необходимости с помощью соответствующей консультации, могло предвидеть в степени, разумной при данных обстоятельствах, последствия, которые может повлечь конкретное действие[3];

- считается одним из фундаментальных аспектов верховенства права, который требует, interalia, чтобы в случаях вынесения судами окончательного решения по делу это решение не ставилось бы под сомнение[4];

- отождествляется с правовой определенностью, которая предполагает уважение принципа res judicata, то есть принципа окончательного характера судебных решений. Данный принцип предусматривает, что ни одна сторона не вправе требовать пересмотра окончательного и имеющего обязательную силу решения исключительно с целью проведения нового слушания дела и вынесения нового решения. Пересмотр не должен рассматриваться как замаскированное обжалование, и одна лишь возможность двух взглядов по делу не может служить основанием для пересмотра. Отклонение от этого принципа оправдано, только если это необходимо при наличии существенных и бесспорных обстоятельств[5].

---

[1] См., например: Постановление ЕСПЧ от 14.09.2016 «Дело «Бирюлев и Шишкин (Birulev and Shishkin) против Российской Федерации» (жалобы № 35919/05 и 3346/06) // СПС «Консультант Плюс».

[2] См., например: Постановление ЕСПЧ от 23.04.2015 «Дело «Михальчук (Mikhalchuk) против Российской Федерации» (жалоба № 33803/04) // СПС «Консультант Плюс».

[3] См., например: там же; Постановление Европейского Суда по делу «Йечюс против Литвы» (Jeciusv.Lithuania) (жалоба № 34578/97) // СПС «Гарант»; Постановление Европейского Суда по делу «Барановский против Польши» (Baranowskiv.Poland) (жалоба № 28358/95) // СПС «Гарант».

[4] См., например: Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брумэреску против Румынии» (Brumarescuv.Romania) от 28 октября 1999 г. (жалоба № 28342/95) // СПС Гарант; Постановление ЕСПЧ от 05.04.2016 «Дело «Трапезников и другие (TrapeznikovandOthers) против Российской Федерации» (жалобы № 5623/09, 12460/09, 33656/09 и 20758/10) // СПС «Консультант Плюс».

[5] См., например: там же.

Вступившие в законную силу судебные решения должны в принципе оставаться неизменными[1];

- отмечается, что отмена в порядке надзора обязательных и подлежащих исполнению судебных решений, вынесенных в пользу заявителей, является нарушением принципа правовой определенности[2];

- считается, что целью правила шестимесячного срока является содействие правовой определенности, обеспечивать рассмотрение дел в разумные сроки и защищать стороны от неопределенности в течение продолжительного периода времени[3] и др.

В постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации также можно обнаружить многоаспектность толкования определенности права. В частности используется термины «требование формальной определенности норм»[4], «критерий правовой определенности законоположения»[5], «принцип правовой определенности»[6], «общеправовой принцип правовой определенности»[7], «режим правовой определенности»[8] и др. При этом в одном и том же

---

[1] См., например: Постановление Европейского Суда по делу «Рябых против Российской Федерации» (Ryabykhv.Russia) (жалоба № 52854/99) // СПС «Консультант Плюс».

[2] См., например Постановление ЕСПЧ от 08.12.2015 «Дело «Климова и другие (KlimovaandOthers) против Российской Федерации» (жалобы № 22419/05, 26493/06 и 41910/06) // СПС «Консультант Плюс».

[3] См., например: Постановление Европейского Суда по делу «Абуева и другие против Российской Федерации» (AbuyevaandOthersv.Russia) от 2.12.2010 (жалоба № 27065/05) // СПС «Гарант»; Постановление ЕСПЧ от 12.11.2015 «Дело «Бимурадова (Bimuradova) против Российской Федерации» (жалоба № 3769/11) // СПС «Консультант Плюс».

[4] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2017 № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации" в связи с жалобами граждан США Н.Д. Вордена и П.Д. Олдхэма» // СПС «Консультант Плюс».

[5] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» // СПС «Консультант Плюс».

[6] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.2017 № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда» // СПС «Консультант Плюс».

[7] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан» // СПС «Консультант Плюс».

[8] См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // СПС «Консультант Плюс».

постановлении может содержаться сразу несколько из приведенных.[1] Зачастую используя в своих постановлениях позиции, выработанные Европейским Судом по правам человека, Конституционный Суд России, в частности, указывает, что:

- общеправовой принцип правовой определенности предполагает стабильность правового регулирования и исполнимость вынесенных судебных решений[2];

- принцип верховенства права включает в качестве обязательного элемента правовую определенность[3];

- принцип формальной определенности закона предполагает точность и ясность законодательных предписаний. Будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания[4];

- нарушение требования определенности правовой нормы, порождающее возможность ее произвольного толкования правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации. При этом наиболее корректным, а иногда и единственно возможным способом выявления отвечающего намерениям законодателя истинного смысла введенного

---

[1] Так, например, в Постановлении от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан в Конституционный Суд Российской Федерации» были использованы термины «принцип правовой определенности», «режим правовой определенности», «определенность … правовых норм» // СПС «Консультант Плюс».

[2] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // СПС «Консультант Плюс».

[3] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти" в связи с жалобами граждан Э.Д. Жуховицкого, И.Г. Пойма, А.В. Понятовского, А.Е. Чеславского и ОАО "Хабаровскэнерго"» // СПС «Консультант Плюс».

[4] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // СПС «Консультант Плюс».

им правового регулирования является – в силу принципа разделения властей (статья 10 Конституции Российской Федерации) – законодательное уточнение содержания нормативных предписаний, неясность (неоднозначность) которых, не устранимая средствами толкования, создает серьезные затруднения в процессе их применения[1];

- критерий правовой определенности законоположения вытекает из фундаментальных принципов юридического равенства и справедливости, верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации в российской правовой системе (статьи 15 и 19 Конституции Российской Федерации). Требование определенности правового регулирования обязывает законодателя формулировать правовые предписания с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину (объединению граждан) сообразовывать с ними свое поведение – как запрещенное, так и дозволенное, и не исключает использование оценочных или общепринятых понятий, значение которых должно быть доступно для восприятия и уяснения субъектами соответствующих правоотношений либо непосредственно из содержания конкретного нормативного положения или из системы взаимосвязанных положений, рассчитанных на применение к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций, либо посредством выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний, в частности с помощью даваемых судами разъяснений[2];

---

[1] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2017 № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н.Д. Вордена и П.Д. Олдхэма» // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2015 № 17-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 71 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[2] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» // СПС «Консультант Плюс».

- принципом юридического равенства обуславливается необходимость формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования[1];

- конституционные требования о правовой определенности норм относятся не только к содержанию, но и к надлежащей форме правового акта[2] и др.

Как представляется, приведенные позиции указанных судов привели к тому, что понимание категории «определенность права» объединяет в себе требования формальной определенности права, включая определенность его содержания и формы; определенной правовой устойчивости (стабильности) судебных актов, характеризующейся недопустимостью пересмотра вступивших в законную силу судебных актов, при отсутствии существенных и бесспорных обстоятельств; определенности правоотношений и правового регулирования в целом. Во многом именно это повлияло на формирование в юридической литературе достаточно разнообразных теоретических определений рассматриваемой правовой категории. При этом в приведенных далее различных подходах авторов наименование данной категории дискуссионно сформулировано как «принцип правовой определенности» или как «правовая определенность».

Так, анализ постановлений Европейского Суда по правам человека позволил Е.А. Борисовой сделать следующий вывод: «содержание принципа правовой определенности заключается в следующем: принятые судами «окончательные» судебные постановления не подлежат пересмотру; недопустимо повторное рассмотрение однажды разрешенного судом дела; ни одна из сторон не может требовать пересмотра «окончательного» судебного решения только в целях проведения повторного слушания и получения нового решения; пересмотр

---

[1] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2009 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобой гражданина И.Н. Куашева» // СПС «Консультант Плюс».

[2] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 155, пунктов 2 и 3 статьи 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия» // СПС «Консультант Плюс».

«окончательного» судебного решения не является отступлением от принципа правовой определенности, если он осуществляется в целях исправления судебной ошибки, неправильного отправления правосудия; пересмотр не может быть скрытый формой обжалования, а наличие противоположных взглядов сторон на дело само по себе не может служить основанием для пересмотра «окончательного» судебного решения; пересмотр ставшего обязательным для сторон решения суда вышестоящим судом недопустим по заявлению государственного должностного лица; пересмотр «окончательных» решений, когда он допустим, должен быть ограничен определенным сроком»[1]. Поскольку нами разделяется позиция относительно разграничения правового и индивидуального регулирования общественных отношений, представляется, что в указанном случае речь идет не о принципе правовой определенности (по нашему мнению – определенности права), а об определенности судебных актов. Автором описываются требования, предъявляемые не к праву, а к результатам правоприменительной деятельности – судебным актам, следовательно – неправу.

М.Ю. Козлова на основании позиций Конституционного Суда Российской Федерации определяет содержание и назначение принципа определенности следующим образом. С одной стороны, считаем справедливым, что определенность права связывается автором со стабильностью правового регулирования, с другой стороны, представляется спорным, что данный принцип «основан на верховенстве права и обеспечивает конституционный принцип равенства и справедливости; … исключает возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения норм права, обеспечивает единообразную правоприменительную практику, дает гарантии государственной защиты граждан; дает возможность участникам соответствующих правоотношений в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными

[1] Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: Учебное пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 309.

в неизменности своего официального признанного статуса, а также приобретенных прав и обязанностей»[1].

Р. Масаладжиу пишет, что принцип правовой определенности распространяется на различные отрасли права и в общем виде «… заключается в ясности и четкости действующих правовых норм, устойчивости законных и обоснованных судебных актов, а также стабильности складывающихся на их основе правоотношений, чтобы заинтересованные лица с разумной степенью вероятности могли предвидеть последствия применения к ним судом действующих правовых предписаний и в соответствии с этим предвидеть последствия выбора того или иного варианта своего поведения»[2].

А.А. Рукавишникова (Плашевская) считает, что «правовая определенность – признак принципа верховенства права, «который имеет и международный и внутригосударственный уровень закрепления и применения»[3]. При этом автор выделяет его субъективное значение «как естественное право человека и гражданина на правовую определенность, предполагающее естественную возможность каждого человека и гражданина знать и понимать свое правовое положение в обществе и государстве, в том числе определяемое решением суда», и объективное – «совокупность юридических норм и институтов, обеспечивающих предвидение человеком и гражданином своего положения в обществе и государстве»[4]. В рамках институтов А.А. Рукавишникова (Плашевская) рассматривает «правила, процедуры законодательного процесса и законодательной техники; институты, регламентирующие преодоление пробелов в праве; институты, регламентирующие построение, функционирование и взаимодействие

---

[1] Козлова М.Ю. Принцип правовой определенности (на примере антимонопольного законодательства) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2011. № 2 (15). С. 108.

[2] Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 7. С. 22 – 25; № 8. С. 10 – 13 // СПС «Консультант Плюс».

[3] Рукавишникова (Плашевская) А.А. Генезис категории «правовая определенность» в современной юридической науке // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 79.

[4] Там же.

судебной системы; институт разумности сроков судопроизводства; институт судебного решения, институты проверки судебного решения и т.д.)»[1].

В юридической литературе можно отметить и точки зрения, в соответствии с которыми определенность права не рассматривается в качестве тождественной правовой определенности. Так, например, А.И. Сидоренко пишет, что определенность права – это «возможность однозначно определить волю государства в регулировании конкретных отношений», обеспечиваемая «нормами права, либо актами его толкования исходя из допускаемой дискреции правоприменительных органов, устанавливаемой в таких нормах»[2], в свою очередь, правовая определенность – свойство права и принцип права.[3]

Правовая определенность, по мнению М.В. Преснякова, это «одно из важнейших конституционных требований к закону», «весьма эклектичное понятие, объединяющее самые различные требования к качеству закона и правоприменительной практики», «определенность прав индивида в рамках конкретных правоотношений»[4]. Определенность права и определенность правового положения личности рассматриваются как соответственно формальный и материальный аспекты правовой определенности. Формальная сторона правовой определенности или «определенность формы выражения правовых предписаний» характеризует ее внешнюю сторону и «относится непосредственно к законам и иным нормативно-правовым актам (и только к ним)». Материальная (фактическая) сторона, являясь «внеправовой» категорией, не вытекающей из права, однако обеспечивающаяся с помощью правовых средств, «предполагает определенность действительного положения лица, например, точность и стабильность приобретаемых на основе закона субъективных прав и обязанностей.[5]

---

[1] Там же.
[2] Сидоренко А.И. Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений Европейского суда по правам человека: Автореф. дис. …. канд. юрид. наук: 12.00.01. Пермь, 2016. С. 11.
[3] Там же.
[4] Пресняков М.В. Правовая определенность: формальный и материальный аспекты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 669.
[5] Там же. С. 670.

В другой своей статье М.В. Пресняков в целом справедливо отмечает, что следует разграничивать «принцип правовой определенности» и «определенность судебного решения». Далее он предлагает отличать «определенность правовых норм в качестве их сущностного, морфологического свойства» и «определенность права как требование непротиворечивости и однозначности самой правовой материи». Первое, по его мнению, это качество права, а именно формальная определенность, предполагающая «ясность и недвусмысленность нормы права и в этом смысле соответствие ее формы и содержания»[1]. Второе можно рассматривать как «принцип определенности правового регулирования в целом», поскольку право это не только совокупность отдельных правовых норм.[2]

Т.М. Алексеева отмечает, что следует различать определенность правовых норм, под которой понимает четкость, ясность закона, требуемый критерий (характеристика) нормы права или судебного акта, и «правовую определенность в другом значении – как положения, характеризующего институциональные пределы допустимого пересмотра вступивших в законную силу судебных решений»[3]. Так, правовая определенность судебного решения в диссертационном исследовании автора понимается как «самостоятельный межотраслевой процессуальный принцип, означающий положение, согласно которому отмена (изменение) приговора, иного судебного решения, вступившего в законную силу, не допускается (принцип res judicata)»[4]. «Правовая определенность судебных решений в современном уголовном процессе означает устойчивость, незыблемость, непоколебимость судебного решения, вступившего в законную силу»[5].

В целом можно констатировать, что одни ученые не рассматривают определенность права в качестве принципа права, вторые, наоборот, признают ее

---

[1] Пресняков М.В. Правовая определенность как системное качество российского законодательства // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 34.
[2] Там же.
[3] Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2015. С. 10.
[4] Там же.
[5] Там же.

таковым и связывает с верховенством права, правовым государством и принципом res judicata, а третьи полностью отождествляют ее с последним. Кроме этого, вышеприведенные точки зрения свидетельствуют о дискуссионности утверждения И.С. Дикарева, который пишет, что «элементы, через которые в настоящее время раскрывается содержание принципа правовой определенности, не только известны каждому юристу, но интуитивно понятны даже людям, весьма далеким от юриспруденции. В этих элементах заключены чаяния рядового гражданина, желающего видеть в законе надежный щит, ограждающий его права и интересы, а в государстве – гаранта его безопасности»[1]. В то же время, признавая объемность содержания принципа правовой определенности, в монографии данного автора отмечается, что его ключевым элементом в сфере процессуального права выступает «обеспечение стабильности правоприменительных решений, прежде всего вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда»[2]. В целом содержание принципа правовой определенности, по мнению И.С. Дикарева, выражается в: стабильности правового регулирования; осведомленности гражданина относительно действующих законов и подзаконных нормативных актов, а также правоприменительных решений, затрагивающих его права и законные интересы; ясности, недвусмысленности и согласованности правовых норм, правоприменительных решений; единообразном применении закона (в том числе единство судебной практики); стабильности правоприменительных решений; исполнимости судебных решений.[3] Кроме этого, ученым поддержан вывод А.А. Рукавишниковой[4] о том, что правовая определенность – это не только принцип правового регулирования, но и результат последнего»[5].

---

[1] Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: Монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. С. 4.
[2] Там же. С. 5.
[3] Там же. С. 12, 13.
[4] См.: Рукавишникова А.А. Соотношение приговора, вступившего в законную силу, и окончательного приговора в уголовном процессе // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 100, 101.
[5] Дикарев И.С. Указ. соч. С. 5.

Представляется, что с учетом общенаучных и специальных теоретических подходов, а также с практических позиций категория «определенность» является недостаточно разработанной, несмотря на то, что в научной литературе не раз подчеркивалась ее значимость. В целях анализа непосредственно правового явления определенности права и разграничения видов определенности в целом в данном диссертационном исследовании разделяется иная позиция. Так, В.В. Ершов справедливо отмечает, что следует ввести в научный оборот и использовать категорию «определенность права», а не «правовая определенность». Отнесение определенности права к принципам «теоретически дискуссионно, а практически контрпродуктивно»[1]. Категория «верховенство права» требует дальнейшего изучения и представляет собой «определенный способ понимания, трактовки» в рамках единой концепции правового государства.[2] Принцип «res judicata», относящийся к самостоятельному виду определенности, а именно определенности результатов судебного регулирования, и «определенность права» выступают различными правовыми категориями.[3] В этой связи следует поддержать вывод В.В Ершова: определенность права – «наиболее достоверная из всех категорий права, объективно характеризующая качественное состояние права, позволяющая выделять право из класса иных не однородных социальных явлений, объектов, прежде всего неправа»[4]. В.Н. Корнев также отмечает, что «определенность объективного права – это универсальные сущностные качества, лежащие в основе его бытия»[5], совокупность которых позволяет отграничить его от иных социальных регуляторов»[6].

В целом представляется справедливым и вывод Н.А. Власенко: «свойством определенности регулирования общественных отношений обладает вся система социального регулирования, включая ее разновидность – право. Достижение

---

[1] Ершов В.В. Определенность права // Российское правосудие. 2017. № 1 (129). С. 23.
[2] Там же. С. 7.
[3] Там же. С. 8.
[4] Там же. С. 10, 11.
[5] Корнев В.Н. Диалектика неопределенности и определенности права // Государство и право. 2018. № 11. С. 23.
[6] Там же. С. 25.

правовой определенности – одна из ключевых задач права, в этом его смысл и ценность. Определенность регулирования общественных отношений закладывается в процесс создания правовых норм – правотворчество. Для этого нормоустановитель использует самые различные приемы и способы»[1]. Однако при этом считаем дискуссионным, что «окончательная определенность в праворегулировании достигается в процессе действия права»[2].

С нашей точки зрения, определенность, характеризующая качество социального явления или процесса, может рассматриваться применительно как праву и неправу, так и к правовому и индивидуальному регулированию общественных отношений и пр. При этом, несмотря на взаимосвязанность определенности правового регулирования и определенности права, их не следует отождествлять. Достижение окончательной (по нашему мнению – абсолютной) определенности в целом представляется спорным, поскольку, как было отмечено выше, в объективном мире отсутствует абсолютная определенность чего-либо. Рассмотрение и других видов «определенности», например, «определенности правового регулирования», «определенности судебных актов» и др., требует самостоятельного и глубокого изучения. При этом также необходимо отметить, что в приведенных выше позициях ученых зачастую при формировании дефиниций рассматриваемой правовой категории смешивают неоднородные виды социального регулирования общественных отношений, а именно «права», выраженного, как правило, только в правовых нормах, и содержащихся исключительно в «законодательстве», «нормативных правовых актах» или «подзаконных нормативных правовых актах», и «неправа», например, «правоприменительных актах», «судебных решениях». При таком подходе, на наш взгляд, с помощью средств индивидуального регулирования общественных отношений право развивается не объективно, а субъективно. Так, например, при рассмотрении и разрешении конкретного спора судом нельзя говорить об объективном и

[1] Власенко Н.А. Категории «неопределенность» и «определенность» в исследовании современного права // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). – С. 8.
[2] Там же.

непрерывном развитии права, придании ему такого качества, как большая степень определенности, поскольку в данном случае принятый судебный акт распространяет свое действие лишь на определенных участников правоотношений по конкретному случаю. Кроме этого, при рассмотрении различий между индивидуальными и нормативными правовыми актами М.Н. Марченко справедливо отмечает, что первые из названных также характеризуются однократностью применения, а также чаще всего «…исчерпавшими себя по исполнении содержащихся в них предписаний»[1]. В свою очередь, при осуществлении конкретизации права сохраняются и увеличиваются прежде всего такие его свойства, как устойчивость, продолжительность действия, меньшая степень изменчивости, в связи с чем можно говорить об объективном и непрерывном развитии права от абстрактного, меньшей степени его определенности к конкретному, большей степени его определенности (процессе восхождения в определенных границах).

Также следует отметить, что за редким исключением отдельные научные работники считают, что право это совокупность не только правовых норм, но и принципов права, которые представляют собой самостоятельные средства правового регулирования общественных отношений. В связи с этим считаем дискуссионным использование термина «принцип правовой определенности». Кроме этого, принципы и нормы права содержатся и в иных формах, как национального, так и международного права, например, в обычаях российского права или международных договорах. Таким образом, объединяя однородные виды регуляторов общественных отношений – принципы и нормы права, содержащиеся в различных формах национального и (или) международного права – «право» и «право», и анализируя с категорией «определенность», более обоснованным представляется использование термина «определенность права».

---

[1] Марченко М.Н. Тенденция повышения роли и значения индивидуальных актов в механизме правового регулирования современной России // Государство и право. 2018. № 4. С. 5 – 12.

В первом параграфе данной диссертационной работы была проанализирована философская литература, в рамках которой рассматривалась общенаучная категория «определенность» применительно к природным свойствам и объектам, деятельности человека в процессе познания. Так, П.И. Визир и А.Д. Урсул писали об определенности явлений, их свойств и др. Г.В.Ф. Гегель рассматривал определенность предмета. Таким образом, можно говорить об определенности права, которое является социальным явлением и выступает предметом научного познания ученых. В этой связи более обоснованным представляется название правовой категории «определенность права». Применение в научном обороте таких наименований, как «принцип правовой определенности» или «правовая определенность», считаем спорным. Одновременное их использование приводит к путанице в категориальном аппарате теории государства и права и отраслевых наук, а также смешению определенности права и определенности неправовых явлений. Исходя из этого, нами поддерживается предложение о введении и применении в научном обороте, в правотворческой, правоприменительной и иных видах деятельности правовой категории «определенность права»[1].

На основе анализа общенаучной и специальной юридической литературы, а также исходя из выводов, сделанных в предыдущих параграфах, природа определенности права может быть определена следующим образом.

Так, ранее было отмечено, что праву в целом не присуща абсолютная определенность. В этой связи считаем в целом справедливым вывод А.В. Демина, в соответствии с которым норма права создается «путем абстрактного обобщения ряда отобранных, существенных признаков в рамках некоторой идеальной модели», в связи с этим «***определенность выступает*** не сущностной, но ***качественной характеристикой той или иной нормы*** … права, ***т.е. допустимо говорить лишь о степени определенности соответствующей нормы***»[2]

[1] См. более подробно: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. С. 337 – 369.
[2] Там же. С. 45.

(выделено мной. – Т.Л.). ***При формировании нормы права используется не только абстрактный, но и казуистический способ, который также может спровоцировать коллизии и пробелы – наиболее опасные «разновидности неопределенности в … праве***»[1] (выделено мной. – Т.Л.).

Учитывая общенаучные позиции, при которых допускается изменение качества в большей или меньшей степени, отсутствие абсолютной определенности явлений и положения «научно обоснованной концепции интегративного правопонимания», в рамках которой право ограничивается прежде всего принципами и нормами права, содержащимися в различных формах национального и (или) международного права, можно говорить лишь о большей или меньшей степени его определенности. Таким образом, в системе права выделяются различные элементы и прежде всего принципы права, а также нормы права (вне зависимости от способа их изложения), которые могут характеризоваться большей или меньшей степенью определенности. Например, как было отмечено ранее, принципы права более абстрактны, обладают меньшей степенью определенности и др. по сравнению с нормами права. В то же время им свойственны стабильность, продолжительность действия и изменчивость в меньшей степени. В целях достижения большей степени их определенности и возникает объективная необходимость их конкретизации.

С учетом философских подходов к пониманию «сущность», «явление», «содержание» и «форма» и при соотнесении данных категорий с категориями «определенность» и «право» представляется возможным сделать вывод, что определенность права характеризует его природу «как равного масштаба, равной меры свободы в пределах объективно существующей несвободы субъектов правоотношений»[2] и представляет собой его качество. Для объективного и непрерывного развития права от меньшей степени к большей степени, от

---

[1] Демин А.В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления: Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.04. Екатеринбург, 2014. С. 47.
[2] Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. С. 368.

абстрактного к более конкретному необходимо, чтобы оно происходило в определенных границах, а именно с сохранением и увеличением прежде всего таких его свойств, как устойчивость, продолжительность действия и меньшая степень изменчивости, в связи с чем и возникает объективная необходимость осуществления такой деятельности (процесса), как конкретизация права.

На основании вышеизложенного с учетом анализа теоретических и практических позиций можно сделать следующие выводы.

Первый: рассмотренные подходы, содержащиеся в юридической литературе, свидетельствуют о недостаточной степени изученности категории «определенность права». При этом в большинстве случаев правовое явление, обозначаемое данной правовой категорией, анализируется во взаимосвязи исключительно с нормами права, как правило, содержащимися только в нормативных правовых актах (или законодательстве). Кроме этого, считаем дискуссионным допускать достижение большей степени определенности права в рамках правоприменительной деятельности, реализации права, толкования права и пр., а также ее проявления в результатах указанных видов деятельности.

Второй: абсолютной определенности права – не существует. Кроме этого, с учетом общенаучных позиций, при которых в том числе допускается изменение качества в большей или меньшей степени, с точки зрения «научно обоснованной концепции интегративного правопонимания», в рамках которой право ограничивается прежде всего принципами и нормами права, содержащимися в различных формах национального и (или) международного права, можно говорить лишь о большей или меньшей степени его определенности.

Третий: природа определенности права в большей степени связана с осуществлением такой деятельности (процесса), как конкретизация права, в связи с чем сформулировано следующее теоретическое понятие правовой категории «определенность права». Определенность права прежде всего характеризует его качество. С позиции «научно обоснованной концепции интегративного правопонимания» определенность права достигается в результате объективного и

непрерывного развития его качества, восхождения (в определенных границах) от абстрактного, в меньшей степени определенного права к конкретному, в большей степени определенному праву. Такой процесс прежде всего выражается в конкретизации принципов и норм права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, имеющих более высокую юридическую силу, в результате выработки (установления, принятия и др.) соответствующих принципов и норм права, содержащихся в формах национального и (или) международного права, имеющих прежде всего меньшую юридическую силу.

Четвертый: представляется теоретически более обоснованным введение и применение в научном обороте, правотворческой, правоприменительной и иных видах деятельности правовой категории «определенность права».

§ 4. «Конкретизация права» и «определенность права» как парные правовые категории

Прежде чем рассмотреть парность изучаемых правовых категорий, необходимо в целом определить методы, которые используются для формирования и развития знаний о правовых категориях, а также основные признаки (основные черты) последних.

В первой главе диссертационного исследования были разграничены результаты сознательной и волевой мыслительной деятельности человека – категории и понятия, несмотря на схожесть логико-гносеологической природы процесса их формирования. Кроме этого, были обозначены общенаучные позиции в отношении применения методов восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному при образовании и развитии знаний о категориях, которые необходимо учитывать при использовании указанных приемов применительно к специальным (частнонаучным) категориям – правовым категориям.

Ю.А. Денисов и Л.И. Спиридонов говорят в целом об использовании метода восхождения от абстрактному к конкретному и не рассматривают метод восхождения от конкретного к абстрактному как самостоятельный, «имеющий теоретическое оправдание», а относят его исключительно к «исторически неизбежному донаучному этапу духовного освоения мира», выводя его за рамки науки, но включая в структуру научного знания.[1] В свою очередь в рецензии на данную работу Д.И. Луковская и В.А. Козлов отмечают, что посредством последнего из указанных выше методов «действительно нельзя построить теорию предмета», но с учетом «единства сущности и явления» данный процесс «еще на уровне эмпирических исследований» осуществляется в начале познания элементов сущности, что приводит к такой степени зрелости науки, «которая необходима для ее дальнейшего следования по пути восхождения от абстрактного к конкретному»[2].

В целом данный подход разделяется и В.М. Сырых, В.В. Нырковым, А.В. Рудаковым. Так, авторы придерживаются позиции относительно того, что для юридической науки образование правовых научных абстракций происходит с помощью метода восхождения от конкретного к абстрактному.[3] Дальнейшее развитие должно происходить обратным способом. По мнению В.М. Сырых, способ восхождения от конкретного к абстрактному применяется как на стадии становления правовой науки, так и в современный период, когда требуется проанализировать новые явления и факты.[4] Со ссылкой на позицию К. Маркса, ученый отмечает, что «простые определения» и «тощие абстракции» получены в ходе аналитического расчленения конкретного[5], тем самым подчеркивается применение метода восхождения от конкретного к абстрактному. После этого в

---

[1]Денисов Ю.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л.: Наука. 1987. С. 69, 88, 89.

[2] Луковская Д.И., Козлов В.А. Ю.А. Денисов, Л.И. Спиридонов. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л.: Наука, 1987. 206 с.: [Рецензия] // Правоведение. 1989. № 2. С. 102.

[3] Сырых В.М. Логические основания общей теории права. В 2-х томах. Т. 1: Элементный состав. М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. С. 436 – 452; Нырков В.В. Поощрение и наказание как парные юридические категории: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2003. С. 13 – 33; Рудаков А.А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей: Монография. М.: Проспект, 2016. С. 43, 44.

[4] Сырых В.М. Указ. соч. С. 438.

[5] Там же. С. 446.

целях выявления действительного содержания понятия при рассмотрении явлений во взаимосвязи и движении возникает новый этап научного познания, который осуществляется уже с помощью восхождения от абстрактного к конкретному.[1] Говоря о последнем, В.М. Сырых отмечает, что это «единственно научный метод теоретического познания права и его отдельных отраслей как тотальных ценностей, раскрытия диалектики их развития, самодвижения в сфере системы взаимосвязанных категорий и понятий»[2]. Поддерживая такой подход, В.В. Нырков делает «гипотетический вывод о том, что построенная методом восхождения от абстрактного к конкретному общая теория права, как целостная система должна представлять собой, в результате, совокупность диалектических пар-противоположных понятий, приведенная в состояние органического взаимодействия, взаимосвязи посредством множества операций их (пар) определений»[3].

В отличие от приведенных ранее позиций, Н.И. Панов отмечает, что «общим и универсальным методом формирования правовых понятий выступает, бесспорно, диалектический метод научного познания, включающий, как известно, необходимые и весьма важные этапы «восхождение от абстрактного к конкретному», и далее – «от конкретного к абстрактному»[4]. При этом, приводя примеры использования и того, и другого приемов, автор подчеркивает важность учета «феномена конкретного»[5]. Например, метод восхождения от абстрактного к конкретному имеет место при применении «абстракции-идеализации».[6] Это обстоятельство отметил и В.М. Сырых, который, несмотря на то, что исходил из способа восхождения от конкретного к абстрактного при образовании правовых научных абстракций, пишет, что абстракция-идея не образована с помощью метода

---

[1] Там же.
[2] Там же. С. 480.
[3] Нырков В.В. Указ. соч. С. 42, 43.
[4] Панов Н.И. Проблемы методологии формирования категориально-понятийного аппарата юридической науки // Проблемы законности**:** Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Я. Таций. Харьков: Нац. юрид. ун-т имени Ярослава Мудрого, 2014. Вып. 126. С. 6.
[5] Там же. С. 7.
[6] Там же. С. 6.

восхождения от конкретного к абстрактному. Познающий субъект в процессе последнего использует лишь методы «изолирующей абстракции» и «абстракции-отождествления»[1]. В свою очередь, в отношении выделенных В.М. Сырых способов образования «первоначальных понятий» (изолирующей абстракции, абстракции-отождествления, абстракции-идеи) В.В. Нырков делает вывод о том, что только в своем единстве они являются методом восхождения от конкретного к абстрактному.[2]

Представляется, что эмпирическое и теоретическое в познании взаимосвязаны. Следует поддержать вышеназванных ученых в отношении того, что на начальном этапе осуществляется преимущественно восхождение от конкретного к абстрактному, эмпирические знания становятся основой для дальнейшего теоретического анализа, формулируются «абстракции». Последние лишь в общих чертах, не полно, с меньшей степенью определенности выражают свойства, закономерности и пр. познаваемой сущности. В дальнейшем познание, стремясь по пути от абстрактного к конкретному, более полно проникает в глубь изучаемого предмета, явления или процесса. Выступая противоположностью, данный процесс связан с установлением связей, взаимозависимостей и иных отношений между абстракциями, которые являются моментами развивающегося конкретного знания. Однако при развитии науки и ее категориального аппарата в целом субъектами познания, используемые методы восхождения, как на стадии формирования категорий, так и на стадии развития знаний о них, дополняются противоположными с учетом их диалектического единства.

Как было отмечено выше, поскольку предметы, явления или процессы находятся во взаимосвязях, взаимозависимостях, существующих в разной степени, или в других отношениях, а процесс их познания представляется бесконечным, постольку их существенные свойства, закономерности и пр. всегда будут выражаться в категориях не полно. Не стоит забывать и об определенном

---

[1] Там же. С. 439, 441.
[2] Нырков В.В. Указ. соч. С. 18.

субъективизме, который сопровождает процесс познания[1] и закрепления его результатов. В настоящее время, в том числе и в системе юридических наук, вряд ли можно найти категории и понятия, на которые не существовало как минимум два подхода к их рассмотрению. В этой связи более конкретные знания о содержании (и (или) объеме) категорий могут быть получены, а сущность описываемых ими правовых явлений или процессов раскрыта с большей степенью определенности тогда, когда последние изучаются в конкретных и объективно существующих различных видах отношений с другими правовыми явлениями или процессами. Соответственно непосредственно анализ отдельных правовых категорий как парных способствует еще более глубокому уяснению природы правовых явлений или процессов, а также исключению возможности не учитывать при формировании и развитии знаний о таких категориях прежде всего взаимосвязи и взаимозависимости в большей степени правовых явлений или процессов с другими, в рамках которых они реально возникли, существуют и развиваются.

На основании этого считаем, что кроме применения методов восхождения при формировании и развитии знаний о предметах, явлениях или процессах используется и системный подход. Несмотря на его проявление в рамках диалектико-материалистического подхода, отмеченное некоторыми авторами[2], стоит признать и присутствие в нем положений, которые позволяют дополнить, углубить полученные знания. Так, например, В.В. Рудаков справедливо пишет, что «помимо собственных законов связи элементов системным объектам принадлежат еще и общие универсальные законы. Они обусловлены диалектической природой таких связей, присущи любому системному объекту, в том числе государству и праву»[3].

---

[1] Марченко М.Н. О понятии методологии и особенностях сравнительного познания советского и постсоветского государства и права // Российское правосудие. 2017. № 8 (136). С. 27, 28.

[2] См., например: Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1986. С. 18, 205 – 207.

[3] Рудаков А.А. Рудаков А.А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей: Монография. М.: Проспект, 2016. С. 52.

На основе системного подхода с учетом общенаучного принципа обратной связи В.В. Ершов отмечает, что исследование отдельных правовых явлений должно осуществляться не изолированно и самостоятельно, а прежде всего «в рамках единой развивающейся и многоуровневой системы форм национального и (или) международного права, реализующегося в государстве», как «моменты целого»[1].

В этой связи представляется, что использование методов восхождения и системного метода дополняют друг друга, а применение последнего необходимо и оправдано, когда речь идет не о «тотальном целом»[2], а о «моментах целого»[3]. Так, правовые категории «конкретизация права» и «определенность права» проанализированы прежде всего в связи с сохранением и увеличением таких свойств права, как устойчивость, продолжительность действия, меньшая степень изменчивости, а также в рамках единой развивающейся и многоуровневой системы форм национального и (или) международного права, реализующегося в государстве и др.

Теория государства и права, как наука, изучает в первую очередь такие социальные феномены, как государство и право, и имеет собственную систему категорий и понятий. Рассматривая соотношение общей теории государства права и теории государства и права России, М.Н. Марченко пишет, что данные «…системы «объективно-истинных знаний» в той или иной мере отражают и раскрывают закономерности становления и развития государства и права в форме различных теоретических конструкций, категорий, понятий и других им подобных компонентов.[4] А.Б. Венгеров отмечает, что анализ закономерностей права, а именно их описание, объяснение, прогнозирование, закрепляется теорией права, в том числе и в категориях.[5]

---

[1] Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. С. 36.
[2] Сырых В.М. Указ. соч. С. 467.
[3] Там же. С. 36.
[4] Марченко М.Н. О соотношении общей теории государства и права и теории государства и права России // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2019. № 1. С. 7.
[5] Венгеров А.Б. Теория государства и права: Часть II. Теория права. Т. I. М.: Юристъ, 1996. С. 8.

В общем виде А.М. Васильев под правовыми категориями понимает элемент метода теории права[1], «научные понятия, которые выступают как инструмент научного мышления и служат для отображения объективной сути правовых явлений»[2]. В свою очередь, А.А. Рудаковым предложено более полное и универсальное определение: «развитая форма абстрактного мышления человека, предельно отражающая и обобщающая существенные свойства и связи явлений и процессов объективно существующей государственно-правовой организации общества в виде содержательных образов, используемая юридической наукой в качестве своего метода»[3].

Представляется справедливым позиция В.М. Сырых о том, что сами правовые категории не выступают методами или его элементами, используемыми в процессе познания права.[4] Развитие их содержания и объема (расширение или сужение) происходит, как было отмечено выше, через анализ конкретных и объективно существующих различных видов отношений, возникающих между правовыми явлениями и процессами, с помощью всеобщих, общенаучных и частноправовых методов познания. В этой связи, при формировании правовых категорий и получении более конкретных знаний о них, необходимо учитывать: во-первых, то, что они являются результатом сознательной и волевой деятельности человека; во-вторых, выражают с высокой степенью абстрактности и общности существенные свойства прежде всего правовых явлений или процессов, их взаимосвязи, взаимозависимости, существующие в разной степени, или иные отношения, их изменчивость и развитие; в-третьих, в совокупности с другими элементами системы юридических наук способствуют познанию единства и наиболее общих законов развития государства и права в целом.

---

[1] Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976. С. 65.
[2] Там же. С. 91.
[3] Рудаков А.А. Указ. соч. С. 42.
[4] Сырых В.М. Указ. соч. С. 370-382.

По мнению А.В. Малько, «проблема парности юридических категорий – одна из малоисследованных в правоведении».[1] Ученым в целом справедливо отмечается, что с помощью такого подхода «значительно расширяются познавательные возможности при исследовании тех или иных взаимосоотносящихся юридических явлений и процессов, полнее фиксируются их внутренние связи, четче устанавливаются как элементы единства, так и элементы противоположности»[2]. В этой связи и с учетом выводов, сделанных в первой главе диссертационного исследования, считаем дискуссионными высказанные отдельными научными работниками сомнения по поводу существования таких категорий в юридической науке вообще.[3]

С учетом анализа позиций отдельных авторов по вопросу построения системы общей теории права посредством использования методов восхождения ранее было отмечено, что их использование может дополняться и системным методом. Кроме этого, было установлено, что между различными предметами, явлениями или процессами могут возникать не только взаимосвязи и взаимозависимости в той или иной степени, но и иные отношения. В этой связи, интересным представляется подход В.В. Ершова, в рамках которого «по-крупному» обозначены следующие виды правовых категорий: «1) парные правовые категории, взаимосвязанные между собой в большей степени; 2) правовые категории, не взаимосвязанные между собой; 3) непарные правовые категории, но взаимосвязанные между собой в меньшей степени»[4].

Считаем обоснованным, что в теории государства и права, как и в любой другой науке, можно выделять прежде всего как парные, так и непарные категории.

---

[1] См. более подробно: Малько А.В. Стимулы и ограничения как парные юридические категории // Правоведение. 1995. № 1. С. 3 – 13.
[2] Там же. С. 3.
[3] Власенко Н.А. Методологическая результативность исследования определенности права // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: Материалы XII международной научно-практической конференции. В 3-х частях. М.: РГУП, 2018. Ч. 1.С. 56.
[4] Ершов В.В., Ершова Е.А. Концепция интегративного правопонимания: Сборник статей. М.: РГУП, 2019. (ПРЕПРИНТ). С. 29.

Например, как было отмечено, к последним можно отнести «конкретизацию права» и «толкование права».

В юридической литературе достаточно много правовых категорий, которые рассматриваются научными работниками в качестве парных, например, правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений[1]; правовое поощрение и правовое наказание[2]; субъективное право и юридическая обязанность[3], специализация и унификация законодательства[4], частное и публичное право[5], юридическое противодействие и юридическое содействие[6] и др. Однако при исследовании алгоритма рассмотрения парных правовых категорий нет единого подхода, в связи с этим выделяется различное количество этапов данного процесса.[7] Так, В.Ю. Панченко, справедливо отмечая условность и схожесть предлагаемых авторами алгоритмов, считает, что «эвристический потенциал метода парных категорий может и должен использоваться и тогда, когда определенность имеется только в отношении одного понятия (и, соответственно, явления), направляя исследователя на поиск парного понятия, установление признаков последнего через противоположность уже известным свойствам

---

[1] Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018.
[2] Нырков В.В. Указ. соч.
[3] Рудаков А.А. Указ. соч.
[4] Сенякин И.Н. Указ. соч.
[5] Деркач Т.В. Частное и публичное право как парные юридические категории: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2010.
[6] Панченко В.Ю. Юридическое противодействие и юридическое содействие как парные правовые категории // Lex Russia. 2015. № 12 (Том CIX). С. 30 – 42.
[7] Например, А.В. Васильев выделяет четыре стадии исследования: установление предметного единства (родовой основы) и его раскрытие через различия, тождества и переходы. (Васильев А.В. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976. С. 258, 259); А.В. Малько рассматривает пять этапов данного алгоритма: родо-видовые характеристики каждого понятия в отдельности, внутренние диалектические связи, взаимодействие, качественная определенность совокупности пары категорий, место среди правовых явлений большего уровня обобщения. (Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юристъ, 2004. С. 111 – 120); В.В. Нырков выделяет семь этапов: анализ каждого из противоположных правовых явлений в качестве относительно самостоятельного феномена; выделение общих признаков и различий между ними с помощью сравнения; на основе выявленных общих черт раскрытие их единства в рамках одной и той же сущности; рассмотрение, исходя из установленных специфических различий, особенностей взаимовлияния, взаимодействия явлений в рамках всех выявленных моментов единства: представление раскрытого взаимодействия как источника их самодвижения, функционирования и развития (в связи с этим будет установлена внутренняя связь данной пары, взаимосвязь между указанными явлениями, их элементами (видами); выявление качественно-количественной неравноценности противоположных правовых явлений в ходе взаимодействия, исследование доминирования одного из них на определенных этапах развития, в том числе причинно-следственного взаимодействия; на основе установления сложно внутреннего взаимодействия пары явлений включение ее во взаимосвязь более высокого уровня. (Нырков В.В. Поощрение и наказание как парные юридические категории: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2003. С. 87, 88.).

первого»[1]. В то же время автор, на наш взгляд, дискуссионно пишет, что использование метода парных категорий и названного познавательного приема допустимо только на первоначальном этапе исследования, после чего должны быть использованы другие методы познания в целях проверки его результатов.[2] Представляется, что в целом следует поддержать иной вывод, в рамках которого парные категории рассматриваются, как выражающие закон развития объективного мира, «элементарный круг познания – от конкретного к абстрактному и снова к конкретному, от явления к сущности и обратно…»[3], а также системное выражение в рамках конкретного объективного «общего» прежде всего взаимосвязей и взаимозависимостей, существующих в разной степени, правовых явлений и процессов. В этой связи представляется, что анализ правовых категорий как парных возможен на любом этапе познания, а именно как на стадии формирования, так и на стадии развития знаний о них.

А.М. Васильева пишет, что «как парные категории, очевидно, следует рассматривать лишь такие соотносимые понятия, которые отражают взятые с точки зрения единой основы противоположные проявления ее сущности, позитивные и негативные стороны одного процесса. Через подобные парные категории логически раскрывается развитие, движение сущности и ее проявления»[4]. Такие категории не являются соподчиненными, ни одна не входит в объем другой, при этом каждая из них «фиксирует наличие несомненных связей и зависимостей между выражаемыми ими правовыми явлениями»[5].

Более широкий подход к пониманию парных правовых категорий можно отметить в работах А.А. Рудакова и В.В. Ныркова. Например, А.А. Рудаков провел обобщенный анализ и выделил следующие признаки, присущие таковым: имеют общую основу, составляют одно сложное целое; выступают крайними

---

[1] Панченко В.Ю. Указ. соч. С. 32-33.
[2] Там же. С. 33.
[3] Лойфман И.Я. Единство и взаимодействие категорий диалектики. // Взаимосвязь категорий. Сборник статей. Свердловск: Типография издательства «Уральский рабочий», 1970. С. 9.
[4] Васильев А.М. Указ. соч. С. 244.
[5] Там же. С 245.

определениями одной сущности; многогранно взаимодействуют, что предполагает их взаимообусловленность; отражают синергетический эффект»[1]. На основе этого ученый понимает под парными юридическими категориями «развитые формы абстрактного мышления человека в виде содержательных образов, предельно отражающих и обобщающих существенные свойства и связи взаимообусловленных и стремящихся друг к другу крайних явлений и процессов объективной государственно-правовой реальности, имеющих общую основу и образующих синергетический эффект»[2]. В отличие от А.М. Васильева, который отмечает важность установления единства, различия, тождества и перехода при отнесении правовых категорий к парным, А.А. Рудаков считает необходимым не упускать из вида и «установление качественной определенности каждого из элементов пары»[3].

Т.В. Деркач справедливо пишет, что парность возникает между категориями, которые прежде всего внутренне взаимосвязаны. Однако автор не разделяет позиции вышеназванных ученых относительно противоположного характера категорий, но в то же время отмечает их общую родовую основу, взаимодействие, дополнительный характер по отношению друг к другу.[4] Представляется, что «противоположности» не следует рассматривать исключительно как синоним терминам «антонимы», «полярные», поскольку противоположность представляет собой соотношение сторон диалектического противоречия и не является «различием, резвившимся до крайности», «предельным случаем различия»[5].

На наш взгляд к более обоснованному выводу в целом пришел И.Н. Сенякин. Анализируя специализацию и унификацию как парные категории, автор пишет об их тесной взаимосвязи и невозможности их раздельного существования, а единство и борьба противоположностей выступают основой функционирования этих двух

---

[1] Рудаков А.А. Указ. соч. С. 71, 72.
[2] Там же. С. 74.
[3] Там же. С. 75.
[4] Деркач Т.В. Указ. соч. С. 34.
[5] Ким В.В. Тождество и различие как категории материалистической диалектики: Учебное пособие. Свердловск: типография изд-ва «Уральский рабочий», 1969. С. 35.

тенденций.[1] Нами разделяется и следующий тезис В.В. Ныркова: «… одна сторона является условием существования и функционирования другой, исчезновение ее ведет к исчезновению другой стороны и данного противоречия в целом»[2].

С учетом проведенного анализа считаем обоснованным, что в юридической литературе признаки и понятие парных правовых категорий основаны на положениях диалектики, с учетом их использования в рамках соответствующей системы научных знаний. В первой главе диссертационного исследования были выделены основные признаки (основные черты) парных категорий, на основании которых и рассматриваются взаимосвязь и взаимозависимость, существующие в большей степени, между конкретизацией права и определенностью права.

В этой связи изучение данных правовых категорий основано в первую очередь на общенаучных воззрениях. Данное положение считаем обоснованным, поскольку, например, философия является наукой о всеобщих закономерностях развития природы, общества и человеческого мышления. Она содержит общие для всех наук основу, принципиальные положения и выводы. На наш взгляд, применительно к вопросу о воздействии философских концепций относительно общенаучных категорий «неопределенность» и «определенность» на развитие данных проблем в специальных (частных) науках, П.И. Визир и А.Д. Урсул в целом пришли к справедливому выводу, который можно распространить и на теорию государства и права как науку. Так, ученые пишут: «Философские работы по исследованию категорий определенности и неопределенности выполняют важную методологическую функцию по отношению к применению этих понятий в специально-научном знании, снабжая его идеями, которые уже выработаны в лоне философии, помогая выбирать общие ориентиры для дальнейших научных поисков и предостерегая от односторонности в их исследовании»[3]. Такой же вывод можно сделать и в отношении общенаучных категорий «абстрактное» и «конкретное».

---

[1] Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства: Автореф. дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 1993. С. 1, 3.
[2] Ныркова В.В. Указ. соч. С. 47.
[3] Визир П.И., Урсул А.Д. Диалектика определенности и неопределенности. Кишинев: Изд-во «ШТИИНЦА», 1976. С. 64, 65.

Кроме этого, сформировавшиеся в философии, а затем получившие развитие, в том числе и в специальных (частных науках), исследуемые категории выполняют ряд важных функций: онтологическую, логико-гносеологическую, мировоззренческую и др.

Таким образом, изучение категорий «конкретное» и «определенность» применительно к характеристике права, как социального явления, способствует установлению прежде всего его существенных свойств. Рассмотрение «конкретизации права» и «определенности права» именно в качестве правовых категорий связано с тем, что они представляют собой формы абстрактного мышления; выражают с высокой степенью абстрактности и общности существенные свойства правовых процесса и явления, а прежде всего их взаимосвязь и взаимозависимость, существующую в большей степени; изучаются не только теорией государства и права, но и отраслевыми науками (т.е. находятся в рамках системы юридических наук). В этой связи представляется обоснованным отнесение «конкретизация права» и «определенность права» к правовым категориям, а наиболее полный их анализ (получение более конкретных знаний) возможен с учетом установленных основных признаков (основных черт), присущих им как парным правовым категориям.

Таким образом, исходя из анализа парности категорий в общенаучной и специальной юридической литературы, а также с учетом выводов, сделанных в предыдущих параграфах данного диссертационного исследования, установлены следующие основные признаки (основные черты), присущие «конкретизации права» и «определенности права», как парным правовым категориям:

- сохранение и увеличение прежде всего таких его свойств, как устойчивость, продолжительность действия и меньшая степень изменчивости;

- взаимосвязь и взаимозависимость конкретизации права и определенности права;

- конкретизация права выступает «конкретной противоположностью» определенности права, и наоборот.

Дополнительным аргументом в пользу признания парности изучаемых категорий служит их соотнесение с общенаучными категориями «средство», «цель» и «результат». Так, категория «средство» имеет общенаучное значение и применяется во всех областях научного знания, в том числе в теории государства и права, а также в отраслевых науках. Исходя из этимологии, понятие «средство» происходит от слов «средний», «срединный». Оно выступает «посредником» между идеальной (мысленной) моделью результата – целью, и реальным практическим результатом. Таким образом, «средство» в своем содержании объединяет представления о цели и результате, а последние, в свою очередь, всегда заключают в себе определенную информацию о средствах и способах своей реализации[1]. В Словаре русского языка «средство» – прием, способ действия для достижения чего-нибудь, орудие для осуществления какой-нибудь деятельности»[2]. В философии «средства достижения цели – это объективные предметы и действия, включенные в структуру целеполагающей деятельности и обеспечивающие получение определенного результата»[3]. Кроме этого, категории «цель» и «средство» рассматриваются как парные. Именно в средстве своей реализации та или иная цель получает определенность или конкретность[4].

Ставя перед собой цель – достижение определенности права в большей степени с помощью такого средства, как конкретизация права, можно добиваться определенного результата: сохранения и увеличения прежде всего таких свойств права, как устойчивость, продолжительность действия, меньшая степень изменчивости. И наоборот: ставя цель – осуществить конкретизацию права, необходимо использовать такое средство, как достижение определенности права в большей степени, в результате названные свойства будут сохраняться и увеличиваться.

---

[1] Казакевич Т. А. Целесообразность и цель в общественном развитии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. С. 45 – 46.
[2] Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под общ. ред. Л. И. Скворцовой. 28-е изд., перераб. М.: Оникс, 2012. С. 1020.
[3] Общество и сознание / Пер. с нем. М.Б. Колдаевой; общ. ред. и вступ. А.К. Уледова. М.: Прогресс, 1984. С. 161.
[4] Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М.: Высшая школа, 1968. С. 68.

В этой связи дискуссионным представляется анализ правовых категорий «конкретизация права» и «определенность права» таким образом, что содержание изучаемых категорий либо сужается (например, когда конкретизацию права и определенность права рассматривают только применительно к нормам права и не учитывают принципы права как самостоятельные средства правового регулирования общественных отношений), либо расширяется (например, когда пишут о возможности рассмотрения данных правовых процесса и явления применительно к правоприменению, толкованию права (интерпретации права), реализации права в целом).

В свою очередь, выделенные признаки парных правовых категорий «конкретизация права» и «определенность права» могут способствовать устранению противоречивых позиций, как в научной, так и в практической сферах относительно природы конкретизации права и определенности права.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Первый: «конкретное» и «определенность» – категории, которые используются в том числе и применительно к характеристике права, как социального явления. «Конкретизация права» и «определенность права» – правовые категории, т.к. представляют собой результат сознательной и волевой деятельности субъектов познания; выражают с высокой степенью абстрактности и общности существенные свойства правовых процесса и явления, прежде всего их взаимосвязь и взаимозависимость, существующие в большей степени; изучаются не только теорией государства и права, но и отраслевыми науками (т.е. находятся в рамках соответствующей системы юридических наук), что позволяет в совокупности с другими элементами данной системы научного знания познавать единство и наиболее общие законы развития, прежде всего права. При этом наиболее полный анализ возможен с позиции их рассмотрения в качестве парных правовых категорий.

Второй: к основным признакам (основным чертам), присущим «конкретизации права» и «определенности права», как парным правовым категориям относятся:

- сохранение и увеличение прежде всего таких его свойств, как устойчивость, продолжительность действия и меньшая степень изменчивости;

- взаимосвязь и взаимозависимость конкретизации права и определенности права;

- конкретизация права выступает «конкретной противоположностью» определенности права, и наоборот.

Третий: анализ правовых категорий «конкретизация права» и «определенность права» как парных в дальнейшем можно дополнить и выявлением взаимосвязей и взаимозависимостей, существующих в разной степени, с иными основными категориями и понятиями теории государства и права и отраслевых наук, что позволит в целом развить и углубить уже существующие знания о таком социальном явлении, как право.

Заключение

Проведенный анализ теоретико-правовых позиций, изложенных в работах отечественных научных работников, представленные теоретические и практические аргументы, выработанные автором положения позволили решить основные задачи, поставленные в начале данного диссертационного исследования и сделать следующие выводы.

При решении первой задачи рассмотрены общенаучные подходы относительно соотношения категорий и понятий. Установлено, что категория представляет собой результат сознательной и волевой мыслительной деятельности человека, который наряду с общими чертами, характерными и для понятия, обладает и отличительными.

Проведена классификация категорий по следующим основаниям: по сфере распространения и значения, в рамках которой выделены общенаучные и специальные (частнонаучные) категории; по виду отношений между категориями – парные и непарные категории. В парных категориях выражаются прежде всего взаимосвязи и взаимозависимости, существующие в той или иной степени, между предметами, явлениями или процессами. В свою очередь, в непарных категориях – изолированность (раздельность) между предметами, явлениями или процессами. Кроме этого, проанализированы основные признаки (основные черты) парных категорий.

При решении второй и третьей задачи были проанализированы общенаучные категории «абстрактное» и «конкретное», «неопределенность» и «определенность». Отмечено, что они находятся в диалектическом единстве и выступают парными противоположными категориями соответственно, в то же время в общенаучных исследованиях установлены взаимосвязи между данными парами диалектических противоположностей. Кроме этого, установлены основные положения, необходимые для их рассмотрения применительно к такому социальному явлению, как право.

В результате рассмотрения четвертой задачи проведен анализ научных исследований, посвященных становлению и развитию правовых категорий «конкретизация права» и «определенность права» в XX-XXI веках в отечественной юридической литературе, в рамках которого сделаны выводы о том, что существуют различные подходы к пониманию этих правовых категорий, зависящие от типа правопонимания, которого придерживается автор. Так, отмечается, что их изучение проводилось в основном с точки зрения юридического позитивизма или «научно дискуссионных и разнообразных концепций интегративного правопонимания». С точки зрения «научно обоснованной концепции интегративного понимания» с целью более глубоко познания правовой природы обозначаемых ими процесса и явления, правовые категории «конкретизация права» и «определенность права» анализируются как парные.

При анализе пятой задачи были выявлены: причины, объект, «внешние» и «внутренние» пределы конкретизации права, которые позволяют определить ее место среди других правовых процессов, ограничить сферу применения правовой категории «конкретизация права», а также определить условия, которые должны быть соблюдены при ее осуществлении. Кроме этого, были рассмотрены иные теоретические и практические вопросы.

Установлено, что природа конкретизации права связана прежде всего с достижением большей степени его определенности. На основании этого определены ее основные признаки (основные существенные свойства) и сформулировано понятие. Кроме этого, сделан вывод о необходимости введения и использования в научном обороте, правотворческой, правоприменительной и иных видах деятельности правовой категории «конкретизация права».

При решении шестой задачи сделан вывод о недостаточной степени изученности категории «определенность права». При этом отмечено, что в большинстве случаев правовое явление, обозначаемое данной правовой категорией, анализируется во взаимосвязи исключительно с нормами права, как правило, содержащимися только в нормативных правовых актах (или

законодательстве). Кроме этого, аргументирована дискуссионность достижения большей степени определенности права в рамках правоприменительной деятельности, реализации права, толкования права и пр., а также ее проявления в результатах указанных видов деятельности.

С учетом общенаучных подходов, при которых в том числе допускается изменение качества в большей или меньшей степени, отсутствие в объективном мире определенности чего-либо и с позиции «научно обоснованной концепции интегративного правопонимания» установлено, что природа определенности права связана в большей степени с конкретизацией права, сформулирована дефиниция «определенности права» и сделан вывод о необходимости введения и применения в научном обороте, правотворческой, правоприменительной и иных видах деятельности данной правовой категории.

В результате анализа седьмой задачи аргументировано рассмотрение «конкретизации права» и «определенности права», как правовых категорий. При этом установлено, что наиболее полный анализ возможен с позиции их рассмотрения в качестве парных правовых категорий, в связи с чем выделены их основные признаки (основные свойства) как парных правовых категорий.

В итоге сделан вывод о том, что анализ правовых категорий «конкретизация права» и «определенность права» как парных в дальнейшем можно дополнить и выявлением связей и взаимозависимостей, существующих в разной степени, с иными основными категориями и понятиями теории государства и права и отраслевых наук, что позволит в целом развить и углубить уже существующие знания о таком социальном явлении, как право.

Библиографический список

I. Нормативные правовые акты и иные официальные материалы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС «Консультант Плюс».

5. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru

6. Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

7. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О гражданстве Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.10.2019) // СПС «Консультант Плюс».

8. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 02.08.2019) «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019) // СПС «Консультант Плюс».

9. Указ Президента РФ от 14.11.2002 № 1325 (ред. от 19.09.2019) «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2019) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

10. Статут Международного Суда (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml#chap1.

II. Нормативные правовые акты, утратившие силу

11. Закон Республики Бурятия от 25.10.1994 г. № 42-I (с изм. и доп.) «О Конституционном суде Республики Бурятия» // СПС «Консультант Плюс».

12. Закон Республики Бурятия от 25.11.2016 № 2062-V «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

13. Закон Республики Бурятия от 10 октября 2017 года № 2556-V «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия в части регламентации порядка назначения на должности Председателя Конституционного суда Республики Бурятия и судей Конституционного суда Республики Бурятия» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

III. Материалы судебной практики

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1993 № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // СПС «Консультант-Плюс».

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.1995 № 16-П «По делу о проверке конституционности статей 23 и 24 Временного положения об обеспечении деятельности депутатов Калининградской областной Думы, утвержденного Постановлением Калининградской областной Думы от 8 июля 1994 года» // СПС «Консультант Плюс».

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.1996 № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава - Основного Закона Читинской области» // СПС «Консультант Плюс».

17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.1998 № 15-п «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // СПС «Консультант Плюс».

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1999 № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 155, пунктов 2 и 3 статьи 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия» // СПС «Консультант Плюс».

20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.03.2005 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан // СПС «Консультант Плюс».

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // СПС «Консультант Плюс».

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти» в связи с жалобами граждан Э.Д. Жуховицкого, И.Г. Пойма, А.В. Понятовского, А.Е. Чеславского и ОАО «Хабаровскэнерго» // СПС «Консультант Плюс».

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2006 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 100 Регламента Правительства Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

24. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376,

377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // СПС «Консультант Плюс».

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // СПС «Консультант Плюс».

26. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2009 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобой гражданина И.Н. Куашева» // СПС «Консультант Плюс».

27. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2010 № 17-П «По делу о проверке конституционности подпункта «з» пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, в связи с жалобой гражданина Л.Р. Амаякяна» // СПС «Консультант Плюс».

28. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Богатырева» // СПС «Консультант Плюс».

29. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2015 № 17-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 71 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

30. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.2017 № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда» // СПС «Консультант Плюс».

31. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» // СПС «Консультант Плюс».

32. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2017 № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н.Д. Вордена и П.Д. Олдхэма» // СПС «Консультант Плюс».

33. Определение Конституционного Суда РФ от 14.05.2015 № 1076-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «АРГУС-СПЕКТР» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 5 части 2 статьи 39 Федерального закона «О защите конкуренции» // СПС «Консультант Плюс».

34. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2015 № 1539-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // СПС «Консультант Плюс».

36. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»» // СПС «Консультант Плюс».

IV. Официальные акты Европейского суда по правам человека

37. Постановление ЕСПЧ от 28.10.1999 «Дело «Брумареску (Brumarescu) против Румынии» (жалоба № 28342/95) // СПС «Гарант».

38. Постановление ЕСПЧ от 28.03.2000 «Дело «Барановский против Польши (Baranowskiv.Poland)» (жалоба № 28358/95) // СПС «Гарант».

39. Постановление ЕСПЧ от 31.07.2000 «Дело «Йечюс против Литвы (Jeciusv.Lithuania)» (жалоба № 34578/97) // СПС «Гарант».

40. Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 «Дело «Рябых против Российской Федерации (Ryabykhv.Russia)» (жалоба № 52854/99) // СПС Консультант Плюс.

41. Постановление ЕСПЧ от 02.12.2010 «Дело «Абуева и другие против Российской Федерации (Abuyeva and Othersv.Russia)» (жалоба № 27065/05) // СПС «Гарант».

42. Постановление ЕСПЧ от 23.04.2015 «Дело «Михальчук (Mikhalchuk) против Российской Федерации» (жалоба № 33803/04) // СПС «Консультант Плюс».

43. Постановление ЕСПЧ от 12.11.2015 «Дело «Бимурадова (Bimuradova) против Российской Федерации» (жалоба № 3769/11) // СПС «Консультант Плюс».

44. Постановление ЕСПЧ от 08.12.2015 «Дело «Климова и другие (Klimova and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 22419/05, 26493/06 и 41910/06) // СПС «Консультант Плюс».

45. Постановление ЕСПЧ от 05.04.2016 «Дело «Трапезников и другие (Trapeznikov and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 5623/09, 12460/09, 33656/09 и 20758/10) // СПС «Консультант Плюс».

46. Постановление ЕСПЧ от 14.09.2016 «Дело «Бирюлев и Шишкин (Birulev and Shishkin) против Российской Федерации» (жалобы № 35919/05 и 3346/06) // СПС «Консультант Плюс».

V. Основная учебная и научная литература

47. Алексеев, С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: Курс лекций: в 2 т. / С.С. Алексеев. – Свердловск: Изд-во Свердловского юридического института, 1972. – Т. 1. – 396 с.

48. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М.: Изд-во БЕК, 1995. – 320 с.

49. Алексеев, С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 2: Специальные вопросы правоведения / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – 471 с.

50. Алексеев, С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 6: Восхождение к праву / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – 558 с.

51. Алексеев, С.С. Социальная ценность права в советском обществе / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1971. – 223 с.

52. Анишина, В.И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации: Курс лекций / В.И. Анишина. – М.: Эксмо, 2008. – 270 с.

53. Апт, Л.Ф. Легальные определения в законодательстве и судебной практике / Л.Ф. Апт. – М: Российская академия правосудия, 2010. – 232 с.

54. Аристотель. Метафизика / (перевод и примечания А.В. Кубицкого) / Аристотель. – М.-Л: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. – 348 с.

55. Аристотель. Категории (с приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля / (перевод А.В. Кубицкого). Редакция и вступительная статья Г.Ф. Александрова. / Аристотель. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – 84 с.

56. Бабаев, В.К. Советское право как логическая система: Учебное пособие / В.К. Бабаев. – М.: Академия МВД СССР, 1978. – 212 с.

57. Батурин, В.К. Логика: Учеб. пособие / В.К. Батурин. – М: КУРС; ИНФРА-М, 2012. – 96 с.

58. Безина, А.К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений / А.К. Безина. – Казань: Издательство Казанского университета, 1989. – 184 с.

59. Байтин, М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – Саратов: СГАП, 2001. – 416 с.

60. Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / Глав. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978. – Т. 14. – 631 с.

61. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – Спб.: «Норинт», 2001. – 1536 с.

62. Борисова, Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: Учебное пособие / Е.А. Борисова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 320 с.

63. Брайнин, Я.М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Брайнин. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. – 239 с.

64. Васильев, А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. – М.: Юридическая литература, 1976. – 264 с.

65. Васьковский, Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов / Е.В. Васьковский. – М.: Юридическое бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. – 128 с.

66. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: Часть II. Теория права. Т. I. / А.Б. Венгеров. – М.: Юристъ, 1996. – 166 с.

67. Власенко, Н.А. Проблемы правовой неопределенности: Курс лекций / Н.А. Власенко. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. – 176 с.

68. Власенко, Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: Монография / Н.А. Власенко. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014. – 157 с.

69. Визир, П.И., Урсул, А.Д. Диалектика определенности и неопределенности / П.И. Визир, А.Д. Урсул. – Кишинев: Изд-во «ШТИИНЦА», 1976. – 124 с.

70. Возможность и действительность в российской правовой системе / Матузов Н.И., Ушанова Н.В. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2010. – 392 с.

71. Вопленко, Н.Н. Официальное толкование норм права / Н.Н. Вопленко. – М.: Юрид лит. 1976. – 118 с.

72. Гаврилова, Ю.А. Толкование и конкретизация права: Учебное пособие / Ю.А. Гаврилова. – Волгоград: ФГАОУ ВПО «Волгоградский гос. ун-т», 2015. – 46 с.

73. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1997. – 800 с.

74. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – М.: «Мысль», 1974. – 454 с.

75. Готт, В.С. О неисчерпаемости материального мира / В.С. Готт // Категории современной науки. – М.: Знание, 1968. – 60 с.

76. Готт, В.С. Определенность и неопределенность как категории научного познания / В.С. Готт, заслуж. деятель науки РСФСР, А. Д. Урсул, доктора филос. наук. – М.: Знание, 1971. – 63 с.

77. Готт, В.С., Землянский, Ф.М. Диалектическое развитие понятийной формы мышления (Анализ становления различных понятийных форм) / В.С. Готт, Ф.М. Землянский. – М.: Высшая школа, 1981. – 319 с.

78. Готт, В.С., Урсул, А.Д. Общенаучные понятия и их роль в познании / В.С. Готт, А.Д. Урсул. – М.: Изд-во «Знание», 1975. – 64 с.

79. Готт, В.С., Урсул, А.Д., Семенюк, Э.П. О единстве научного знания (Общенаучные теоретические средства познания) / В.С. Готт, А.Д. Урсул, Э.П. Семенюк. – М.: «Знание», 1977. – 64 с.

80. Готт, В.С., Семенюк, А.П., Урсул, Д.А. Категории современной науки. Становление и развитие / В.С. Готт, А.П. Семенюк, Д.А. Урсул. – М.: Мысль, 1984. – 268 с.

81. Гражданское процессуальное право России: Учебник для вузов / Под ред. М.С. Шакарян. – М.: Изд-во «Былина», 1996. – 400 с.

82. Гредескул, Н.А. Къ ученію объ осуществленіи права. Интеллектуальный процессъ, требующійся для осуществленія права / Н.А. Гредескул. – Харьковъ: Типографія Адольфе Дарре, 1900. – 248 с.

83. Гречанова, В.А. Неопределенность и противоречивость в концепции детерминизма / Науч. ред. В.П. Огородников; Ленингр. электротехн. ин-т им. В.И. Ульянова (Ленина). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 132 с.

84. Гончар, Л.Ф. Философия: Учебное пособие. – Ч. 2. – 2-е изд., стереот. / Л.Ф. Гончар. – М.: МГИУ, 2005. – 352 с.

85. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2000. – 411 с.

86. Давыдова, М.Л. Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление / М.Л. Давыдова. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – 216 с.

87. Давыдова, М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: Монография / М.Л. Давыдова – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 318 с.

88. Денисов, Ю.А., Спиридонов, Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении / Ю.А. Денисов, Л.И. Спиридонов. – Л.: Наука, 1987. – 207 с.

89. Дикарев, И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: Монография / И.С. Дикарев. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. – 175 с.

90. Ершов, В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография / В.В. Ершов. – М.: РГУП, 2018. – 628 с.

91. Ершов, В.В. Основополагающие принципы права и принципы российского гражданского права: Монография / В.В. Ершов. – М.: РАП, 2010. – 225 с.

92. Ильенков, Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении / Э.В. Ильенков. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 464 с.

93. Ильенков, Э.В. Абстрактное и конкретное: Собр. соч. Т. 1. / Э.В. Ильенков. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. – 464 с.

94. Каган, М.С. Теоретические проблемы философии: Избранные труды. В 2 ч. Часть 1 / М. С. Каган. — М.: Издательство Юрайт, 2018. (Серия: Антология мысли). – 341 с.

95. Казакевич, Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии / Т.А. Казакевич. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. – 96 с.

96. Керимов, Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права: Монография / Д.А. Керимов. – 2-е изд. – М.: Аванта+, 2001. – 558 с.

97. Керимов, Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. / Д.А. Керимов. – 6-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2011. – 520 с.

98. Ким, В.В. Тождество и различие как категории материалистической диалектики: Учебное пособие / В.В. Ким. – Свердловск: типография изд-ва «Уральский рабочий», 1969. – 44 с.

99. Копнин, П.В. Диалектика как логика и теория познания: Опыт логико-гносеологического исследования / П.В. Копнин. – М.: Наука, 1973. – 323 с.

100. Кузьмин, В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса / В.П. Кузьмин. – 3-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1986. – 399 с.

101. Левин, Г.Д. Философские категории в современном дискурсе / Г.Д. Левин. – М.: Логос, 2007. – 222 с.

102. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Том 29. / В.И. Ленин. – М: Изд-во политической литературы, 1969. – 783 с.

103. Лейст, О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / Под ред. докт. юрид. наук, проф. В.А. Томсинова / О.Э. Лейст – М.: Зерцало, 2008. – 452 с.

104. Липинский, Д.А., Хачатуров, Р.Л. Теория государства и права: Учебник / Д.А. Липинский, Р.Л. Хачатуров. – М.: Директ-Медия, 2013. – 561 с.

105. Лившиц, Р.З. Теория права: Учебник / Лившиц Р.З. – М.: Изд-во БЕК, 1994. – 208 с.

106. Логика для юристов: Учебное пособие / Е.И. Бесхлебный. — М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. — 240 с.

107. Логика для юристов: Учеб. пособие / С.В. Корнакова, О.С. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 179 с.

108. Лукьяненко, М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность / М.Ф. Лукьяненко. – М: Статут, 2010. – 423 с.

109. Малько, А.В. Теория государства и права: вопросы и ответы: Учебно-методическое пособие / А.В. Малько. – М.: Директ-Медия, 2013. – 470 с.

110. Малько, А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 248 с.

111. Малько, А.В. Струсь, К.А. Принципы права как важнейшая составляющая правовых основ развития общества // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / Под. ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – С. 29 – 52.

112. Маркс, К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2 ч. / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1980. – Ч. 1. – 619 с.

113. Материалистическая диалектика как общая теория развития: Философские основы теории развития / Под общ. ред. Л.Ф. Ильичева. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

114. Матузов, Н.И., Малько, А.В. Теория государства и права: Учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.

115. Нашиц, А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. Перевод с румынского И. Фодор. Под ред. Д.А. Керимова и А.В. Мицкевича / А. Нашиц. – М.: Изд-во «Прогресс», 1974. – 256 с.

116. Недбайло, П.Е. Применение советских правовых норм / П.Е. Недбайло. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. – 511 с.

117. Новик, И.Б. Вопросы стиля мышления в естествознании / И.Б. Новик. – М.: Политиздат, 1975.– 144 с.

118. Миронов, Н.В. Международное право: нормы и их юридическая сила / Н.В. Миронов. — М: Юрид. лит., 1980. — 158 с.

119. Общая теория советского права. / Под ред. докторов юрид. наук С.Н. Братуся и И.С.Самощенко. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1966. – 491 с.

120. Общая теория права / Под общ. ред. проф. В.К. Бабаева. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородской ВШ МВД РФ, 1993. – 544 с.

121. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под общ. ред. Л.И. Скворцовой / С.И. Ожегов. – 25-е изд., испр. и доп. – М.: Оникс, 2012. – 1376 с.

122. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – изд. 4-е, доп. М.: ИТИ Технологии, 1986. – 944 с.

123. Общество и сознание / пер. с нем. М.Б. Колдаевой; общ. ред. и вступ. А.К. Уледова. – М.: Прогресс, 1984. – 239 с.

124. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. – 352 с.

125. Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013. – 70 с.

126. Пугинский, Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б.И. Пугинский. – М.: Юрид. лит., 1984. – 224 с.

127. Теория государства и права: Учебное пособие. Часть 3 / Ред. А.В. Кузьмин. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2011. – 377.

128. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.Н. Корнева. – М.: РАП, 2013. – 559 с.

129. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 570 с.

130. Теория государства и права: Курс лекций./ Под ред. М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. – 475 с.

131. Тихомиров, Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2010. – 400 с.

132. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Том 3. – М.: Вече – Мир книги, 2001. – 672 с.

133. Трубников, Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат» / Н.Н. Трубников. – М.: Высшая школа, 1968. – 148 с.

134. Туленов, Ж.Т. Взаимосвязь категорий диалектики: Монография / Ж.Т. Туленов. – М.: Высшая школа, 1986. – 94 с.

135. Рудаков, А.А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей: Монография / А.А. Рудаков. – М.: Проспект, 2016. – 232 с.

136. Семенюк, Э.П. Общенаучные категории и подходы к познанию (Философский анализ) / Э.П. Семенюк. – Львов: издательское образование «Вища школа», 1978. – 176 с.

137. Современные исследования в правоведении / Под ред. А.В. Малькова, Н.И. Матузова. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – 560 с.

138. Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные Профессором Карпова. Ч. 5. – М.: в синодальной типографии, 1879. – 574 с.

139. Скакун, О.Ф. Теория государства и права: Учебник / О.Ф. Скакун. — Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. — 704 с.

140. Судебная практика в советской правовой системе. Всесоюзный науч.-исслед. ин-т советского законодательства. / Отв. ред. д-р юридических наук, проф. С. Н. Братусь]. – М.: Юридическая лит., 1975. – 327 с.

141. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права. В 2-х томах. Т. 1: Элементный состав / В.М. Сырых. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. – 528 с.

142. Филиппова, С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей / С.Ю. Филиппова. – М.: Статут, 2011. – 320 с.

143. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н.. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

144. Философская энциклопедия / Под ред. Ф.В. Константинова. – Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 592 с.

145. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений / В.Н. Хропанюк; под ред. В.Г. Стрекозова. – 5-е изд., стер. – М.: Изд-во «Омега-Л», 2011 – 323 с.

146. Хабриева, Т.Я., Чиркин, В.Е. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2005. – 320 с.

147. Цымбулевская, О.И. Принципы права: нравственное измерение / О.И. Цымбулевская // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010 – С. 176 – 198.

148. Ченышев, А.Н. Курс лекций по древней философии: Учебное пособие для философ. фак. и отд-ний ун-тов / А.Н. Ченышев. – М.: Высш. школа, 1981. – 374 с.

149. Черданцев, А.Ф. Толкование советского права / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрид. лит., 1979. – 168 с.

150. Черданцев, А.Ф. Толкование права и договора: Учебное пособие для вузов / А.Ф. Черданцев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.

151. Шептулин, А.П. Категории диалектики / А.П. Шептулин. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1971. – 279 с.

152. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права: Уч. пос. (По изд. 1910-1912 гг.). – Т.1 / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Юридический колледж МГУ, 1995. – 273 с.

153. Шмелева, Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании: Монография / Г.Г. Шмелева. – Львов: Выща шк.: Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1988. – 106 с.

154. Явич Л.С. Сущность права / Л.С. Явич. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. – 207 с.

VI. Научные статьи

155. Аверин, А.В. Конкретизация права и правоприменение / А.В. Аверин // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). – С. 345 – 349.

156. Алексеев, С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С.С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12 – 19.

157. Анишина, В.И., Назаренко, Т.Н. Правовая определенность как конституционная ценность / В.И. Анишина, Т.Н. Назаренко // Конституция, личность и суд в современной России: Материалы научной конференции памяти профессора Н.В. Витрука / Под ред. И.А. Умновой, В.Е. Сафонова, И.А. Алешковой – М.: РАП, 2013. – С. 149 – 160.

158. Баранов, В.М. Негативные аспекты конкретизации юридических норм / В.М. Баранов // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). – С. 52 – 59.

159. Баранов, В.М., Лазарев, В.В. Конкретизация права: понятие и пределы / В.М. Баранов, В.В. Лазарев // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С. 16 – 33.

160. Батманов, С.А. Понятие правовой неопределенности / С.А. Батманов // Адвокат. – 2015. – № 11. С. 20 – 25. // СПС Консультант Плюс.

161. Безина, А., Лазарев, В. Конкретизация права в судебной практике / А. Безина, В. Лазарев // Советская юстиция. – 1968. – № 2. – С. 6 – 7.

162. Бондарь, Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) / Н.С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 10. – С. 4 – 10. // СПС Консультант Плюс.

163. Борщов, А.С. Роль неопределенности в развитии / А.С. Борщов // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2015. – Том 15, вып.4. – С. 9 – 12.

164. Бочкарев, А.В. Научный язык и общенаучные категории / А.В. Бочкарев // Науковедение: фундаментальные и прикладные проблемы. Сб. науч. трудов Сибирского института науковедения / Под ред. В.П. Каширина. – Вып.2: Теория научного знания. Хрестоматия. – Красноярск: НИИ СУВПТ, 2003. – С. 36 – 53.

165. Бошно, С.В. Свойства права / С.В. Бошно // Право и современные государства. – 2014. – № 1. – С. 62 – 67.

166. Бошно, С.В. Закон о нормативных правовых актах: прошлое, настоящее и перспективы / С.В. Бошно // Право и современные государства. – 2015. – № 2. – С. 7-22.

167. Братусь, С.Н., Венгеров, А.Б. Понятие, содержание и формы судебной практики / С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров // Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С.Н. Братуся. – М.: Юридическая литература. – 1975. – С. 8-74.

168. Васильев, А.М. О правовых идеях-принципах / А.М. Васильев // Советское государство и право. – 1975. – № 3. – С. 11 – 18.

169. Виноградова, Н.Л., Леонтьева, Е.Ю. Восхождение от абстрактного к конкретному: обращение к истокам и современный взгляд / Н.Л. Виноградова, Е.Ю. Леонтьева // Философия и общество. – 2008. – № 2. – С. 78 – 88.

170. Власенко, Н.А. Конкретизация в праве: природа и пути исследования / Н.А. Власенко // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С. 57 – 68.

171. Власенко, Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения / Н.А. Власенко // Журнал российского права. – 2013. – № 2 (194). – С. 32 – 44.

172. Власенко, Н.А. Категории «неопределенность» и «определенность» в исследовании современного права / Н.А. Власенко // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 8 – 17.

173. Власенко, Н.А. Методологические основы исследования конкретизации в праве / Н.А. Власенко // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). – С. 70 – 88.

174. Власенко, Н.А. Методологическая результативность исследования определенности права / Н.А. Власенко // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: Материалы XII

международной научно-практической конференции. В 3-х частях. – М.: РГУП, 2018. – Ч. 1. – С. 51 – 63.

175. Власова, Т.В. Конкретизация норм права: сравнительно-правовой анализ систем общего и романо-германского права / Т.В. Власова // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). – С. 535 – 539.

176. Вопленко, Н.Н., Рожнов, А.П. Правоприменительная практика: понятие и содержание / Н.Н. Вопленко, А.П. Рожнов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция.– 2003. – Выпуск № 6. – С. 15 – 30.

177. Воронин, Л.Г. Некоторые формы логической взаимосвязи категорий материалистической диалектики / Л.Г. Воронин // Ученые записки Шахтинского государственного педагогического института. Т. 3, вып. 1. – Шахты: Изд-во газ. «Ленинское знамя», 1959. – С. 18-29.

178. Ершов, В.В. Правопонимание, правотворчество и правоприменение / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2008. – № 5 (25). – С. 7 – 17.

179. Ершов, В.В. Конкретизация права: теоретические и практические проблемы / В.В. Ершов // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). – С. 38 – 52.

180. Ершов, В.В. Международное и внутригосударственное право с позиции легизма и интегративного понимания права / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2011. – № 8 (64). – С. 5 – 26.

181. Ершов, В.В. Определенность права / В.В. Ершов // Российское правосудие. –2017. – № 1 (129). – С. 5 – 25.

182. Ершов, В.В. Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2016. – № 3 (119). – С. 5 – 36.

183. Ершов В.В. Право и неправо: дискуссионные вопросы теории и практики / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2013. – № 1 (81). – С. 24 – 31.

184. Ершов, В.В. Судебное правопонимание: актуальные теоретические и практические проблемы / В.В. Ершов. // Российское правосудие. – 2006. – № 5. – С. 4 – 12.

185. Ершов, В.В., Ершова, Е.А. Концепция интегративного правопонимания: Сборник статей / В.В. Ершов, Е.А. Ершова // М.: РГУП, 2019 (ПРЕПРИНТ). – 68 с.

186. Ершов, В.В., Ершов, В.В., Ершова, Е.А. Проект федерального закона «О формах российского права» / В.В. Ершов, В.В. Ершов, Е.А. Ершова // Российское правосудие. Теория права и государства. – М., 2006-март 2009. – С. 292 – 303.

187. Ершова, Е.А. Конкретизация трудового права в соглашениях и коллективных договорах / Е.А. Ершова // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С. 417 – 450.

188. Зайцев, А.И. Комментарий к гл. 46 ГПК РФ «Производство по делам об оспаривании решений третейских судов» / А.И. Зайцев // Третейский суд. – 2003. – № 5 (29). – С. 6 – 24.

189. Залоило, М.В. Пределы и техника конкретизации юридических норм в правотворчестве / М.В. Залоило // Журнал российского права. – 2014. – № 11 (215). – С. 34 – 41.

190. Залоило, М.В. Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы соотношения и взаимодействия / М.В. Залоило // Журнал российского права. – 2010. – №5. – С. 105 – 112.

191. Ищенко, Н.С. Эволюция феномена конкретизации и актуализации норм права / Н.С. Ищенко // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). – С. 253 – 260.

192. Зорькин, В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы / В.Д. Зорькин // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=86.

193. Карташов, В.Н. Технология юридической конкретизации (методологический аспект проблемы) / В.Н. Карташов // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С. 68 – 80.

194. Козлова, М.Ю. Принцип правовой определенности (на примере антимонопольного законодательства) / М.Ю. Козлова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2011. – № 2. – С. 108 – 112.

195. Коновалова, Е.В. Об основных направлениях исследования феномена конкретизации в праве / Е.В. Коновалова // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2013. – № 8 (106). – С. 109 – 113.

196. Кононов, А.Л. Об общих принципах права во французской и бельгийской судебной практике по административным делам / А.Л. Коновалова // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 82 – 86.

197. Корнев, А.В. Социальное и юридическое в контексте конкретизации права / А.В. Корнев // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). – С. 233 – 239.

198. Корнев, А.В. Конкретизация права: попытка постановки проблемы / А.В. Корнев // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С.143 – 145.

199. Корнев, В.Н. Диалектика неопределенности и определенности / В.Н. Корнев // Государство и право. – 2018. – № 11. – С. 21 – 27.

200. Кичигин, Н.В. Правовая неопределенность и юридические риски в экологическом праве: постановка проблемы / Н.В. Кичигин // Актуальные вопросы публичного права. – 2014. – № 4. – С. 36 – 51.

201. Князев, С.Д. Принципы административного права Российской Федерации: отраслевой формат и юридическое значение / С.Д. Князев // Государство и право. – 2003. – № 10. – С. 39 – 47.

202. Козлова, М.Ю. Принцип правовой определенности (на примере антимонопольного законодательства) / М.Ю. Козлова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2011. – № 2 (15). – С. 108 – 112.

203. Крусс, В.И. Конституционализация и доктринальная состоятельность конкретизации российского законодательства / В.И. Крусс // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). – С. 161 – 164.

204. Крымский, С.Б. Системы знания и проблема их категориальной определенности / С.Б. Крымский // Логико-философский анализ понятийного аппарата науки. – Киев: Наукова думка, 1977. – С. 196 – 225.

205. Кузин, Д.В. Проблемы конкретизации федерального законодательства в региональных нормативно-правовых актах / Д.В. Кузин // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой,

интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С. 342 – 346.

206. Лазарев, В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия / В.В. Лазарев // Правоведение. – 1976. – № 6. – С. 7–15

207. Лазарев, В.В. Об органичности для права разумности и определенности (рецензия на книгу: Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: Монография. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 157 с.) / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2015. – № 3. – С. 142 – 145.

208. Лапаева, В.В. Типы правопонимания в российской теории права / В.В. Лапаева // Российское правосудие. –2008. – № 5 (25). – С. 18 – 29.

209. Лапаева, В.В. Законодательство об общественных объединениях: правовая концепция разграничения полномочий Федерации и субъектов / В.В. Лапаева // Законодательство и экономика. – 2002. – № 10. – С. 36 – 39.

210. Лойфман, И.Я. Единство и взаимодействие категорий диалектики / И.Я. Лойфман // Взаимосвязь категорий. Сборник статей. – Свердловск: Типография издательства «Уральский рабочий», 1970. – С. 6 – 10.

211. Луковская, Д.И., Козлов, В.А. Рецензия на Ю.А. Денисов, Л.И. Спиридонов. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л.: Наука. 1987. 206 с. / Д.И. Луковская, В.А. Козлов // Правоведение. – 1989. – № 2. – С. 100 – 103.

212. Мазуренко, А.П. Конкретизация норм права как одно из средств правотворческой политики / А.П. Мазуренко // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). – С. 249 – 252.

213. Малько, А.В. Стимулы и ограничения как парные юридические категории / А.В. Малько // Правоведение. – 1995. – № 1. – С. 3 – 13.

214. Малько, А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема / А.В. Малько // Известия высших учебных заведений. – Правоведение. – 1999. – № 2 (225). – С. 4 – 16.

215. Марченко, М.Н. О понятии методологии и особенностях сравнительного познания советского и постсоветского государства и права / М.Н. Марченко // Российское правосудие. – 2017. – № 8 (136). – С. 27, 28.

216. Марченко, М.Н. Тенденция повышения роли и значения индивидуальных актов в механизме правового регулирования современной России / М.Н. Марченко // Государство и право. – 2018. – № 4. – С. 5 – 12.

217. Марченко, М.Н. О соотношении общей теории государства и права и теории государства и права России / М.Н. Марченко // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2019. - № 1. – С. 3 – 9.

218. Масаладжиу, Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе / Р. Масаладжиу // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 7. – С. 22 – 25; № 8. – С. 10 – 13 // СПС Консультант Плюс.

219. Минникес, И.А. Правовое регулирование: нормативные и индивидуальные начала / И.А. Минникес //Вестник Сибирской академии права, экономики и управления. – 2010. – № 1 (1). – С. 4 – 11.

220. Минникес И.А. Правовое средство индивидуального правового регулирования // Академический юридический журнал. 2010. № 2 (40). С. 5 – 9.

221. Морозова, Л.А. Пределы конкретизации права / Л.А. Морозова // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). – С. 124 – 131.

222. Ноздрачев, А.Ф. Пределы конкретизации законов и подзаконных актов министерствами и ведомствами Союза ССР (по материалам функциональных министерств и ведомств Союза ССР) / А.Ф. Ноздрачев // Ученые записки. – Выпуск 12. – М. Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. – 1968. – С. 71 – 86.

223. Ноздрачев, А.Ф. Современная правотворческая деятельность федеральных органов исполнительной власти: анализ практики, оценка правовых форм, предложения и рекомендации / А.Ф. Ноздрачев // Законодательство и экономика. – 2014. – № 10. – С. 7 – 47; № 11. – С. 7 – 36. // СПС Консультант Плюс.

224. Нешатаева, Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права / Т.Н. Нешатаева // Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 3. – С. 124 – 140 // СПС Консультант Плюс.

225. Панов, Н.И. Проблемы методологии формирования категориально-понятийного аппарата юридической науки / Н.И. Панов // Проблемы законности: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Я. Таций. – Харьков: «Нац. юрид. ун-т имени Ярослава Мудрого», 2014. – Вып. 126. – С. 3 – 14.

226. Панченко, В.Ю. Юридическое противодействие и юридическое содействие как парные правовые категории / В.Ю. Панченко // LexRussia. – 2015. – № 12 (Том CIX). – С. 30 – 42.

227. Пивоваров, Д.В. Операциональный аспект категории развития / Д.В. Пивоваров // Сб. «Категории диалектики. Диалектика прогрессивного развития». – Свердловск: Типография издательства «Уральский рабочий», 1976. – С. 19 -23.

228. Пишина, С.Г. К вопросу о соотношении конкретизации и толкования гражданского законодательства в России / С.Г. Пишина // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М.

Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С. 537 – 540.

229. Поленина, С.В. Конкретизация как метод законотворчества в Российской Федерации / С.В. Поленина // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С. 33 – 57.

230. Поляков, А.В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения / А.В. Поляков // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 4 – 23.

231. Пресняков, М.В. Правовая определенность: формальный и материальный аспекты / М.В. Пресняков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2014. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 669 – 674.

232. Пряхина, Т.М. Влияние правовой неопределенности на стратегию законотворчества России / Т.М. Пряхина // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 601 – 607.

233. Рабинович, П.М., Шмелева, Г.Г. Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) / П.М. Рабинович, Г.Г. Шмелева // Правоведение. – 1985. – № 6. – С. 31 – 39.

234. Рахматуллина, З.З. Неопределенность правовой нормы – как технико-юридический прием правотворчества / З.З. Рахматуллина // Правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: Сб. науч. статей / Отв. ред. В. М. Сырых, М. А. Занина. – М.: РАП, 2010. – С. 375 – 382.

235. Розенталь, М.М. О характере развития философских категорий / М.М. Розенталь // Коммунист. — 1972. – № 13. – С. 103 – 115.

236. Романов, А.К. Принцип неопределенности и право в эпоху социальной трансформации / А.К. Романов // Куда идет Россия?: трансформация социальной сферы и социальная политика, 1998: пятый международный симпозиум, 16-17 января 1998 г. / Под ред. Т.И. Заславской. – М.: Изд-во «Дело», 1998. – С. 53-59.

237. Рукавишникова, (Плашевская) А.А. Генезис категории «правовая определенность» в современной юридической науке / А.А. Рукавишникова (Плашевская) // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 3 (13). – С. 70 – 83.

238. Рукавишникова, А.А. Соотношение приговора, вступившего в законную силу, и окончательного приговора в уголовном процессе / А.А. Рукавишникова // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 1. – С. 98 – 102.

239. Руткевич, М.Н. О содержании категорий качество и количество / М.Н. Руткевич // Взаимосвязь категорий: Сборник статей. – Свердловск: Типография издательства «Уральский рабочий», 1970. – С. 48 – 60.

240. Руткевич, М.Н. Марксистское понятие практики в его связи с другими философскими категориями / М.Н. Руткевич // Взаимосвязь категорий: Сборник статей. – Свердловск: Типография издательства «Уральский рабочий», 1970. – С. 74 – 102.

241. Станкин А.Н. О проекте закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» / А.Н. Станкин // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 3 (22). – С. 52 – 54.

242. Сухорукова, Л.Н. Восхождение от абстрактного к конкретному в научном и учебном познании / Л.Н. Сухорукова // Ярославский педагогический вестник. – 1997. №3. – С. 20 – 23.

243. Толстик, В.А. К вопросу о зависимости между степенью конкретизации норм права и иерархией источников права / В.А. Толстик // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики:

Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С. 117 – 126.

244. Туркин, Л.П. Сущность, явление, взаимодействие / Л.П. Туркин // Взаимосвязь категорий: Сборник статей. – Свердловск: Типография издательства «Уральский рабочий», 1970 – С. 19 – 26.

245. Фролова, Е.А. Проблемы методологии науки: философия Аристотеля / Е.А. Фролова // Диалог. – 2018. – № 3 (12). – С. 19 – 23.

246. Черданцев, А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права / А.Ф. Черданцев // Применение советского права: Сборник ученых трудов. Вып. 30. – Свердловск: СЮИ, 1974. – С. 15 – 37.

247. Чернобель, Г.Т. Конституция и ее конкретизация / Г.Т. Чернобель // Журнал российского права. – 2013. – № 3. – С 50 – 62.

VII. Диссертации и авторефераты диссертаций на соискание ученой степени

248. Автономов, А.С. Системность категорий конституционного права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Алексей Станиславович Автономов. – М., 1999. – 40 с.

249. Алексеева, Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.09 / Татьяна Михайловна Алексеева. – М., 2015. – 263 с.

250. Батурина, Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Юлия Борисовна Батурина. – М., 2001. – 149 с.

251. Веселкова, В.С. Определенность и неопределенность в социальном познании: Дис. …канд. философ. наук: 09.00.11 / Вера Сергеевна Веселкова. – Саранск, 2006. – 172 с.

252. Воронов, И.Ю. Основополагающие принципы российского права и российского трудового права: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01, 12.00.05 / Игорь Юрьевич Воронов. – М., 2012. – 215 с.

253. Гамидов, М.Ш. Конкретизация норм права: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Муса Шахбанович Гамидов. – Н. Новгород, 2010. – 203 с.

254. Глотова, И.А. Конкретизация норм трудового права: Автореф. дис. …канд. юрид. наук: 12.00.05 / Ирина Александровна Глотова. – Екатеринбург, 2015. – 34 с.

255. Демин, А.В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления: Дис. …докт. юрид. наук: 12.00.04 / Александр Васильевич Демин. – Екатеринбург, 2014. – 452 с.

256. Деркач, Т.В. Частное и публичное право как парные юридические категории: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Тарас Владимирович Деркач. – Саратов, 2010. – 23 с.

257. Дмитриев, С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сергей Дмитриевич Дмитриев. – Самара, 2012. – 215 с.

258. Ершов, В.В. Юридическая природа общих и гражданско-правовых принципов: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01, 12.00.03 / Валентин Валентинович Ершов. – М., 2009. – 229 с.

259. Ершова, Е.А. Источники и формы трудового права в Российской Федерации: Дис. …докт. юрид. наук: 12.00.05 / Елена Александровна Ершова. – М., 2008. – 493 с.

260. Залоило, М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Максим Викторович Залоило. – М., 2011. – 196 с.

261. Захарова, К.С. Системные связи принципов права: теоретические проблемы: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кристина Сергеевна Захарова. – Самара, 2009. – 255 с.

262. Кашанина, Т.В. Оценочные понятия в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Татьяна Васильевна Кашанина. – Свердловск, 1974. – 16 с.

263. Курчиков, Л.Н. Категория неопределенности в философии и ее методологическое значение для современного естествознания: Автореф. дис. ... докт. философ. наук: 09.00.00 / Леонид Николаевич Курчиков. – Л., 1970. – 35 с.

264. Назаренко, Т.Н. Неопределенность в российском праве: Дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Татьяна Николаевна Назаренко. – М., 2006. – 227 с.

265. Ноздрачев, А.Ф. Нормативные акты министерств и ведомств СССР: Автореф. дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Александр Филиппович Ноздрачев. – М., 1968. – 17 с.

266. Нырков, В.В. Поощрение и наказание как парные юридические категории: дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01/ Владимир Владимирович Нырков. – Саратов, 2003. – 222 с.

267. Примак, Т.К. Совершенствование законодательства как средство обеспечения законности (по материалам деятельности органов внутренних дел): Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Татьяна Клавдиевна Примак. – М., 1998. – 162 с.

268. Реуф, В.М. Специально-юридические принципы права: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Владислав Маркович Реуф. – Самара. – 2004. – 241 с.

269. Сапун, В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: Дис. …докт. юрид. наук: 12.00.01 / Валентин Андреевич Сапун. – Нижний Новгород, 2002. – 321 с.

270. Семьянов, Е.В. Судебное правотворчество (вопросы общей теории права): Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Евгений Викторович Семьянов. – М., 2005. – 193 с.

271. Сенякин, И.Н. Специализация и унификация российского законодательства. (Проблемы теории и практики): Автореф. дис. …докт. юрид наук: 12.00.01 / Иван Николаевич Сенякин. – Саратов, 1993. – 32 с.

272. Сидоренко, А.И. Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений Европейского суда по правам человека: Автореф. дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Андрей Игоревич Сидоренко. – Пермь, 2016. – 31 с.

273. Сидоркин, А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Александр Сергеевич Сидоркин. – М., 2010. – 206 с.

274. Сыров, В.И. Линейное и нелинейное как общенаучные категории: Дис. …канд. философ. наук: 09.00.08 / Владимир Иванович Сыров – Н. Новгород, 2002. – 129 с.

275. Сырых, Е.В. Общие критерии качества закона: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Елена Владимировна Сырых. – М., 2001. – 221 с.

276. Ткачева, С.Г. Конкретизация закона и его судебное толкование: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Светлана Георгиевна Ткачева. – М., 1973. – 206 с.

277. Черник, В.Г. Определенность и неопределенность как категории научного познания: Автореф. дис. …канд. философ. наук: 09.00.01 / Валерий Ргорьевич Черник. – Ташкент, 1977. – 24 с.

278. Шабуров, А.С. Формальная определенность права: Автореф. дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Анатолий Степанович. – Свердловск, 1973. – 25 с.

279. Шмелева, Г.Г. Конкретизация социалистического права как фактор совершенствования правового регулирования: Дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Галина Георгиевна Шмелева. – Львов, 1982. – 149 с.